

НАУКА: КОМПЛЕКСНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Научно-информационный журнал
Научно-исследовательского института
Адыгейского государственного университета

СОДЕРЖАНИЕ

1	ВВЕДЕНИЕ	4
РАЗДЕЛ 1. ЛИЧНОСТЬ КАК СУБЪЕКТ СО-БЫТИЯ В ИЗМЕНЯЮЩЕЙСЯ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ РЕАЛЬНОСТИ		
2	АНАЛИЗ СУБЪЕКТИВНЫХ ФАКТОРОВ, ОПРЕДЕЛЯЮЩИХ ОБВИНИТЕЛЬНЫЙ ПАТТЕРН ОЦЕНОЧНЫХ СУЖДЕНИЙ ЛИЧНОСТИ ПО ОТНОШЕНИЮ К ЖЕРТВЕ <i>Беленко С.С.</i>	5
3	СВЯЗЬ ДЛИТЕЛЬНОСТИ ГРУДНОГО ВСКАРМЛИВАНИЯ И ЭМОЦИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ РЕБЕНКА <i>Васильченко В.А., Вавилова А.В.</i>	12
4	ВРЕМЕННАЯ ПЕРСПЕКТИВА ЛИЧНОСТИ КАК ДЕТЕРМИНАНТА ПРОАКТИВНОГО КОПИНГ-ПОВЕДЕНИЯ <i>Секацкая Е.О.</i>	19
5	ДЕТСКО-РОДИТЕЛЬСКИЕ ОТНОШЕНИЯ КАК УСЛОВИЕ ФОРМИРОВАНИЯ ЛИЧНОСТИ РЕБЕНКА ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА <i>Чувашова А.Г.</i>	25
6	СВЯЗЬ МУЗЫКАЛЬНЫХ ПРЕДПОЧТЕНИЙ МОЛОДЕЖИ СО СТИЛЯМИ ЮМОРА <i>Богомолова Е.И., Левкович П.И.</i>	32
РАЗДЕЛ 2. ЛИЧНОСТЬ В УСЛОВИЯХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ МИРА ПРОФЕССИЙ И ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ		
7	КОПИНГ-РЕСУРСЫ ПИЛОТОВ ГРАЖДАНСКОЙ АВИАЦИИ <i>Бабичкова Е.С.</i>	37
8	К ПРОБЛЕМЕ АНАЛИЗА МОТИВАЦИИ УЧЕБНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СТУДЕНТОВ ВУЗА <i>Баранова А.Е.</i>	42
9	ВОВЛЕЧЕННОСТЬ ПЕРСОНАЛА ОРГАНИЗАЦИИ БАНКОВСКОЙ СФЕРЫ <i>Миронцева Е.А., Омельченко Н.В.</i>	47
РАЗДЕЛ 3. ПСИХИЧЕСКИЕ СОСТОЯНИЯ ЛИЧНОСТИ: ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКИЕ И РЕГУЛЯТОРНЫЕ АСПЕКТЫ.		
10	ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕЖИВАНИЯ НЕГАТИВНЫХ ПСИХИЧЕСКИХ СОСТОЯНИЙ В ПОДРОСТКОВОМ ВОЗРАСТЕ <i>Евстратова П.И., Хозяинова Т.К.</i>	53
11	ЛИЧНОСТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РОДИТЕЛЕЙ, ВОСПИТЫВАЮЩИХ ДЕТЕЙ-ИНВАЛИДОВ <i>Мальцева А.А.</i>	59
12	ОСОЗНАНИЕ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОГО КРИЗИСА В ПЕРИОД ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБУЧЕНИЯ <i>Ротарь М.В.</i>	65

13	ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ РИСУНОК КАК МЕТОД ДИАГНОСТИКИ ИСТОЧНИКОВ ПСИХИЧЕСКИХ СОСТОЯНИЙ ЛИЧНОСТИ <i>Снитковский А.В., Чичук Е.Ю.</i>	69
14	ВЗАИМОСВЯЗЬ ОЦЕНОЧНО-СОДЕРЖАТЕЛЬНЫХ ИНТЕРПРЕТАЦИОННЫХ ХАРАКТЕРИСТИК ВНЕШНЕГО ОБЛИКА И ПЕРФЕКЦИОНИЗМА У МОЛОДЕЖИ <i>Ковалева А.П.</i>	74
15	ФОРМИРОВАНИЕ КУЛЬТУРЫ ЗДОРОВОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ СТАРШИХ ШКОЛЬНИКОВ <i>Пашко М.И.</i>	79
РАЗДЕЛ 4. ВИРТУАЛИЗАЦИЯ БЫТИЯ И ПРОБЛЕМЫ ЛИЧНОСТИ В ПРОСТРАНСТВЕ ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИЙ		
16	ВЛИЯНИЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КОМПЬЮТЕРНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ НА ТВОРЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ СТУДЕНТОВ <i>Берберян А.С., Григорян М.Ю.</i>	83
17	САМООЦЕНКА И ПРЕДПОЧИТАЕМЫЕ СТРАТЕГИИ САМОПРЕДЪЯВЛЕНИЯ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ <i>Богомолова Е.И., Зенкова А.И.</i>	91
18	ВЗАИМОСВЯЗЬ ЧУВСТВА ПРИСУТСТВИЯ И ИНТЕРНЕТ-ЗАВИСИМОСТИ <i>Головкова А.А., Зыкова Е.И.</i>	96
19	ПОДРОСТКОВЫЙ ЭСКАПИЗМ: ФАКТОРЫ И МЕХАНИЗМЫ УСПЕШНОГО ПРОЦЕССА САМООПРЕДЕЛЕНИЯ ЛИЧНОСТИ <i>Колотова О.В.</i>	103
20	СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ В ИНТЕРНЕТЕ КАК ОБЪЕКТ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА <i>Поречный Н.Е.</i>	109
РАЗДЕЛ 5. ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ БЫТИЯ И СО-БЫТИЯ ЛИЧНОСТИ		
21	ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ ЖЕНЩИН, ОБРАЩАЮЩИХСЯ ДЛЯ РЕАБИЛИТАЦИИ В КРИЗИСНЫЙ ЦЕНТР <i>Соколов Д.В., Некрасов С.Д.</i>	115
22	ПСИХИЧЕСКИЙ ОБРАЗ РОДИТЕЛЕЙ В СТРУКТУРЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНО ВАЖНЫХ КАЧЕСТВ КУРСАНТА-ЛЁТЧИКА. <i>Щербакова Е.А., Каратунов В.В.</i>	121

ВВЕДЕНИЕ

Данный номер журнала «Наука: комплексные проблемы» представляет собой тематический выпуск, который полностью посвящен актуальным на сегодняшний день психологическим проблемам бытия личности, включенной в динамичные общественные процессы в условиях повышенной неопределенности событий.

В нем размещены статьи, подготовленные участниками научного семинара «Личность и вызовы современности: взгляд молодых ученых», проводимого в рамках Международной научной конференции «Личность и вызовы современности: интерпретация проблем различными научными школами», посвященной 80-летию Адыгейского государственного университета.

Авторами представлены результаты исследований различных явлений и форм взаимодействия людей, возникающих в процессе трансформаций социально-политических, экономических сфер бытийного пространства, его информатизации, цифровизации, проблем со-бытия, идентичности личности на стыке культур, социальных практик и политических сценариев, исторического опыта личности в контексте глобализации и др.

Статьи структурированы по содержательным разделам:

- «Личность как субъект со-бытия в изменяющейся социокультурной реальности»;
- «Личность в условиях преобразований мира профессий и экономических отношений»;
- «Психические состояния личности: феноменологические и регуляторные аспекты»;
- «Виртуализация бытия и проблемы личности в пространстве интернет-коммуникаций»;
- «Гендерный аспект бытия и со-бытия личности».

Среди авторов ученые из Армении и России, представители научных коллективов Еревана, Краснодара, Сочи, Москвы, Ростова-на-Дону и др.

НАУЧНЫЕ СТАТЬИ

РАЗДЕЛ 1. ЛИЧНОСТЬ КАК СУБЪЕКТ СО-БЫТИЯ В ИЗМЕНЯЮЩЕЙСЯ
СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

УДК159.923:159.955.5

ББК 88.52

Б 43

Беленко С.С.

Сочинский государственный университет, Россия, Сочи

**АНАЛИЗ СУБЪЕКТИВНЫХ ФАКТОРОВ, ОПРЕДЕЛЯЮЩИХ
ОБВИНИТЕЛЬНЫЙ ПАТТЕРН ОЦЕНОЧНЫХ СУЖДЕНИЙ
ЛИЧНОСТИ ПО ОТНОШЕНИЮ К ЖЕРТВЕ**

Аннотация. Обвинение жертвы – остро стоящая проблема современного общества. В данной статье рассматриваются основные факторы, определяющие обвинительный паттерн оценочных суждений (мнений) личности как индивидуальной, субъективной оценки человеком ситуаций, в которой оказалась жертва. Анализ научной литературы позволяет выдвинуть предположение, что лица, склонные к обвинению жертвы, характеризуются определенным набором субъективных факторов, являющихся психологическими детерминантами, определяющими обвинительный паттерн оценочных суждений личности по отношению к жертве.

Ключевые слова: Оценочные суждения; обвинительный паттерн; обвинение жертвы; конформность; конструктивность; самозащита.

Belenko S.S.

Sochi State University, Russia, Sochi

**ANALYSIS OF SUBJECTIVE FACTORS THAT DETERMINE THE
ACCUSATORY PATTERN OF PERSONAL VALUE JUDGMENTS IN RELATION TO
THE VICTIM**

Abstract. Victim blaming stands as an acute problem in the modern society. This article examines the main factors that determine the accusatory pattern of value judgments (opinions) of a person as an individual, subjective assessment of the situations in which the victim finds themself. Analysis of the scientific literature suggests that individuals who are inclined to blame the victim are characterized by a certain set of subjective factors that are psychological determinants that determine the accusatory pattern of personal value judgments in relation to the victim.

Keyword: Value judgments; accusatory pattern; victim blaming; conformity; constructiveness; self-defense.

Обвинение жертвы – остро стоящая проблема современного общества. В данной статье рассматриваются основные факторы, определяющие обвинительный паттерн оценочных суждений личности по отношению к жертве, а также приведены результаты проведенного психологического исследования, полученные в ходе опроса мужчин и женщин разных возрастов. Данное исследование было направлено на изучение когнитивного компонента отношений личности, а именно, на оценочные суждения в ситуации обвинения жертвы.

Проблема отношения человека к другому человеку уже давно изучается в психологии. Этой теме посвящены труды Г.М. Андреевой, А.А. Бодалева, Л.Я. Гозмана, М.С. Кагана, И.С. Кона, М.И. Лисиной, А.А. Леонтьева, Б.Ф. Ломова, В.Н. Мясищева, Н.Н. Обозова, А.В. Петровского и других отечественных ученых. Профессор С.В. Духновский считает, что категория «отношение» – одна из основных в психологической науке, наряду с такими как «отражение», «деятельность», «общение». Она выполняет гносеологическую функцию при разработке проблем характера, мотивов, установок, ценностных ориентаций, диспозиций личности, социально- психологического климата и многих других, связанных с проявлением субъектных свойств человека [1].

Ученые М.И. Дьяченко и Л.А. Кандыбович отмечают, что отношение характеризует тот конкретный смысл, который имеют для человека отдельные объекты, явления, люди. Положительный или отрицательный опыт взаимоотношений человека влияет на формирование его личностного самоотношения к себе [2]. В.А. Ганзен и В.Н. Юрченко определяли отношение личности к окружающей действительности как характеристику сознания, «ответ индивида на объекты и ситуации, с которыми он сталкивается», то есть это отношение личности к обстоятельствам, фактам, объектам явлениям в его жизни [3].

В трудах отечественного психолога В.Н. Мясищева отмечено, что отношение человека к самому себе связано с его отношениями к другим людям и их отношениями к нему. В структуре психологических отношений ученый определяет класс «оценочных отношений», которые, по его мнению, формируются на основе общественных критериев поступков, поведения и жизнедеятельности людей. В оценках себя и других люди проявляют, по высказыванию ученого, отношения самоуважения и уважения других. Таким образом, оценочные отношения выполняют функцию преобразователя психологических отношений в социально-психологические. Он выделяет в отношении «эмоциональную», «оценочную» (когнитивную, познавательную) и «конативную» (поведенческую) компоненты. Каждый определяется характером жизненного взаимодействия личности с

окружающей средой и людьми, включающего различные моменты общения (от обмена веществ до идейного общения) [4].

Б.Ф. Ломов писал о «субъективном отношении» – это объективная связь личности с ее окружением, но в эту связь он включал субъективную позицию человека в этом окружении. То есть отношение включает момент оценки, выражает пристрастность личности. Также на отношение человека влияет та общность, в которую он включен. В итоге формируется отношение как к самой этой общности, так и к другим общностям. Система «субъективно-личностных» отношений – субъективное пространство личности, каждое из измерений которого соответствует определенному субъективно-личностному отношению [5].

Куликов Л.В. в структуре отношений выделил объекты отношений, подструктуры отношений и составляющие подструктур, процессы и компоненты отношений. Объектами психологических отношений выступают: природный мир, мир людей, «Я» самой личности. В качестве основных процессов отношений выступают: познание, переживание и оценивание, регулирование, осознание [6]. Переживание и оценивание выражаются в эмоциональном реагировании на объект отношений, в принятии или отвержении его, в формировании оценки. Отношения личности формируются и изменяются под влиянием нескольких групп факторов, среди которых особая роль принадлежит личностным факторам становления системы отношений человека [7].

Проявляются отношения в единстве когнитивных, эмоциональных и поведенческих компонентов. Поэтому в приведенном ниже исследовании мы изучали когнитивный компонент отношений личности, а именно, оценочные суждения. Среди оценочных суждений можно выделить: фактические (объективные), оценочные (субъективные), теоретические (обобщенные).

Оценочное суждение (мнение) – это субъективная оценка человеком любого явления окружающей действительности. Выражается обычно при помощи оценочных слов («приемлемо/ неприемлемо», «хорошо/ плохо», «добро/ зло») либо объясняет индивидуальную позицию человека. Главной функцией оценочного суждения является не выяснение истины, а оправдание собственных мыслей, слов, действий, выражение личной позиции в отношении конкретного предмета, человека или явления. Любая оценка в конечном итоге влияет на поступки, поведение человека, его отношение к себе и окружающим. Люди не любят выделяться из толпы, поэтому зачастую оценочное суждение отдельного человека – это мнение общества, в котором он живет.

С детских лет в результате подражания, воспитания, обучения, то есть в процессе социализации, мы копируем у старших и перенимаем у значимых лиц разные формы или

паттерны поведения (набор поведенческих реакций) как привычную поведенческую модель, определяющую нашу идентичность и индивидуальный способ взаимодействия с окружающим миром.

Паттерны (от англ. pattern – система, образец, шаблон) – устойчивые контекстно-обусловленные повторения человеком собственного поведения или мышления, которые, в свою очередь, обусловлены рядом внутриличностных факторов. Анализ человеческих паттернов помогает в понимании того, как тот или иной человек будет действовать в различных ситуациях. Одним из ярких примеров является модель поведения жертвы. Мы остановимся на рассмотрении обвинительного паттерна жертвы.

Обвинительный паттерн - система оценочных суждений создается в виде посредствующих представлений, с помощью которых в режиме синхронности процессов восприятия и мышления проявляются закономерности субъективного мнения об окружающем мире, природе, обществе, людях.

Явление обвинения жертвы на сегодняшний день весьма распространено. Несмотря на нестабильность и неблагополучие политической обстановки в стране, здоровье, жизнь, достоинство и половая неприкосновенность личности всегда будут иметь высшую ценность и неукоснительно защищаться государством, поскольку наносят вред моральному и физическому благополучию граждан. Феномен обвинения жертвы известен еще с незапамятных времен. В истории много примеров ситуаций обвинения жертв, когда несчастья и беды людей объясняются их неправильным, неподобающим поведением. На жертву преступления, несчастного случая или любого насилия возлагается полная или частичная ответственность за совершенное в отношении неё противоправное действие. Поэтому жертвы сталкиваются с неприятием общества. Их осуждают, озвучивают фразы с негативным подтекстом: «Сама виновата» и «Получил, на что напрашивался».

В англоязычном обществе есть название данному явлению – виктимблейминг (англ. Victimblaming), то есть обвинение жертвы. Подобного термина в России нет, поэтому тема нуждается в обобщении накопленного опыта и привлечении внимания общественности к данной проблеме.

Есть мнение, что «в социальном плане повышение уровня агрессивности населения часто связано с ухудшением жизни общества, культурным кризисом, негативным психологическим настроением людей, отступлением от нравственных ценностей, повышением уровня конфликтности и ожесточения» [8].

Человек, заявивший о том, что он пострадал от преступного деяния, ожидает от общества помощи. Однако у большинства людей срабатывает защитный механизм сознания,

который выражается в вере в справедливо устроенный мир. Ученые М. Лернер и К. Симмонс в своих исследованиях пришли к выводу, что «и ободряющая, и неодобрительная реакция в адрес жертвы вытекает из стремления к справедливости. Они предположили, что людям необходима вера в то, что мир, в котором они живут, является справедливым и люди в нём получают то, что заслуживают» [9].

Р. Бэрон в своей книге «Агрессия» выделяет четыре блока детерминант агрессивного поведения, среди которых указывает на индивидуальные: черты характера, тревога, локус контроля, чувство стыда, установки, система ценностей, гендер, плохо развитые социально-когнитивные навыки [10].

Анализ научной литературы позволяет выдвинуть предположение, что лица, склонные к обвинению жертвы, характеризуются определенным набором субъективных факторов, являющихся психологическими детерминантами, определяющими обвинительный паттерн оценочных суждений личности по отношению к жертве.

Исследование проводилось с использованием методов тестирования и анкетирования. Респондентами выступили 68 человек (50% женщин и 50% мужчин) в возрасте от 19 до 70 лет (жители города Сочи). В качестве инструментария для проверки предположения были использованы методики: 1. Локус контроль – Д. Роттера; 2. Морфологический тест жизненных ценностей (МТЖЦ) – В.Ф. Сопова и Л.В. Карпушиной; 3. Тест рисуночной фрустрации – С. Розенцвейга; 4. Шкала БУ (базовых убеждений) Р. Янова-Бульмана; 5. Гендерный тест С. Бэм; 6. Жизненные ситуации с вариантами обвинения и сочувствия жертвам. Обработка результатов проводилась с использованием аппаратно-программного психодиагностического комплекса «Мультипсихометр», который позволяет проводить комплексную оценку психологических качеств и психофизиологических свойств, характеристик психологического состояния личности по результатам выполнения психодиагностических методик или их комбинаций. Для нахождения значимых различий между категориями лиц, обвиняющих и сочувствующих жертвам 2-х выборок, был применён t-критерий Стьюдента и U-критерий Манна-Уитни, результаты сопоставлялись (SPSS).

На этапе описания результатов нас интересовала гипотеза, что лица, демонстрирующие определенный обвинительный паттерн по отношению к жертве, характеризуются выраженностью внешнего локуса контроля и экстернальности, а также конкретным набором ценностей.

Внешние факторы не учитывались, так как анализ взаимосвязи гендера, возраста и реакции обвинения респондентов показал, что статистически значимых различий в

проявлении определенного обвинительного паттерна оценочных суждений по отношению к жертве по названным выше показателям не установлено.

Статистические значимые различия были обнаружены по следующим показателям. 1. В ответах на вопросы Морфологического теста жизненных ценностей (МТЖЦ) группа опрошенных, склонных к обвинению жертвы, в большинстве своём из 14 ценностей выбирала ценность семейной жизни ($0,60$ ($p=0,001 \leq 0,01$)), к которым относили любовь, доверие, уважение, взаимопомощь, что является основополагающими для семейных ценностей.

2. В методике С. Розенцвейга у лиц, обвиняющих жертвы, была выявлена фиксация на самозащите ($0,033$ ($p= 0,001 \leq 0,01$)), что находит выражение в склонности к осуждению и проявлению враждебности. Также в реакциях на вопросы теста С. Розенцвейга у обвиняющей стороны присутствовали: фактор конформизма ($0,082$ ($p= 0,001 \leq 0,01$)) как стремление не выделяться и выраженное приспособление, пассивное согласие с мнением, взглядами, ценностями значимой группы, даже если те противоречат личному мнению и убеждениям индивида, а также фактор конструктивности ($0,005$ ($p= 0,001 \leq 0,01$)), т.е. логические и правильные высказывания личности относительно ситуации обвинения. Человек понимает, что инцидент носит негативную окраску, что потерпевшая сторона и правда жертва, но все равно пытается найти рациональное объяснение произошедшему, убеждая себя в виновности пострадавшей.

На вопросы методики «Локус контроля» у лиц, обвиняющих жертву, ответы с выраженностью внешнего локуса контроля и экстернальности (когда человек уверен, что в несчастье виновата сама жертва и осуждает её) **выявлены не были**. Поэтому можно говорить об исключении локуса контроля из числа субъективных факторов, определяющих обвинительный паттерн оценочных суждений личности по отношению к жертве.

Результаты проведенного нами исследования соотносятся с результатами исследования ученых З. Рубина и Л. Пепло, которые в своей работе подтвердили, что «люди, которые верят в справедливость мира, обычно более религиозны, авторитарны, консервативны и проявляют склонность к поклонению политическим вождям, одобряют социальные институты, смотрят свысока на дискриминируемых, бедных и обездоленных» [11].

Подводя итоги исследования, можно сказать, что значимыми субъективными факторами, определяющими обвинительный паттерн оценочных суждений личности по отношению к жертве являются: конформность и конструктивность, семейные ценности и фиксация личности на самозащите, которые напрямую зависят от требований социума.

Примечания:

1. Духновский С.В. Субъективная оценка межличностных отношений: руководство по применению. Санкт-Петербург: Речь, 2006. 54 с.
2. Дьяченко М.И., Кандыбович Л.А. Психологический словарь-справочник. Минск: Харвест, 2001. 576 с.
3. Ганзен В.А., Юрченко В.Н. Системный подход к анализу, описанию и экспериментальному исследованию психических состояний человека // Экспериментальная и прикладная психология. Ленинград: Изд-во ЛГУ, 1981. Вып. 10. С. 5-16.
4. Мясищев В.Н. Психология отношений: избр. психол. тр. / под ред. А.А. Бодалева. Москва; Воронеж, 2004.
5. Ломов Б.Ф. О системном подходе в психологии // Вопросы психологии. 1975. № 2. С. 31-45.
6. Куликов Л.В. Психология настроения. Санкт-Петербург: Изд-во СПбГУ, 1997. 234 с.
7. Социальная психология личности в вопросах и ответах: учеб. пособие / под ред. проф. В.А. Лабунской. Москва: Гардарики, 2001. 397 с.
8. Бородкин Ф.М., Володина Н.П. Социальная напряженность и агрессии // Мир России. 1997. № 4. С. 107-150.
9. Лернер М.Дж., Симмонс К.Х. Реакция наблюдателя на "невинную жертву": сострадание или неприятие? // Журнал личностной и социальной психологии. 1966. Вып. 4.
10. Бэрон Р., Ричардсон Д. Агрессия. Санкт-Петербург: Питер, 2001. С. 12.
11. Зик Рубин, Летиция Энн Пепло. Кто верит в Справедливый мир? // Журнал социальных проблем. 1975. Т. 31, № 3.

Беленко Светлана Сергеевна, аспирант кафедры психологии и дефектологии, Сочинский государственный университет, г. Сочи, e-mail: setlana0307@mail.ru

Belenko Svetlana S., postgraduate student of chair for psychology and defectology, Sochi State University, Sochi, e-mail: setlana0307@mail.ru

Васильченко Н.А., Вавилова А.В.

Кубанский государственный университет, г. Краснодар,

СВЯЗЬ ДЛИТЕЛЬНОСТИ ГРУДНОГО ВСКАРМЛИВАНИЯ И ЭМОЦИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ РЕБЕНКА

Аннотация. В статье представлены результаты теоретического и эмпирического изучения длительности грудного вскармливания ребенка. Обращается внимание на процесс формирования его субъектности как фактора диадных отношений с матерью. Обосновывается важность прекращения грудного вскармливания после 1,5 лет. Сопоставительный анализ эмоционального развития детей с разной длительностью грудного вскармливания показал существующие отличия: обнаружена положительная связь длительного грудного вскармливания и количества ненормативных страхов, признаков гиперопеки, тревожности, низкой самооценки, ненормативных приступов гнева, признаков агрессивности. Следовательно, чрезмерно длительное грудное вскармливание ребенка может тормозить процессы сепарации, активности субъекта, способствовать развитию невротической тревожности.

Ключевые слова: грудное вскармливание, мать, ребенок, эмоциональное развитие ребенка.

Vasilchenko N.A., Vavilova A.V.

Kuban State University, Krasnodar

THE RELATIONSHIP BETWEEN BREASTFEEDING DURATION AND CHILD'S EMOTIONAL DEVELOPMENT

Abstract. The article presents the results of theoretical and empirical studies of the duration of breastfeeding. Attention is drawn to the process of forming its subjectivity as a factor of dyadic relations with the mother. The importance of stopping breastfeeding after 1.5 years is justified. A comparative analysis of the emotional development of children with different duration of breastfeeding showed existing differences: a positive relationship was found between prolonged breastfeeding and the number of abnormal fears, signs of over protection, anxiety, low self-esteem, abnormal anger attacks, and signs of aggression. Therefore, excessively long-term breastfeeding of a child can slow down the processes of separation, activity of the subject, and contribute to the development of neurotic anxiety.

Keyword: breastfeeding, mother, child, emotional development of the child.

Самым лучшим и физиологичным питанием младенца является грудное молоко матери. Однако речь идет не только об удовлетворении физиологических потребностей ребенка, а также о формировании надежной привязанности, эмоциональной связи, которые включают и такие, как холдинг. ВОЗ, консультанты по грудному вскармливанию (ГВ) рекомендуют кормить ребенка грудью до двух лет и более.

Актуальность исследования определена различными точками зрения по данному вопросу. Рекомендации по длительности ГВ в основном основываются на соматических показателях здоровья. Тогда как психологические исследования и мнения практикующих психологов призывают завершать лактацию до полутора лет. Большое количество исследований данной области были посвящены непосредственному влиянию ГВ на формирование интеллекта и познавательных процессов детей первого года жизни, это работы Абольян Л.В., Джумагазиев А.А., Захарова И.Н., Копцева А.В., Мачнева Е.Б., Козина Т.Ф., и др. Проведено множество исследований влияния ГВ на формирование показателей соматического здоровья такими авторами, как: Будникова Е.В., Галактионова М.Ю., Фурцев В.И., Мухамедова Х.Т., Султанова Л.С., Грицинская В.Л. и др.

В психологических исследованиях данного вопроса отмечены российские авторы: Авдулова Т.П. [1], Барановская Ю.В. [2], Гмошинская В.М. [3]. В исследованиях указанных авторов отмечается, что длительное ГВ способствует формированию невротических проявлений, аффективных реакций, созависимых отношений.

Выготский Л.С. описывает динамические процессы, возникающие в кризисные периоды развития личности. В кризисе первого года жизни социальная среда перестает быть продолжением желания ребенка, как в период младенчества. С появлением первых самостоятельных шагов, при столкновении с запретами, с развитием речи данная ситуация трансформируется в своей растущей автономности, через преодоление для ребенка рождается его желание как таковое. Ограничения здесь выступают как инструмент понимания своих интенций.

Ссылаясь на гуманистическую концепцию К. Роджерса, человек, как и все живое, появляется с мощной интенцией к актуализации. Тенденция актуализации служит развитию автономии и самодостаточности, является активным творческим процессом, направляющим к собственным целям. В субъектно-бытийном подходе (Рябикина З.И., Ожигова Л.Н., Хозяинова Т.К., Фоменко Г.Ю.) необходимость развития личности как некой интегрирующей инстанции обусловлена разрешением противоречий между тремя объективными пространствами – организм, предметный мир и поведенческие паттерны [6].

Для рождения субъектности необходимо, чтобы личность согласованно регулировала свое поведение, с одной стороны, согласно своей потребности, а с другой – характеристиками объекта, с помощью которого эта потребность может быть удовлетворена. Далее, в своем развитии появляется мотив самоактуализации, который выражается в желании создавать и транслировать созданное в среду, таким образом, расширяя свое бытие. Ломов Б.Ф. [5] выделяет три функции психики, которые можно экстраполировать на функции субъекта – когнитивную, коммуникативную, регулятивную. Развивая эти функции от протоуровней в начале жизни до акмеологических вершин в зрелом возрасте, происходит непрерывное становление субъекта. В отношениях матери и ребенка когнитивные функции относительно развития субъекта выражаются в понимании окружающего мира, которое включает внутренние модели и смысловые образования, опосредующие его выбор и интерпретацию окружающих событий и явлений. Коммуникативная функция предстает континуумом субъект-субъектных и субъект-объектных отношений. Е.Г. Сомова [7] пишет, что общение как фактор становления личности предстает как следствие структуры и характера поддерживаемых ею отношений со значимыми Другими. Ключевой проблемой здесь могут являться манипулирование взрослым ребенком и наоборот. Как, например, в исследовании Е.Ю. Ермеевой [4] о структуре «Я» женщин, выбиравших длительное ГВ, было выявлено, что внутренние и внешние границы женщины смещены в дефицитарную сторону. Дефицитарность здесь – отказ от своих потребностей, интересов и неспособность отделить себя от других. Ребенок в таком общении не может развиваться как субъект, он несет функцию удовлетворения материнских дефицитов. Что касается регулятивной функции, то здесь речь идет о самопроизвольности и контроле поведения, который служит основой саморегуляции человека. Это интегративная характеристика, включающая когнитивный контроль, эмоциональную регуляцию и контроль действий. Причем в отличие от саморегуляции контроль поведения обладает спонтанностью и самопроизвольностью.

Цель исследования заключалась в выявлении связи длительности грудного вскармливания и эмоциональных особенностей детей дошкольного возраста.

Методы

Для распределения выборки на группы была разработана анкета о грудном вскармливании, где уточнялись социальные и биографические сведения, длительность вскармливания. Для выявления невротических симптомов у детей использовался опросник «Симптомы нервно-эмоционального напряжения у детей». Для определения доминирующего стиля воспитания был использован опросник «Типы воспитания детей». Для диагностики эмоционального состояния детей использовались: проективная методика «Кактус»

Панфиловой М.А., проективная семейная методика «Семья животных», проективная методика для детей «Страхи в домиках» Захарова А.И. Выбор этих методик обусловлен возрастом испытуемых, поскольку у детей не развита рефлексивность, применение рисуночных тестов считается оправданной стратегией.

Характеристики выборки

Выборка исследования – 27 пар мать-ребенок города Краснодара. Выборка матерей в возрасте от 18 до 45 лет, (средний возраст выборки матерей составил 32,7), имеющих детей в возрасте от 4 до 6 лет (средний возраст выборки детей составил 5,05), практиковавших длительное грудное вскармливание, более полутора лет (20 пар – 74%) и не практиковавших длительное грудное вскармливание, менее полутора лет, но более шести месяцев (7 пар – 26%). Опираясь на современные исследования (Гмошинская В.М., Барановская Ю.Б.), где обосновываются оптимальные сроки прекращения ГВ, мы разделили респондентов на две группы: дети, получавшие ГВ более года, но не более 1,5 лет, и группа детей, получавших ГВ более 1,5 лет.

Результаты эмпирического исследования

На первом этапе была проведена линейная корреляция Пирсона полученных данных на уровне статистической значимости 0,05 ($r=0,37$). Относительно длительности грудного вскармливания было обнаружено 7 значимых положительных корреляций. Самый высокий показатель положительной корреляции обнаружен в связи длительности грудного вскармливания и количества ненормативных страхов ($r=0,64$). Далее, положительная связь длительности грудного вскармливания выявлена со следующими шкалами: количество страхов ($r=0,58$); признаки гиперопеки ($r=0,56$); признаки тревожности ($r=0,49$); признаки низкой самооценки ($r=0,48$); ненормативные приступы гнева ($r=0,44$); признаки агрессивности ($r=0,40$).

На втором этапе был проведен качественный анализ рисуночных тестов. Результаты в группе кормивших матерей до 1,5 лет у 86% (6) детей теста «семья животных» отмечается значительно большее количество адекватных размеров фигур. Дети из этой группы на рисунках изображают родителей немного больше себя, но не чрезмерно больших. Этот факт может говорить о растущей и развивающейся субъектности, автономности. По методике «Кактус» в группе детей, получавших грудное вскармливание до 1,5, у 5 детей (71%) на рисунках изображены кактусы нормальных размеров, размещенных по центру листа, что указывает на адекватную самооценку, выявлены признаки нормальной агрессивности (количество, размер, расположение иголок). Отсутствие на рисунках цветочных горшков (53%), что свидетельствует о способности ребенка справляться с возрастными трудностями,

не прибегая к домашней защите. У 2 детей (29%) фиксируются чрезмерная штриховка рисунка, что указывает на высокую тревожность.

В группе матерей, кормивших более 1,5 лет, отмечаются следующие тенденции: по методике «Семья животных» у 11 из 20 пар (55%) респондентов на рисунках изображены фигуры родителей намного крупнее собственных фигур, что указывает на доминирование и гиперопroteкцию со стороны матери. У 70 % (14 из 20) испытуемых как у матерей, так и у детей характерны изображения образов животных чрезмерно близко расположенных друг к другу, часто одна фигура находит на другую. Эта характеристика указывает на сильную привязанность, гиперпротекцию, отсутствие личных границ между матерью и ребенком, что является косвенным показателем слияния и продолжающегося симбиоза. Данный факт подтверждается корреляционным анализом, где обнаружена положительная связь длительности грудного вскармливания и гиперопеки ($p=0,56$). По методике «Кактус» у 8 детей (40%) фиксируются показатели высокой неконтролируемой агрессии, изображения кактусов имеют большое количество длинных колючек, выступающих на 6 мм и более. Маленький размер рисунка кактуса отмечается у 60% (12 детей), что указывает на заниженную самооценку. Расположение с края листа фиксируется у 6 детей (30%). Важно отметить, что в данной группе испытуемых наличие цветочного горшка отмечается у 16 детей (80%), что указывает на стремление к домашней защите. У 4 детей (20%) колючки изображений кактусов не выходят за его границы, что указывает на наличие аутоагрессивных тенденций. У 60 % (12 детей) испытуемых преобладает большое количество штриховки, что указывает на высокую тревожность.

На третьем этапе был проведен расчет значимых различий между двумя выборками по t -критерию Стьюдента ($p=0,05$). Выявлены различия по шкалам проективных методик: гиперопека (0,002); признаки тревожности (0,02); признаки низкой самооценки (0,02).

Существенным статистически достоверным различием является среднее значение в группах по показателям методики «Страхи в домиках». Так, в группе кормивших до 1,5 лет среднее число страхов составляет 8,43, тогда как в группе долгокормящих матерей этот показатель составляет 15,05. Показатели t -критерия Стьюдента составляют 0,02. Ненормативные страхи также преобладают в данной группе, их среднее число составило 5,25, тогда как в группе матерей, кормивших до 1,5 лет, этот показатель составил 0,57. Данные различия подтверждены расчетом t -критерием Стьюдента – 0,01.

По методике о воспитании детей в обеих группах отсутствуют высокие показатели деструктивных стилей воспитания. В корреляционном анализе выявлена единственная отрицательная связь длительности грудного вскармливания и смены образцов воспитания

($p=-0,50$). Такую связь можно объяснять желанием матерей компенсировать кормлением грудью каких-либо крупных изменений в семье. По опроснику «Симптомы нервно-эмоционального напряжения у детей» не выявлено статистически значимых различий. Однако для данных групп характерны отличия по сумме значений. Так, в группе долгокормящих 11 детей (55%) имеют невротические проявления (кусание ногтей, губ, ерзанье и т.д.). В группе с менее продолжительным ГВ этот параметр наблюдается у 1 ребенка (14%).

Обсуждение и выводы. Более высокий уровень тревожности, страхов, в том числе ненормативных, низкой самооценки, пассивности наблюдается в группе детей, получавших ГВ более 1,5 лет. Невротические проявления (кусание ногтей, губ, ерзанье и т.д.) статистически недостоверны, однако их суммарное значение значительно превосходит вторую группу детей. Таким образом, чрезмерно длительное ГВ может тормозить процессы сепарации, развития интегративных свойств личности, активности субъекта, способствовать невротической тревожной привязанности в диаде мать-ребенок. Данные исследования частично совпадают с данными проведенных исследований Барановской Ю.В. (2011). Нами также установлено, что длительное ГВ является аспектом протектного стиля воспитания. Схожие данные были получены у Авдуловой Т.П. (2018).

Примечания:

1 Авдулова Т.П. Особенности материнской заботы в раннем возрасте и риск формирования созависимых отношений // Психологические проблемы современной семьи: сб. материалов VIII междунар. науч.-практ. конф. / Уральский государственный педагогический университет. Новосибирск, 2018. С. 408–412.

2 Барановская Ю.В. Связь длительности грудного вскармливания ребенка и его эмоционального развития в последующем // Психологическая наука и образование: электрон. журнал. 2011. № 4. URL: <http://psyedu.ru/journal/2011/4/index.phtml> (дата обращения: 24.10.2019).

3 Гмошинская В.М. Обоснование оптимальной длительности лактации // Вопросы детской диетологии. 2005. Т. 3, № 4. С. 16–19.

4 Еремеева Е.Ю., Шангина Е.О. О связи структуры «Я» женщины и ее выбора срока грудного вскармливания // Смальта: междунар. науч. журнал. 2016. С. 37–41.

5 Ломов Б.Ф. Психические процессы и общение // Методологические проблемы социальной психологии. Москва: Наука, 1975. С. 151–165.

6 Психология человека как субъекта познания, общения и деятельности / отв. ред. В.В. Знаков, А.Л. Журавлёв. Москва: Изд-во «Ин-т психологии РАН», 2018. 2216 с.

7 Рябикина З.И., Сомова Е.Г. Самоактуализация личности в общении: субъектно-бытийная интерпретация. Психология человеческого бытия. Москва: Смысл, 2017. С. 256–264.

Васильченко Наталья Алексеевна, канд. психол. н., доцент Кубанский государственный университет г. Краснодар, e-mail: vasilch_nat@mail.ru

Vasilchenko Natalya A., Candidate of Psychological Sciences, Kuban State University, Krasnodar, e-mail: vasilch_nat@mail.ru

Вавилова Анастасия Валерьевна, студент, магистр, Кубанский государственный университет г. Краснодар, e-mail: v.a.v.psycholog@yandex.ru

Vavilova Anastasiya V., master degree student, Kuban State University, Krasnodar, e-mail: v.a.v.psycholog@yandex.ru

Секацкая Е.О.,

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте
Российской Федерации, Россия, г. Москва*

**ВРЕМЕННАЯ ПЕРСПЕКТИВА ЛИЧНОСТИ КАК ДЕТЕРМИНАНТА
ПРОАКТИВНОГО КОПИНГ-ПОВЕДЕНИЯ**

Аннотация. Основной целью статьи является раскрытие взаимосвязи между временной перспективой личности и проактивным копингом, а также возможность выделения временной перспективы личности как детерминанты проактивного копинга. На основании результатов сделан вывод о взаимосвязи временной перспективы личности и проактивного копинга в периоде средней зрелости, а также подтверждена гипотеза о том, что временная перспектива личности является детерминантой проактивного копинг-поведения, с раскрытием степени влияния данного фактора. Практическая значимость заключается в возможности при построении программ, направленных на сохранение психологического здоровья, опираться на данный фактор как на один из доминантных.

Ключевые слова: временная перспектива, временная ориентация личности, проактивный копинг, стратегии совладания, копинг-поведение.

Sekatskaya Ekaterina Olegovna

*Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
under the President of the Russian Federation ,
Russia, Moscow.*

**THE TEMPORAL PERSPECTIVE OF THE INDIVIDUAL AS A DETERMINANT
OF PROACTIVE COPING BEHAVIOR.**

Annotation. The main purpose of the article is to reveal the relationship between the time perspective of the individual and proactive coping, as well as the possibility of highlighting the time perspective of the individual as a determinant of proactive coping.

Based on the results, the conclusion about the relationship of time perspective personality and proactive coping in the period, the average maturity and the hypothesis that time perspective personality is a determinant of proactive coping behavior, with disclosure of the degree of influence of this factor.

The practical significance lies in the possibility of building programs aimed at preserving psychological health to rely on this factor as one of the dominant ones.

Keywords: time perspective, time orientation of the person, proactive coping, coping strategies, coping behavior.

Психологическое здоровье человека – это вызов, который требует пристального внимания в связи с высокой практической ценностью. Это сверхзадача, важнейшей из составляющих которой является детальное изучение тех факторов, которые оказывают влияние на формирование, поддержание психологического здоровья. На сегодняшний день внимательное изучение факторов, влияющих на совладание со стрессом, дало возможность двигаться вперед и поставить вопрос о том, какие детерминанты составляют проактивное копинг-поведение.

Проактивное копинг-поведение фактически представляет собой совладание в настоящем времени относительно будущих событий. Становится очень важным рассмотрение временных перспектив личности и взаимосвязи с проактивным совладанием, а также степень их влияния на возможность проактивного совладания.

Поскольку проактивное совладающее поведение является целеориентированным и значимые цели субъективно расположены в достаточно отдаленном будущем, будучи проактивным, человек рассматривает происходящие с ним жизненные события в определенной временной перспективе [8]. Важное значение имеет особенность совладания и его направленность. Проактивное совладание специфично в отношении того, что направлено не на минимизацию рисков и компенсацию возможных потерь, а скорее рассматривается как вызов, который приводит к развитию человека, через движение к целям.

Временная перспектива – активно изучаемый феномен, и уже существуют работы отечественных и западных психологов на данную тему.

Впервые понятие «временная перспектива» было введено Куртом Левиным. Разрабатывая «теорию поля», он указывал на то, что в это поле входят все временные отрезки жизни: прошлое, будущее, настоящее личности. Более того, на каждом этапе развития личности и в различных условиях у человека может доминировать различная временная ориентация. Более того, в «жизненное пространство» личности включены реальные и нереальные события, то есть события, которые не произошли, но они в настоящем моменте произошли в ментальном пространстве человека.

Важным аспектом является то, что Ф. Зимбардо обосновывает необходимость изучения временной ориентации в единстве ее мотивационной, эмоциональной, когнитивной и социальной составляющих [9]. Временная ориентация может подвергаться влиянию

внешних факторов, ситуации, но при этом она может стать относительно стабильной характеристикой личности, когда во взглядах человека на жизнь начинает преобладать ориентация на определенный временной период [1]. Проактивность тоже может стать стабильной характеристикой личности на определенных этапах онтогенеза, начиная с подросткового возраста, как показывается в зарубежных и отечественных исследованиях.

Исследований временной перспективы во взаимосвязи с проактивным копингом пока очень мало, но есть работы, в которых рассматривается временная перспектива личности и стратегии копинг-поведения. Проведенное исследование на выборке российских и кыргызстанских студентов показало значимые различия в использовании копинг-стратегий в зависимости от временной перспективы [7]. В ситуации конфликта различаются копинг-стратегии в зависимости от временной ориентации личности [9]. И в рамках клинической психологии была выявлена взаимосвязь между реактивной и личностной тревожностью и временными перспективами (Пантелеева 2019).

Современные исследования копинг-поведения и связи с временными перспективами проводились в области студентов-психологов, где результатами стали внимание на настоящем и высокий уровень удовлетворенностью жизнью при использовании поведенчески-фокусированных стратегий [2].

Вопрос временной перспективы исследовался в рамках клинической, медицинской психологии.

Доказана связь между временной перспективой и субъективным качеством жизни (Ю.Ю. Неяскина, 2014), как и в случае специфики выбора стратегий совладания. А также проведен анализ связи жизнестойкости и временных перспектив (Ю.П. Санникова, 2018).

Доказано, что временная перспектива личности может быть детерминантой при выборе копинг-стратегий. В тоже время отличительной чертой проактивного копинг-совладания с точки зрения временной перспективы являются копинг-ресурсы, и в данном случае такие ресурсы, как: оптимизм, самоконтроль, смысловая структура (Е.П. Белинская).

Ориентация временной перспективы на будущее в ситуациях межличностного конфликта приводит к выбору когнитивных и поведенческих копинг-стратегий, а ориентация на негативное прошлое – к выбору эмоциональных стратегий совладания [9]. Направленность временной перспективы на фаталистическое настоящее приводит к выбору неадаптивных поведенческих стратегий, отступлению и избеганию разрешения конфликтных ситуаций, а также к отсутствию инвариантов стратегий совладания (А.К. Болотова, М.Р. Хачатуров).

Белинская Е.П. указывает на основное отличие проактивного совладания от всех остальных его форм в организации временной перспективы: «подобный копинг ориентирован в будущее, человек создает собственные ресурсы для будущего совладания, к каковым относятся, например, оптимизм, самоконтроль, поиск смысла в том, что человек делает в жизни».

Основной задачей нашего исследования было подтверждение гипотезы о том, что временная ориентация личности является детерминантой проактивного копинга. Было проведено исследование, где общее число участников составило 144 человека: 55 мужчин и 89 женщин.

Средний возраст участников исследования составил 38,6 лет, максимальный – 59 лет, минимальный – 21 год, медиана – 38,6 лет.

Методы исследования:

- 1) Опросник временной перспективы Ф. Зимбардо;
- 2) Опросник проактивного копинга в адаптации Е.П. Белинской.

По результатам исследования было проведен корреляционный и регрессионный анализ данных.

В результате нами была обнаружена статистически значимая отрицательная корреляционная связь между шкалами «негативное прошлое» ($r=-0,167$, $p<0,05$), «позитивное прошлое» ($r=-0,347$, $p<0,01$) и «проактивное преодоление». Проактивное копинг-поведение имеет ориентацию на будущее, но не на прошлое. В противовес видна положительная статистически значимая «связь с будущим» ($r=0,291$, $p<0,01$).

Этот факт абсолютно подтверждает теоретическую концепцию о мультимодальности проактивного копинга. Сам термин «проактивность» содержит в себе основную ориентацию в будущее, что подтверждается на выборке среднего возраста.

С будущим также имеет выраженную связь стратегическое планирование ($r=0,579$, $p<0,01$), рефлексивное преодоление ($r=0,451$, $p<0,01$) и превентивное преодоление ($r=0,401$, $p<0,01$).

Обнаружена статистически значимая отрицательная корреляционная связь между шкалой «гедонистическое настоящее» и шкалами «рефлексивное преодоление» ($r=-0,275$, $p<0,01$), «стратегическое планирование» ($r=-0,206$, $p<0,05$) и «превентивное преодоление» ($r=-0,216$, $p<0,01$). То есть, чем больше у респондента направленность внимания на восприятие гедонистического настоящего, тем меньше возможности к оценке стрессоров,

формированию целеориентированных планов действий и предвосхищению потенциальных стрессоров.

Обнаружена статистически значимая корреляционная связь между шкалой «будущее» и шкалами «проактивное преодоление» ($r=0,291$, $p<0,01$), «рефлексивное преодоление» ($r=0,451$, $p<0,01$), «стратегическое планирование» ($r=-0,579$, $p<0,01$) и «превентивное преодоление» ($r=0,401$, $p<0,01$).

Найдена отрицательная корреляционная связь между шкалой «позитивное прошлое» и шкалами «проактивное преодоление» ($r=-0,374$, $p<0,01$), «рефлексивное преодоление» ($r=-0,288$, $p<0,01$) и «стратегическое планирование» ($r=-0,270$, $p<0,01$). Такой результат может говорить о проведенной переоценке прошлых событий и извлечение из этих событий копинг-ресурсов, используемых в настоящем. Таким образом, чем больше выражена степень принятия собственного прошлого как опыта развития, тем меньше выраженность проактивных, рефлексивных и стратегических форм совладающего поведения.

Регрессионный анализ дал следующие результаты: фактор ориентации на будущее оказывает положительное значимое влияние на выраженность проактивного совладающего поведения ($\beta= 0,291$, $p=0,000$). При этом 8,5% изменчивости зависимой переменной объясняется влиянием на неё выраженности ориентации на будущее.

Также положительное значимое влияние оказывает на зависимую переменную ориентация на будущее ($\beta=0,345$; $p=0,000$), а отрицательное значимое влияние оказывает непринятие собственного прошлого ($\beta= -0,158$; $p=0,049$). Вклад данных переменных в изменчивость проактивного совладающего поведения – 11%.

Таким образом, мы видим, что взаимосвязь временной перспективы и проактивного совладания достаточно выражена. Более того, временная ориентация личности оказывает влияние на возможность проактивного совладания. Чем больше внимание человека направлено на будущее, а не на прошлое (вне зависимости от того, насколько положительно или отрицательно оно оценивается), тем больше у него возможности рассматривать будущие сложные ситуации как вызов, ведущий к его росту и реализации целей. Направленность же в прошлое не дает достаточно ресурсов для выбора проактивной стратегии.

Примечания:

1. Абульханова-Славская К.А. Стратегия жизни. Москва: Мысль, 1991.
2. Белинская Е.П. Опросник проактивного копинга: адаптация на неклинической выборке и прогностические возможности // Клиническая и специальная психология: электрон. журнал. 2018. Т. 7, No 3.

3. Водопьянова Н.Е., Старченкова Е.С. Роль ресурсно-инвестиционного копинга в эмоциональном переживании экстремальных ситуаций и развитии индивидуальной стресс-резистентности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер.: Психология. Социология. Педагогика. 2009. № 3-2.
4. Нюттен Ж. Мотивация, действие и перспектива будущего. Москва: Смысл, 2004. 607 с.
5. Левин К. Теория поля в социальных науках. Санкт-Петербург: Речь, 2000.
6. Сирота Н.А., Ярославская М.А. Исследование проактивного совладающего поведения у больных шизотипическим расстройством // Медицинская психология в России, 2014. № 1. С. 8.
7. Пилишвили Т.С., Исмаил Аль Масри. Копинг как ресурсный потенциал личности в процессе адаптации к новым условиям жизни // Вестник Российского университета дружбы народов. 2016. № 2. С. 75-83.
8. Старченкова Е.С. Концепция проактивного совладающего поведения // Вестник Санкт-Петербургского университета, 2009. № 1. С. 51-61.
9. Хачатурова М.Р. Личностные предикторы совладающего поведения в ситуации межличностного конфликта: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Москва, 2012. 28 с.
10. Zimbardo P.G., Boyd J.N. Putting time in perspective: a valid, reliable individual-differences metric // Journal of Personality and Social Psychology. 1999.

Секацкая Екатерина Олеговна, аспирант, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Москва, РФ, e-mail: mus-ekaterina@yandex.ru.
Sekatskaya Ekaterina O., Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation, e-mail: mus-ekaterina@yandex.ru.

Чувашова А.Г.,

Таврическая академия (структурное подразделение)

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского»,

Россия, г. Симферополь, Республика Крым

**ДЕТСКО-РОДИТЕЛЬСКИЕ ОТНОШЕНИЯ КАК УСЛОВИЕ ФОРМИРОВАНИЯ
ЛИЧНОСТИ РЕБЕНКА ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА**

Аннотация. В статье рассматривается проблема влияния детско-родительских отношений на психологическое благополучие ребенка-дошкольника в контексте представлений культурно-деятельностной парадигмы психологии о психическом развитии и потребностях детей [1, 2]. Предлагается авторская модель психологического благополучия ребенка дошкольного возраста.

Ключевые слова: психологическое благополучие, социальная ситуация развития, индивидуально-личностные особенности ребенка дошкольного возраста.

Chuvashova A.G.,

Tavrida Academy (structural division)

V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol

**CHILD-PARENT RELATIONS AS A CONDITION FOR THE FORMATION OF A
PRESCHOOL CHILD'S PERSONALITY**

Abstract. The article deals with the problem of the influence of child-parent relations on the psychological well-being of a preschool child in the context of the cultural-activity paradigm of psychology about the mental development and needs of children [1, 2]. The author offers a model of psychological well-being of a preschool child.

Keyword: psychological well-being, social situation of development, individual and personal characteristics of a preschool child.

Понимание детства в современном психологическом пространстве имеет довольно широкие границы, что дает простор для профессионального творчества, с одной стороны, но с другой – ставит специалистов перед рядом важнейших вопросов. Детская психология сегодня насыщена новыми технологиями, подходами и данными научных исследований. Но единой системы в понимании детства, ребенка и четких возрастных норм психического развития в современной психологии нет. На одном из открытых тренинговых занятий для

педагогов-психологов дошкольных учреждений (ДОУ) автор статьи задала участникам следующий вопрос: «Все специалисты сферы дошкольного образования ориентируются в своей профессиональной деятельности на Федеральный государственный образовательный стандарт дошкольного образования (ФГОС ДО) [5], в котором четко прописаны целевые ориентиры дошкольного образования, являющиеся общими для всех участников образовательного процесса – и для воспитателей, и для специалистов. Отдельного ориентира для службы психологического сопровождения ДОУ не прописано. Предлагаю Вам сформулировать свой ориентир профессиональной деятельности педагога-психолога ДОУ». Ответы специалистов были разные: раскрытие творческого потенциала, социально-коммуникативное развитие, развитие эмоционального интеллекта, психологическая готовность к школе и др. Мы можем наблюдать ситуацию, когда к общим целевым ориентирам дошкольного образования каждый специалист-психолог идет своим уникальным творческим профессиональным путем. Стоит отметить, что в сфере государственного дошкольного образования существуют хотя и общие, но четко сформулированные ориентиры. В сфере оказания частных услуг ситуация является еще более неопределенной и неконтролируемой в этом вопросе.

Ориентиром своей профессиональной деятельности как педагога-психолога автор считает психологическое благополучие детей дошкольного возраста. Проанализировав научные исследования «психологического благополучия», опубликованные в отечественных научных изданиях за период с 2018 по 2019 год, можно получить противоречивую картину представлений о данном феномене. Практически каждый автор предлагает новую интерпретацию, новые разнообразные критерии оценки и соответствующие им модели исследования. И хотя в представленных исследованиях предлагаются различные варианты диагностики психологического благополучия, применить их к детям дошкольного возраста невозможно, учитывая специфические возрастные особенности. Также не представляется возможным ориентироваться на рассмотренные теоретические составляющие психологического благополучия применительно к детскому возрасту от трех до семи лет [3].

По традиции отечественной школы психологии и в соответствии с классификацией Д.Б. Эльконина, за дошкольный возраст принимается возраст от трех до семи лет. Нами было сформулировано авторское определение. Под психологическим благополучием детей дошкольного возраста мы понимаем интегральную совокупность эмоционально-волевого, познавательного и индивидуально-личностного развития ребенка на данный момент времени, в соответствии с требованиями культурной среды. Л.С. Выготский сформулировал идею о том, что источником психического развития является культурная среда. Под

требованиями культурной среды мы понимаем принятые возрастные нормы психического развития. Используя классические диагностические методики, мы можем исследовать как познавательное, так и эмоциональное развитие ребенка. А индивидуально-личностные особенности требуют объяснения.

Предлагаем определять индивидуально-личностные особенности ребенка дошкольного возраста как сформированные в процессе взаимодействия ребенка со своей уникальной социальной ситуацией развития психологические особенности, определяющие базовый индивидуальный стиль деятельности (от формирования мотива до достижения результата) – это структура потребностей, установки на конструктивные/ деструктивные способы удовлетворения потребностей, особенности аффективных переживаний [4].

Нами апробирована диагностическая модель исследования (с учетом возрастных особенностей детей от трех до семи лет) уровня благополучия эмоционального развития (высокий – А, средний – В, низкий – С) и уровня благополучия познавательного развития (высокий – I, средний – II, низкий – III), что позволяет выделять 9 групп психологического благополучия (ПБ), сопоставив их показатели: IA, ПА, ПИА, IB, ПИБ, ПИБ, IC, ПИС, ПИС. Данные такого комплексного исследования большого контингента детей (например, групп ДООУ) можно графически изображать в виде профилей психологического благополучия, что позволяет оценивать динамику ПБ детских коллективов на начало и конец учебного года, общий фон ПБ в детском саду, отдельно проводить мониторинг ПБ группы детей с ОВЗ. Для скрининговой диагностики автором разработана проективная методика для исследования индивидуально-личностных особенностей дошкольников «Сюжеты детских потребностей» [3].

Индивидуально-личностные особенности являются ключевым фактором психологического благополучия и являются специфичными для каждой группы ПБ. Для детей из группы IA они будут одни, а для детей из группы ПИС – совершенно другими. Структура потребностей ребенка, установки на способы удовлетворения потребностей и аффективные переживания, связанные с ситуациями, актуализирующими потребности, важны в понимании его психологических особенностей и психологического благополучия. Л.С. Выготский определяет переживание как «то, каким образом ребенок осознает, осмысливает, как он аффективно относится к известному событию». Изучение характера такого переживания ребенком позволяет понять содержание хода психического развития [2].

Потребность, согласно представлениям А.Н. Леонтьева – это объективное отношение между субъектом и миром, которое требует для своей реализации активности субъекта в форме его деятельности. Но если мы рассматриваем ребенка дошкольного возраста, то

очевидным является тот факт, что ребенок в возрасте от трех до семи лет не способен «выстроить» деятельность (как совокупность действий, вызванных одним мотивом) без помощи взрослого. Поэтому мы предлагаем рассматривать потребность ребенка дошкольного возраста как состояние нужды, недостаточности чего-либо, требующее активной деятельности субъектов социальной ситуации развития для ее удовлетворения[3].

Для каждого ребенка социальная ситуация сотрудничества со взрослыми является уникальной. Благодаря взаимодействию со своим близким окружением, ребенок усваивает конкретные способы опредмечивания потребностей (формирования мотивов) и способы их удовлетворения. Развитие личности, умственных способностей и эмоциональной устойчивости ребенка зависит от того, насколько в период детства родители внимательно относятся к его потребностям. Условно можно представить, что в раннем детстве, от рождения до трех лет, наибольшую актуальность и приоритет играют потребности физиологические, наряду с важностью эмоционального контакта с матерью, далее, после трех лет, актуальность начинают приобретать потребности высшие – в безопасности, безусловной любви, уважении и признании, самоактуализации, познавательные потребности. Потребности рассматриваются нами согласно классификации А. Маслоу. Потребности являются тем «каналом», через который происходит «настройка» личности на взаимодействие с культурной средой. В различных психологических теориях, несмотря на отличия в понимании структуры личности, авторы сходятся во мнении о ведущей роли периода детства в формировании базовых основ личности человека. Если подходить к данному вопросу с позиций отечественной, культурно-исторической парадигмы психологии, смысл детского периода в формировании личности ребенка можно рассматривать через призму сферы его потребностей. Структура личности, как описал ее А.Н. Леонтьев, представляет собой относительно устойчивую конфигурацию главных, внутри себя иерархизированных, мотивационных линий [1]. Детско-родительские отношения определяют, таким образом, «направление» описываемых А.Н. Леонтьевым мотивационных линий и «закладку» их будущей «конфигурации».

Специалисты-психологи сталкиваются в своей практике с ситуациями, когда, работая с ребенком, необходимо изучить семейную ситуацию, а беседы с родителями или их анкетирование не дают необходимой для анализа информации, либо же она искажается в силу действия фактора «социальной желательности». Авторская методика «Сюжеты детских потребностей» [4] позволяет, исследуя индивидуально-личностные особенности (структуру потребностей, установки на способы их удовлетворения, аффективные переживания, связанные с сюжетами, актуализирующими потребности), проанализировать как

психологическое благополучие ребенка, так и благополучие детско-родительских отношений. Такое исследование является не прямым, а опосредованным, и, по нашим наблюдениям, довольно информативным.

Нами было установлено, что потребность в самоактуализации является определяющей для благополучия познавательной сферы. У всех детей с высоким уровнем психологического благополучия эта потребность достаточно выражена в профиле потребностей, т.е. актуализирована, а также ей соответствуют положительные аффективные переживания. Это значит, что дети позитивно относятся и проявляют интерес к различным видам деятельности: рисованию, танцам, спорту, пению и т. д. Отношение к различным видам труда в детском возрасте формируется в первую очередь в семье. Похожие данные приводят и другие современные исследователи. Известный российский психолог, специалист в области психологии детского развития, доктор психологических наук Поливанова Е.Н., приводит данные о том, что социальное положение и статус семьи, по данным исследователей, сами по себе не влияют на успешность детей в обучении. Насыщенность образовательного пространства, разнообразие образовательных ресурсов, позитивный опыт совместного проведения времени детей и родителей, опыт новых впечатлений ребенка влияют на успешность детей в обучении. Семья с низкими образовательными запросами не реализует возможности своей среды жизнедеятельности, даже если эти возможности «богатые», независимо от своего достатка. Сильным фактором успешности детей в обучении, по данным исследований, является высокий «культурный капитал» семьи, способный компенсировать «бедность» среды жизнедеятельности. Дети в этих семьях существенно больше времени проводят со взрослыми, посещают хотя бы один вид дополнительных занятий. Дети из семей с низким «культурным капиталом» проводят свободное время в «свободном гулянии», а не с родителями, у них не формируются устойчивые интересы [6].

Из признаков психологического неблагополучия у детей дошкольного возраста мы обнаружили повышение актуализации потребности в безопасности, негативные аффективные переживания по отношению к сюжету, актуализирующему потребность в безусловной любви. Независимо от интеллектуальных способностей и особенностей ребенка-дошкольника, неудовлетворенные потребности в безопасности и любви негативно сказываются на его психологическом благополучии через эмоциональное неблагополучие. Группы ПБ: IC, PC и PC – это группы с высоким, средним, низким уровнем благополучия познавательной сферы соответственно и низким уровнем благополучия эмоциональной сферы у всех трех групп. В нашем исследовании прослеживалась тенденция к увеличению числа детей с высокими и

средними показателями интеллектуального развития в сочетании с низким уровнем благополучия эмоциональной сферы.

Подводя итоги, отметим, что детско-родительские отношения являются важнейшим фактором социальной ситуации развития ребенка-дошкольника, формирования его личности, интеллектуального развития, эмоциональной устойчивости. Качественные детско-родительские отношения способствуют удовлетворению не только физиологических, но и высших потребностей ребенка, в первую очередь, в безопасности и безусловной любви. Для высокого уровня психологического благополучия ребенка необходимо, чтобы его потребности в уважении и признании, в самоактуализации, познавательные потребности своевременно актуализировались и удовлетворялись соответственно его особенностям и возрасту субъектами социальной ситуации развития. Родители способны влиять на этот процесс, повышая уровень «культурного капитала» своей семьи.

Примечания:

1. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. Москва: Политиздат, 1975. 115 с.
2. Выготский Л.С. Лекции по педологии. Ижевск: Удмуртский университет, 2001. 304 с.
3. Чувашова А.Г., Конарева И.Н. Представления о психологическом благополучии детей дошкольного возраста в контексте культурно-деятельностной парадигмы // Ученые записки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. 2020. Т. 6 (72), № 1. С. 117-127.
4. Чувашова А.Г. Авторская методика психодиагностики индивидуально-личностных особенностей детей дошкольного возраста «Сюжеты детских потребностей» // Ученые записки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. 2020. Т. 6 (72), № 2. С. 127-137.
5. Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта дошкольного образования: приказ Минобрнауки России от 17.10.2013 N 1155 (ред. от 21.01.2019): Зарегистрировано в Минюсте России 14.11.2013 N 30384 // СПС КонсультантПлюс. Москва, 2020.
6. Поливанова Е.Н. Образовательное неравенство. URL: <https://youtu.be/liykRRo5MTg>.

Чувашова Антонина Геннадьевна, аспирант кафедры общей психологии и психофизиологии Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского», г. Симферополь, Республика Крым, Россия, e-mail: antonina_sevast@mail.ru.

Chuvashova Antonina G., Postgraduate at the Department of General Psychology and Psychophysiology, Tavrida Academy (structural division) V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Republic Of Crimea, Russia

Богомолова Е.И., Левкович П.И.,

Кубанский государственный университет, Россия, г. Краснодар

СВЯЗЬ МУЗЫКАЛЬНЫХ ПРЕДПОЧТЕНИЙ МОЛОДЕЖИ СО СТИЛЯМИ ЮМОРА

Аннотация. Музыка всегда являлась важной частью человеческой культуры и его бытия: от первых попыток извлечь звук из предметов до многоголосой симфонии. Сегодня исследование музыкальных предпочтений личности напрямую связано с попыткой понять и осознать ее состояние, мир ее чувств и потребностей. Мы предприняли попытку изучить характер соотнесенности психологических особенностей личности (стили юмора, интроверсия/экстраверсия) и ее музыкальных предпочтений. Полученные данные позволили нам сформулировать следующие выводы: наиболее предпочтительным стилем юмора в группах испытуемых экстравертов и интровертов является «Самоподдерживающий». Испытуемые, предпочитающие «агрессивные» стили музыки (Рок), выбирают также «Агрессивный» стиль. Для испытуемых, выбирающих поп-музыку, предпочтительным является «Аффилиативный» стиль. «Самоуничижительный» стиль предпочтителен для испытуемых, выбирающих жанр Рэп. Меломаны предпочитают «Самоподдерживающий» стиль юмора. Предпочитаемые стили юмора находят свое подтверждение в музыкальных жанрах и композициях, обнаруживающих состояния слушателя, его отношение к себе и окружающим.

Ключевые слова: музыка, музыкальные предпочтения, чувство юмора, стили юмора, экстраверсия, интроверсия.

Bogomolova E.I., Levkovich P.I.,

Kuban State University, Russia, Krasnodar

CONNECTION OF MUSICAL PREFERENCES OF YOUNG PEOPLE WITH HUMOR STYLES

Abstract. Music has always been an important part of human culture and existence: from the first attempts to extract sound from objects to a polyphonic symphony. Today, the study of a person's musical preferences is directly related to the attempt to understand and understand her state, the world of her feelings and needs. We made an attempt to study the correlation between the psychological characteristics of a person (humor styles, introversion/ extroversion) and their musical preferences. The data obtained allowed us to formulate the following conclusions: the most preferred style of humor in the groups of extroverts and introverts is "Self-Supporting". Subjects

who prefer "Aggressive" styles of music (rock) also choose an "Aggressive" style. For subjects who choose pop music, the "Affiliate" style is preferred. The "Self-Deprecating" style is preferred for subjects who choose the Rap genre. music lovers prefer the "Self-Supporting" style of humor. The preferred styles of humor are confirmed in musical genres and compositions that reveal the state of the listener, his attitude to himself and others.

Keyword: music, musical preferences, sense of humor, humor styles, extroversion, introversion.

Музыка сопровождает человека и пронизывает его бытие, наполняясь его собственным уникальным смыслом, воспоминаниями, ассоциациями, отражая его личность, ценности и состояния.

Под музыкальными предпочтениями в своем исследовании мы понимаем относительно устойчивый выбор человеком музыкального жанра и произведения, отвечающих его состоянию, потребностям и отражающих особенности его личности.

Актуальность данной работы связана с возможностью дополнить уже существующие в мировой практике исследования соотнесенности психологических особенностей личности и ее музыкальных предпочтений, расширив их представлениями о стиле юмора слушателей с разными индивидуально-психологическими особенностями (экстраверсия/интроверсия).

Р. Мартин описывает следующие стили юмора:

- 1) аффилиативный (добродушный) стиль юмора;
- 2) самоподдерживающий стиль юмора;
- 3) агрессивный стиль юмора;
- 4) самоуничижительный стиль юмора [7].

В своих работах С.Л. Рубинштейн писал, что суть юмора заключается в том, что он будет восприниматься как комикс, который претендует на серьезность [6]. М.Г. Ярошевский и А.В. Петровский указывают, что чувство юмора – это способность человека подмечать в явлениях их комические стороны, эмоционально на них откликаясь [3].

А.Н. Лук считает, что чувство юмора является одним из способов сгладить конфликты между людьми, это своего рода разрядка негативных чувств [5].

В книге Г. Айзенка «Как измерить личность» [2] описаны результаты его исследования, в ходе которого он связал экстравертированный и интровертированный типы личности с предпочитаемым профилем юмора. Выяснилось, что экстраверты предпочитают сексуальные шутки и, в некоторой степени, те, которые содержат прямую агрессию; им меньше нравятся шутки с «глупостью» и «сатирой». У интровертов совершенно другая

картина: им не нравятся сексуальные и агрессивные шутки, они предпочитают когнитивный юмор, то есть «глупость» и «сатиру». Различия в предпочтениях очевидны.

Анализ теоретического материала и данных эмпирических исследований по теме [1, 4, 8, 9, 10] показал, что существует взаимное соответствие между музыкальным контентом, выбранным для прослушивания, и индивидуальными психологическими характеристиками человека.

Научные исследования выявляют некоторые корреляции между различными культурными, личными или социологическими единицами и музыкальным вкусом, но не все исследования показывают причинную связь между явлениями. Мы согласны с мнением А. Норты, который утверждал связь между чертами характера и музыкальными вкусами, полагая, что она универсальна и люди, предпочитающие одну и ту же музыку, очень похожи, вне зависимости от возраста, пола и социального статуса.

На основании вышеизложенных материалов можно утверждать, что существует взаимное соответствие между музыкальным контентом, выбранным для прослушивания, и индивидуальными психологическими характеристиками человека. Для подтверждения этого умозаключения нами было предпринято исследование, в котором применены следующие методы: 1) Опросник стилей юмора Р. Мартина для описания стиля чувства юмора людей; 2) Опросник МРІ (методика Г. Айзенка) с целью диагностики индивидуально-психологических свойств личности; 3) Авторская анкета «Музыкальные предпочтения молодежи» с целью выявления музыкальных предпочтений юношей и девушек.

Целевую выборку исследования составляют юноши и девушки в возрасте от 18 до 30 лет, всего 68 человек (37 девушек и 31 юноша).

На основании данных авторской анкеты все отмеченные респондентами музыкальные жанры были объединены в представленные ниже группы:

- 1) группа «Классика» – блюз, джаз, классическая музыка;
- 2) группа «Рок» – хеви-метал, рок, альтернатива;
- 3) группа «Поп» – кантри, поп;
- 4) группа «Рэп» – электроника, рэп, хип-хоп;
- 5) группа «Меломан» составлена на основании ответов испытуемых, предпочитающих много разнообразных жанров, композиций и исполнителей.

На основании полученных данных по методике МРІ (методика Г. Айзенка) выборка была поделена на две группы по типу личности: экстраверты (38 респондентов) и интроверты (30 респондентов). Выяснилось, что среди интровертов музыкальные жанры

распределились следующим образом: «Рэп» – 35% респондентов, «Рок» – 29,5%, «Поп» – 17,5%, 12% относятся к группе «Меломан», 6% предпочитают «Классику».

Среди экстравертов предпочитаемые жанры получили следующее распределение: «Меломан» – 43%, «Рок» – 33%, «Рэп» – 14%, «Поп» – 10%. Группа «Классика» не предпочтительна у испытуемых экстравертов. Предпочтение интровертами таких жанров, как электроника, рэп и хип-хоп мы можем объяснить тем, что это обусловлено большей систематичностью их мышления, что перекликается с ритмичностью, динамичностью такой музыки, текстами и речитативом.

Данные о том, что среди экстравертов много меломанов, можно объяснить их большей эмоциональностью, открытостью новому опыту; они любопытны к новым стилям и жанрам, к тому, что сейчас в моде, что предпочитают другие. Это соответствует их стремлению быть в обществе, быть с другими «на одной волне».

После обработки данных методики Р. Мартина стало очевидно, что значимых различий в предпочитаемых стилях юмора у экстравертов и интровертов нет. Преобладающими стилями юмора в обеих группах испытуемых являются: «Самоподдерживающий» стиль – 35% испытуемых; «Агрессивный» – 31%; «Самоуничижительный» – 20,5%; «Аффилиативный» – 13,5%.

Данные по опроснику МРІ Г. Айзенка, опроснику стилей юмора Р. Мартина и авторской анкеты мы подвергли кросс-табуляционному анализу с целью выявления взаимосвязи музыкальных предпочтений и стиля чувства юмора в группах испытуемых.

1. В группе музыкальных предпочтений «Рок» преобладающий стиль юмора – «Агрессивный» (экстравертов – 9, интровертов – 6), что выражается в жесткости и язвительности юмора, направленного на других людей.

2. В группе «Поп» преобладающим является «Аффилиативный» стиль юмора (экстравертов – 6, интровертов – 4), что отличает испытуемых как добродушных; они любят рассказывать забавные истории, шутки с целью развлечь других.

3. В группе «Рэп» преобладающий стиль юмора – «Самоуничижительный» (экстравертов – 6, интровертов – 7), что выражается в жестких и саркастичных шутках, в которых они высмеивают самих себя, привлекая к себе, таким образом, внимание окружающих.

4. В группе «Меломан» предпочитаемый стиль – «Самоподдерживающий» (экстравертов – 10, интровертов – 3), что говорит об испытуемых данной группы, как об эмоционально устойчивых, открытых новому опыту, обладающих навыками адаптации в быстро меняющихся условиях.

В группу «Классика» попал один респондент, что является частным случаем. Преобладающим стилем юмора у него стал «Самоподдерживающий».

По итогам исследования есть основание утверждать, что стиль чувства юмора имеет взаимосвязь с предпочитаемым музыкальным жанром. При этом значимых различий между экстравертами и интровертами не выявлено.

Предпринятое исследование является хорошей базой, отправной точкой для последующих исследований взаимосвязи музыкальных предпочтений с преобладающим стилем юмора слушателя и особенностями его личности.

Примечания:

1. Адорно Т.В. Избранное: социология музыки. Москва: Центр гуманитарных инициатив, 1999.
2. Айзенк Г. Как измерить личность. Москва: Когито-Центр, 2000.
3. Краткий психологический словарь / Под ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. Москва: Политиздат, 1998.
4. Кузнецова Е.П. Исследования музыкальных предпочтений молодежи. 2017. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/issledovaniya-muzykalnyh-predpochteniy-molodezhi>
5. Лук А.Н. О чувстве юмора и остроумии. Москва: Искусство, 1968.
6. Маклаков А.Г. Общая психология. Санкт-Петербург: Питер, 2001.
7. Мартин Р. Психология юмора. Санкт-Петербург: Питер, 2009.
8. Пантелеев А.Ф. Взаимосвязь музыкальных предпочтений и психологических особенностей слушателей музыки. 2012. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vzaimosvyaz-muzykalnyh-predpochteniy-i-psihologicheskikh-osobennostey-slushateley-muzyki>.
9. Полянская Е.Н. Музыкально-стилевые предпочтения российских студентов. 2018. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/muzykalno-stilevye-predpochteniya-rossiyskih-studentov>.
10. Теплов Б.М. Психология музыкальных способностей. Москва: Просвещение, 1965.

Богомолова Екатерина Ильинична, к.псх.н., доц., Кубанский государственный университет, г. Краснодар, e-mail: Bogomolova_kate@bk.ru
Bogomolova Ekaterina.I., Candidate of Psychological Sciences, Docent, Kuban State University, Krasnodar, e-mail: Bogomolova_kate@bk.ru

Левкович Полина Игоревна, Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Инспектор по вопросам миграции ОВМ ОМВД по Абинскому району, Абинск, e-mail: polinalev.97@mail.ru
Levkovich Polina I., Kuban State University, Krasnodar, Migration Department of the Ministry of Internal Affairs on Abinsk region, Abinsk, e-mail: polinalev.97@mail.ru

РАЗДЕЛ 2. ЛИЧНОСТЬ В УСЛОВИЯХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ МИРА
ПРОФЕССИЙ И ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

УДК 159.9:629.7+159.944:4:629.7

ББК 88.413

Б 12

Бабичкова Е.С.,

Кубанский государственный университет, Россия, Краснодар

КОПИНГ-РЕСУРСЫ ПИЛОТОВ ГРАЖДАНСКОЙ АВИАЦИИ

Аннотация. В статье представлены результаты анализа копинг-поведения представителей командного состава экипажей судов гражданской авиации. Полученные данные позволили говорить о перегруженности ресурсов совладания у обследованных пилотов. Высказывается предположение, что такой «профиль» копинг-стратегий становится риском «распыления» ресурсов в экстремальных ситуациях, провоцирует под давлением стресса спонтанный выбор неконструктивной стратегии преодоления. Ставится задача проверки данного предположения на следующих шагах проводимого автором исследования.

Ключевые слова: пилот гражданской авиации; копинг-поведение; копинг-стратегии; копинг-ресурсы; психологический стресс.

Babichkova E.S.,

Kuban State University, Russia, Krasnodar

COPING STRATEGIES OF CIVIL AVIATION PILOTS

Abstract. The article presents the results of the analysis of the coping behavior of the civil aviation vessels command staff. The data obtained allowed us to talk about the overload of coping resources in the surveyed pilots. It is suggested that such a "profile" of coping strategies becomes a risk of "dispersion" of resources in extreme situations, and provokes a spontaneous choice of non-constructive coping strategies under stress. The aim is to test this assumption in the next steps of the research conducted by the author/

Keyword: civil aviation pilot; coping behavior; coping strategies; coping resources; psychological stress.

Надежность любой профессиональной деятельности во многом определяется функциональной надежностью ее субъекта, обеспечиваемой его способностью преодолевать развитие неблагоприятных, с точки зрения выполнения профессиональных функций, психологических и психофизиологических состояний, в первую очередь – стрессовых[6]. Проблема предотвращения развития стрессовых состояний становится особенно социально

значимой, когда речь идет о функциональной надежности субъекта опасных профессий. В.А. Бодров отмечал, что эти профессии характеризуются высокой субъективной и объективной ценой функциональных срывов исполнителей и повышенным уровнем персональной и социальной ответственности за результаты их действий. В этой связи не снижается актуальность выявления личностных ресурсов преодоления стресса, экстремальных ситуаций субъектами профессий, содержащих риски для здоровья и жизни людей [2, 3, 11, 12].

По результатам исследований зарубежных авторов была выделена научная проблема специфической активности личности в трудных ситуациях – «Copingbehavior» («поведение преодоления»), которая успешно развивается в последнее время в трудах российских психологов [1, 10 и др.]. С.К. Нартова-Бочавер отмечает, что «coping» есть динамический процесс, специфика которого определяется не только ситуацией, но и стадией развития конфликта, столкновения субъекта с внешним миром [9, с. 22].

Автор когнитивной теории стресса Р. Лазарус создал одну из основных психологических моделей стресса, согласно которой стресс возникает тогда, когда требования окружающей среды находятся на пределе или за пределами человеческих возможностей [13, 14]. Р. Лазарус показал, что имеются два основных типа реагирования личности на стрессовую ситуацию: проблемно-ориентированный и субъектно-ориентированный. Проблемно-ориентированный тип реагирования направлен на решение реальной проблемы, ставшей перед человеком в стрессовой ситуации. Субъектно-ориентированный тип реагирования направлен на эмоциональное переживание, регулирование взаимоотношений с людьми.

С.К. Нартова-Бочавер [9] называет пять признаков поведенческих стратегий в качестве основания для их классификации: 1) ориентированность или локус преодоления; 2) область психического, в которой разворачивается преодоление (внешняя деятельность, представления или чувства); 3) эффективность (получает ли человек желаемый результат по разрешению задачи); 4) временная протяженность полученного эффекта (ситуация разрешена радикально или требуется возвращение к ней); 5) ситуации, провоцирующие совладание (кризисные или повседневные).

С позиций ресурсного и ценностно-смыслового подходов психология совладающего поведения была рассмотрена в работах К. Муздыбаева [7, 8]. К. Муздыбаев пишет, что личные ценности в совокупности с психологическими ресурсами обеспечивают адаптивную функцию: они придают уверенность человеку, поддерживают его самоидентичность, подкрепляют самоуважение [7, с. 323]. Столкновение с неудачами в лично значимых

ситуациях может провоцировать защитное поведение, характер которого сказывается на предпочтении различных по конструктивности копинг-стратегий [8].

В последние годы наиболее выраженное внимание к исследованию феноменологии копинг-поведения отмечается в работах Т.Л. Крюковой, ее учеников и последователей. Т.Л. Крюкова, в частности, в качестве предикторов копинг-поведения рассматривает личностные черты. Изучив или измерив их, можно предсказать, насколько успешно и как справится человек с трудной ситуацией [5].

А.Н. Демин отмечает прикладную полезность и продуктивность понятия совладания. Он делает акцент на ситуативном подходе к интерпретации совладающего поведения. В силу ситуативности, копинг-поведение не может быть достаточно продуктивным механизмом преодоления кризисных периодов жизни, поскольку радиус его «действия» уже, чем жизненный путь. В такие периоды особую значимость приобретают субъектные качества (активность, самоорганизация личности и др.) [4].

Таким образом, в современной психологии проблема эмоционального, психологического, профессионального стресса, совладающего поведения представлена значительным и разнообразным кругом исследований, основанных на различных теоретико-методологических парадигмах. Результатом этого является сформированность разнообразных концепций, опираясь на которые мы сегодня можем исследовать специфику стресс-реакций субъектов опасных профессий.

Целью представляемого ниже эпизода проводимого нами исследования было выявление ресурсов совладающего поведения представителей командного состава экипажей судов гражданской авиации.

Выборку составили 43 испытуемых (пилоты воздушных судов одной из авиакомпаний). Применена методика «Копинг-тест» Лазаруса, позволяющая дифференцировать восемь вводов копинг-стратегий, активизируемых личностью в трудных жизненных ситуациях (конфронтация; дистанцирование; самоконтроль; поиск социальной поддержки; принятие ответственности; бегство-избегание; планирование решения проблемы; положительная переоценка).

Результаты и их обсуждение.

Установлено, что представители командного состава воздушного судна активно используют в затрудненных жизненных ситуациях все стратегии совладания. Ни одного показателя не выделено в диапазоне дефицита (менее 40,0% от максимального значения по шкале). Однако можно отметить, что несколько стратегий являются гиперактивными, то есть

образуют «первую линию» совладания. Это: планирование решения проблемы (82,4% от максимального значения по шкале); положительная переоценка (77,8%).

Если рассматривать «профиль» стратегий с позиций конструктивности, то увидим, что конструктивная стратегия «планирование решения проблемы» дополняется еще двумя: поиск социальной поддержки (75,7%) и самоконтроль (72,9%). Стратегия когнитивных усилий по отделению от ситуации и уменьшению ее значимости («дистанцирование») находится на границе нормы. Только 12 респондентов (27,9%) имеют гиперактивным ресурс этой высоко конструктивной копинг-стратегии.

Существенным наблюдением можно считать установленную сниженную активность конфронтативного копинга (57,0%), который находится в зоне диагностической нормы, то есть в диапазоне 40 – 60,0%.

Выводы.

Проведенное исследование дает основание говорить о перегруженности ресурсов совладания у обследованных пилотов. Можно предположить, что такой «профиль» копинг-стратегий становится риском «распыления» ресурсов в экстремальных ситуациях, провоцирует спонтанный выбор под давлением стресса неконструктивной стратегии преодоления. Это предположение требует проверки на следующих шагах проводимого нами исследования.

Примечания:

1. Анцыферова Л.И. Личность в трудных жизненных условиях: переосмысливание, преобразование ситуаций и психологическая защита // Психол. журнал. 1994. № 1. С. 3-16.

2. Бодров В.А. О психологических механизмах регуляции процесса преодоления стресса // Психология субъекта профессиональной деятельности: сб. науч. трудов / под ред. В.А. Барабанщикова, В.А. Карпова. Москва; Ярославль: Аверс-Пресс, 2002. Вып. 2. С. 98-117.

3. Бодров В.А. Психологический стресс: к проблеме его преодоления // Проблемы психологии и эргономики. Тверь, 2001. № 4. С. 28-33.

4. Демин А.Н. Личность в кризисе занятости: стратегии и механизмы преодоления кризиса. Краснодар, 2004.

5. Крюкова Т.Л. «Человек совладающий»: личность в парадигме стресс-копинг // Инновационные технологии и процессы личностного и группового развития в транзитивном обществе: материалы Междунар. науч.-практ. конф. / под ред. Н.П. Фетискина, В.В. Чекмарева. Кострома; Москва, 2000. Ч. 2. С. 35-37.

6. Лазебная Е.О. Ценностные основания функциональной надежности лиц опасных профессий // Актуальные проблемы психологии труда, инженерной психологии и эргономики. Вып. 5 / под ред. А.А. Обознова, А.Л. Журавлева. Москва: Изд-во «Ин-т психологии РАН», 2013. С. 302-314.
7. Муздыбаев К. Дилеммы распределения ресурсов // Вестник СПбГУ. Сер. 6. 1992. Вып. 1. С. 62-69.
8. Муздыбаев К. Стратегия совладания с жизненными трудностями. Теоретический анализ // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Т. 1, № 2. С. 3-14.
9. Нартова-Бочавер С.К. «Copingbehavior» в системе понятий психологии личности // Психол. журнал. 1997. Т. 18, № 5.
10. Русина Н.А. Психологические защиты и механизмы совладания: отличия, проявления в психотерапевтической практике, эффективность // Ярославский психологический вестник. Москва; Ярославль, 1999.
11. Якимович Н.В. Изучение связи между личностными свойствами пилотов и особенностями их профессиональной деятельности в экстремальных ситуациях (по материалам авиационных катастроф) // Актуальные проблемы психологии труда, инженерной психологии и эргономики. Вып. 5 / под ред. А.А. Обознова, А.Л. Журавлева. Москва: Изд-во «Ин-т психологии РАН», 2013. С. 334.
12. Ясько Б.А. Психологические ресурсы профессиональной адаптации субъекта труда в условиях нарушенного естественного жизненного ритма // Там же. С. 288-302.
13. Lazarus R. Stress and emotion // A new synthesis. Free association book. London, 1999
14. Lazarus R.S., Folkman S. Stress, appraisal and coping. New York: Springer Publishing Company, 1984.

Бабичкова Екатерина Сергеевна, аспирант, Кубанский государственный университет, г. Краснодар, e-mail: Katya_babichkova@mail.ru

Babichkova Ekaterina S., Postgraduate student, Kuban State University, Krasnodar, e-mail: Katya_babichkova@mail.ru

Баранова А.Е.,

Кубанский государственный университет, Россия, г. Краснодар,

**К ПРОБЛЕМЕ АНАЛИЗА МОТИВАЦИИ УЧЕБНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СТУДЕНТОВ ВУЗА**

Аннотация. Рассматриваются особенности мотивов учебной деятельности у студентов на разных этапах образования. Исследование построено на методологии Р. Валлеранда, в которой мотивация рассматривается в трех состояниях: внутренняя, внешняя, а также амотивация, проявляющихся на трех иерархических уровнях (глобальном, контекстном, ситуативном). Сравнения показали устойчивость внутренней положительной мотивации на всех этапах учебной деятельности при значительном снижении амотивирующих факторов к завершающему курсу. Подтверждена эвристичность концепции внутренних и внешних мотивов профессиональной самореализации личности и целесообразность ее применения в студенческой среде.

Ключевые слова: мотивация учебной деятельности; концепция Р. Валлеранда; внутренняя мотивация; внешняя мотивация; амотивация.

Baranova A.E.,

Kuban State University, Russia, Krasnodar

**TO THE PROBLEM OF ANALYZING THE MOTIVATION OF UNIVERSITY
STUDENTS EDUCATIONAL AND PROFESSIONAL ACTIVITIES**

Abstract. The article discusses the motives features of students ' learning activities at different training and educational stages. The research is based on the methodology of R. Valerian, in which motivation is considered in three States: internal, external and amotivational, which are manifested at three hierarchical levels (global, contextual and situational). Comparisons showed stability of internal positive motivation at all stages of educational activity with a significant decrease in amotivating factors by thesenior year. The author confirms the heuristic nature of the concept of internal and external motives for professional self-realization of the individual and the expediency of its application in the student environment.

Keyword: educational activity motivation; R. Vallerand's concept; internal motivation; external motivation; amotivation.

Проблема и ее актуальность. Профессиональная мотивация – ключ к успеху. Изучение профессиональной мотивации – долгий и кропотливый процесс, имеющий

множество «подводных камней». Несмотря на то, что эта проблема многие годы исследуется в разных науках о человеке, ее трудность заключается в том, что мотивация и детерминирующие ее потребности имеют специфику как в разных популяционных сегментах (демографических, гендерных, возрастных), так и на этапах профессиогенеза личности. В частности, требуют анализа мотивы и цели в студенческий период становления профессионала. Сегодня они находятся под влиянием стремительно меняющегося мира профессий, динамики рынка труда, возрастающим влиянием на личности информационного пространства и диджитализации всех видов деятельности современного человека.

В исследованиях установлено, что существует зависимость между индивидуальной эффективностью деятельности и мотивацией. Индивидуальная эффективность в значительной мере обусловлена мотивационным потенциалом работника. Профессиональная мотивация лежит в основе стремлений субъекта к достижениям, к профессиональной и личностной самореализации. К мотиваторам, определяющим этот процесс, относятся: интересы, предпочтения, желания, склонности, условия, при которых достигается цель, и т.д.[2]. И хотя на сегодняшний день существует множество концепций, посвященных мотивации, отдельного внимания заслуживает концепция Р. Валлеранда. Классификация, предложенная этим исследователем, описывает три состояния мотивации: состояния при внутренней или внешней мотивации, а также состояние амотивации. Эти состояния могут проявлять себя на трех различных иерархических уровнях: глобальном, контекстном и ситуативном. Как сказано в концепции Р. Валлеранда, именно социальные факторы, распространённые на все аспекты человеческой жизнедеятельности, обуславливают глобальную мотивацию. Глобальный уровень представляет собой наиболее широкие установки мотивации личности, обуславливаясь социокультурной средой, в которой на данный момент находится личность. Контекстные факторы напрямую зависят от особенностей и условий той деятельности, в которой сейчас находится субъект. Среди самых важных контекстов можно выделить уровень образования, межличностные отношения, способ проведения досуга и проч. В момент осуществления человеком фрагмента деятельности в ограниченном промежутке времени возникает ситуационная мотивация (спортивная тренировка, лекция и т.д.). На ситуационном уровне мотивация не является устойчивой основой регуляции поведения [3].

Вклад в изучение мотивации профессиональной деятельности внес также К. Замфир. В основе принятой им концепции тоже лежит рассмотрение двух источников потребностей, мотивирующих личность: внутренних и внешних. Внешние мотивы в концепции К. Замфира разделяются на положительные и отрицательные. Созданная К. Замфиром методика состоит

из перечня семи мотивов, где: два мотива – внутренние мотивы профессиональной деятельности, три мотива – положительные внешние, два мотива – отрицательные внешние [1].

Основываясь на понимании проблемы, мы определили *цель* эмпирического исследования: опираясь на концепцию Р. Валлеранда, изучить особенности мотивов учебной деятельности у студентов на разных этапах образования.

Организация исследования.

В исследовании приняли участия 32 студента вуза, из них 22 человека – студенты первого курса, 10 человек – студенты 4 курса.

Применена методика Опросник «Почему я учусь» (R.J. Vallerand). Опросник содержит 28 утверждений. Испытуемому дается инструкция: *«Используя приведенную ниже шкалу, оцените, в какой степени каждое из предложений опросника соответствует тем причинам, по которым Вы учитесь»*. Каждое утверждение может быть оценено по трем параметрам: «Совсем не соответствует»; «Соответствует умеренно»; «Точно соответствует». При этом первый и третий параметры имеют два варианта оценок, а второй – три. В целом применена семибалльная шкала.

Утверждения Опросника распределяются по семи субшкалам: три шкалы показывают, насколько выражены внутренние мотивы; три шкалы отражают выраженность внешних мотивов; одна шкала названа «Амотивация».

Результаты и их обсуждение.

Среднее значение суммы баллов по всем семи шкалам, включая шкалу «Амотивация», опросника Р. Валеранда составило $120,7 \pm 22,0$ баллов. Из 32-х опрошенных студентов лишь 7 человек (21,9%) имеют показатели, приближенные к низкому уровню мотивации (менее 100 баллов из 196 возможных). Остальные респонденты (25 чел./ 78,1%) имеют средний или высокий уровень мотивации (более 100 баллов из 196 возможных). Это говорит о том, что большая часть опрошенных обладает достаточной внешней и внутренней мотивацией, а также низким уровнем амотивации, чтобы продолжать обучение по выбранной специальности с переходом в профессиональную деятельность.

В целом по выборке установлено, что в студенческой среде преобладают виды внутренней мотивации. Приведем данные, подтверждающие это наблюдение.

Среднегрупповое значение диагностических показателей по шкале «Внутренняя мотивация/ знания» составило 21,2 балла ($\sigma=3,8$); по шкале «Внутренняя мотивация/ компетентность» – 20,8 баллов ($\sigma=4,8$).

Наименьший показатель мотивации выявлен в шкале «Внешняя мотивация» ($M=15,7\pm 5,1$).

Таким образом, мотивационный комплекс студентов имеет структуру, в которой ведущими являются внутренние побуждения, что означает принятие студентами учебной и профессиональной деятельности как значимой в их жизни, желание развивать компетентность в выбранной специальности, наличие стремления совершенствоваться в данной области, получать знания и соответствовать социальным требованиям.

Общее значение шкалы «Амотивация» составляет 9,7 баллов ($\sigma=4,1$). Показатели можно отнести к положительным, поскольку высокий уровень амотивации (21 балл из 24 возможных) имеет только один респондент; 5 человек (15,6%) обнаружили средний уровень амотивации (диапазон баллов от 14 до 17). Остальные испытуемые (26 чел.; 81,3%) обладают низким уровнем амотивации, что свидетельствует о положительной самооценке способностей и возможностей, вере в реальность достижения поставленных целей и результатов.

Дифференцированный анализ по курсам показал следующую картину.

На первом курсе, как и на четвертом, студенты отдают предпочтения шкалам «Внутренняя мотивация / знания» ($M=21,3\pm 4,3$ и $21,0\pm 2,8$ соответственно) и «Внутренняя мотивация / компетентность» ($M=20,8\pm 5,4$ и $20,9\pm 3,4$ соответственно). Это значит, что в процессе учебно-профессиональной деятельности у студентов неизменно преобладает стремление к получению знаний и приобретению профессиональной компетентности.

У студентов первого курса шкалы «Внутренняя мотивация/ новые впечатления» ($M=17,7\pm 5,3$) и «Внешняя мотивация/ идентификация» ($M=19,1\pm 4,8$) находятся примерно в одинаковом диапазоне значений. По сравнению с преобладающими мотивами, эти мотивы занимают вторые позиции, но имеют также достаточно высокий уровень выраженности.

Иная картина наблюдается со шкалой «Амотивация». На первом курсе среднегрупповое значение данной шкалы составило $9,6\pm 4,7$ баллов. Только один человек показал высокий уровень амотивации. У 4-х студентов (18,2%) амотивация имеет среднюю выраженность. У остальных первокурсников (17 человек/ 77,3%) амотивация не выражена, то есть имеет показатели, соответствующие низкому уровню.

На четвертом курсе картина значительно меняется. Здесь лишь один показатель по шкале «Амотивация» равен среднему уровню, а остальные студенты показали низкий уровень этого мотива. Таким образом, на последнем этапе обучения по избранной специальности уверенность студентов в своих возможностях увеличивается, они активны в формировании перспективы профессионального развития.

Выводы.

Анализ особенностей мотивов учебной деятельности у студентов на разных этапах образования показал следующее.

Во-первых, можно говорить об устойчивой положительной мотивированности студентов на всех этапах обучения, о преобладании стремлений к получению знаний и профессиональной компетентности.

Во-вторых, важным маркером личностного и профессионального становления будущих специалистов является значительное снижение влияния амотиваторов на формирование интереса к учебной деятельности к периоду окончания образования в вузе.

Проведенное исследование показало эвристичность концепции внутренних и внешних мотивов профессиональной самореализации личности и целесообразность расширение исследований в этом направлении путем увеличения выборки испытуемых и привлечения дополнительных психодиагностических методов анализа мотивационно-потребностной сферы субъектов учебно-профессиональной деятельности.

Примечания:

1. Замфир К. Удовлетворенность трудом: мнение социолога. Москва: Политиздат, 1983.
2. Ильин Е.П. Мотивация и мотивы. Санкт-Петербург: Питер, 2008.
3. Vallerand R.J. Perreault S. Intrinsic and Extrinsic Motivation in Sport: toward a Hierarchical Model // Essential reading in sport and exercise psychology. Champaign: Human Kinetics, 2007.

Баранова Анастасия Евгеньевна, студентка, Кубанский государственный университет, г. Краснодар, e-mail: 79628629593@yandex.ru

Baranova Anastasiya E., university student, Student, Kuban State University, Krasnodar, e-mail: 79628629593@yandex.ru

Миронцева Е.А., Омельченко Н.В.,

Кубанский государственный университет, Россия, г. Краснодар

ВОВЛЕЧЕННОСТЬ ПЕРСОНАЛА ОРГАНИЗАЦИИ БАНКОВСКОЙ СФЕРЫ

Аннотация. Вовлеченность – относительно современный термин, особенно для России, поэтому сейчас наблюдается тенденция к повышенному интересу отечественных компаний к проблеме вовлеченности своих сотрудников. Вовлеченность персонала влияет на производительность труда и бизнес-показатели организации: снижает текучесть кадров, обеспечивает лояльность, что в целом обеспечивает конкурентоспособность и стабильное положение компании на рынке. Именно по этим причинам управление вовлеченностью становится в современных организациях важным направлением развития. В данной статье авторы изучают степень выраженности и характер взаимосвязей компонентов вовлеченности персонала организации банковской сферы.

Ключевые слова: вовлеченность персонала, факторы вовлеченности, персонал организации.

Mirontseva E.A., Omelchenko N.V.,

Kuban State Technological University, Russia, Krasnodar

PERSONNEL INVOLVEMENT IN THE BANKING SECTOR

Abstract. Involvement is a relatively modern term, especially for Russia, so now there is a trend towards increased interest of domestic companies in the problem of personnel involvement. Staff involvement affects the productivity and business indicators of the organization: it reduces staff turnover, ensures loyalty, which generally ensures the company's competitiveness and stable position in the market. It is for these reasons that involvement management is becoming an important area of development in modern organizations. In this article, the authors study the degree of expression and the nature of relationships between the components of personnel involvement in the banking sector.

Keyword: personnel involvement, engagement factors, and organization personnel.

В наши дни понятие вовлеченности персонала широко известно в различных научно-профессиональных сферах: менеджменте, психологии, социологии, науке об управлении человеческими ресурсами. К данному вопросу растет интерес как ученых, так и менеджеров. Компании склонны воспринимать вовлеченность как фактор успеха их деятельности, как конкурентное преимущество и как условие повышения производительности. Всё больше компаний, в особенности инновационных и крупных, осознают необходимость инвестиций в

вовлеченность своего персонала. С целью уточнения основных теоретических аспектов и формирования соответствующих практических выводов авторами была предпринята попытка проведения данного исследования.

Термин вовлеченности – современный и новый для науки, поэтому интерес к нему только возрастает. Первыми на вопросы, косвенно или прямо связанные с вовлеченностью персонала, обратили внимание западные менеджеры различных компаний и психологи. Впервые термин «вовлеченность» был введен в 1990 году. Его употребил Уильям Кан в своей статье «Психологические условия личной вовлеченности и невовлеченности на работе». Он назвал вовлеченностью овладение членами организации своими рабочими ролями. Это значит, работник отождествляет себя со своей рабочей ролью, выражает себя в ней [5].

Одной из первых работ по вовлеченности можно считать труд Кевина Томсона «Революция персонала: корпоративный внутренний маркетинг». Он сформулировал теорию, что успех и востребованность компании формируют сотрудники, которые полностью разделяют принципы, ценности и философию бренда [8].

Психологи К. Маслач [6] и М. Чиксентмихайи [3] изучали вовлеченность как позитивную противоположность профессиональному выгоранию. Д. Хартер и Ф. Шмидт [4], практики управленческой деятельности, диагностировали и изучали вовлеченность путем проведения широкого спектра разных исследований в рамках компаний. У. Шауфели и А. Беккер [7] в течение многих лет исследовали проблематику вовлеченности и в 2003 году разработали методику для измерения увлеченности «UWES», которую также называют Утрехтская шкала увлеченности в работу.

Среди отечественных ученых, занимавшихся вопросами вовлеченности персонала, можно выделить М.Магуру[1], который подробно рассматривал приверженность и патриотизм организации, и Е.А. Скриптунову[2], которая разработала методику оценки вовлеченности персонала.

С начала 21 века феномен вовлеченности персонала стал популярной темой в теоретических и прикладных исследованиях, поэтому в наши дни вовлеченность главным образом исследуется на базе организаций. Компании стремятся проводить свои локальные исследования для выработки наилучшей стратегии работы с вовлеченностью своего персонала

С появлением понятий удовлетворенности трудом, лояльности и вовлеченности персонала встал вопрос о том, как же эти явления отражаются на организации. Менеджеры

заметили положительную динамику в компаниях с повышением мотивации и заинтересованности работников в труде.

Одно из наиболее ранних крупных исследований влияния вовлеченности на эффективность организации было проведено в 2002 году. Д. Хартер и Ф. Шмидт провели масштабное исследование на базе 36 компаний, в котором изучалась взаимосвязь между вовлеченностью и бизнес-показателями организаций. Их работа показала, что вовлеченность может оказать существенное влияние на прибыль, работоспособность, на привлечение клиентов и другое. Но больше всего прослеживалась взаимосвязь между текучестью кадров и вовлеченностью. Ученые обозначили процесс вовлечения персонала как важнейший механизм его удержания [4].

Позднее было проведено обширное исследование, принадлежащее институту Gallup. В 2012 году Gallup провел мета-анализ, используя 263 исследования по 192 организациям в 49 отраслях промышленности и 34 странах. В рамках каждого исследования, исследователи Gallup статистически рассчитали бизнес-взаимосвязь между вовлеченностью сотрудников на уровне рабочих единиц и результатами деятельности, предоставленными организациями. Исследователи изучили работу 49928 бизнес-подразделений, где в общей сумме работает почти 1,4 миллиона человек. Gallup выяснили, что между уровнем вовлеченности персонала и достижением ключевых результатов в бизнесе есть сильная связь. Согласно их данным, высокий уровень вовлеченности персонала помогает на 41% сократить дефекты качества, на 48% уменьшает количество происшествий, связанных с безопасностью на производстве, на 65% сокращает уровень текучести кадров и позволяет на 37% снизить количество прогулов. Помимо этого лояльность клиентов возрастает на 10%, а производительность и рентабельность увеличиваются на 21% и 22% соответственно.

В 2016 году Корпорация Oracle в сотрудничестве с компанией OpiniumResearch провела исследование, направленное на изучение вовлеченности сотрудников компаний в рабочий процесс. Было опрошено 1511 специалистов и 250 руководителей крупных организаций из стран Западной Европы, включая Великобританию, Францию, Германию, Швецию и Нидерланды. Согласно результатам опроса, 95% респондентов-работодателей признают вовлеченность персонала стратегически важным инструментом развития бизнеса. 60% опрошенных заявили, что она помогает повышать эффективность организации и способствует улучшению обслуживания клиентов.

Таким образом, учитывая масштабные исследования и наработки ученых, институтов и корпораций по всему миру, можно сделать вывод о наличии четкой связи между уровнем вовлеченности персонала и результатами бизнеса. Компании пока находятся на стадии

принятия важности вовлеченности и не всегда учитывают ее роль, к тому же существуют сложности в подсчете выгоды от вкладывания ресурсов в повышение вовлеченности. Но если судить по крупнейшим компаниям, которые вложились в исследования по оценке вовлеченности и ее повышению, усилия оправдывают себя существенным ростом экономических показателей, способствующих компании быть успешнее на рынке и выделяться на фоне конкурентов.

Цель представленного исследования состоит в изучении степени выраженности и характера взаимосвязей компонентов вовлеченности персонала организации банковской сферы. Объектом исследования является вовлеченность персонала организации. Предмет исследования – вовлеченность персонала организации банковской сферы города Краснодара.

В исследовании были использованы следующие методики: методика оценки индекса вовлеченности Е.А. Скриптуновой, модернизированная под специфику организации; методика для определения уровня вовлеченности UWES «Утрехтская шкала вовлеченности»; авторский анкетный опрос оценки вовлеченности работников.

Первоначально выделим общие результаты всей выборки (43 человека) согласно средним значениям. По методике оценки индекса вовлеченности персонала Е.А. Скриптуновой опрошенные имеют средний уровень вовлеченности 64,3%. По методике определения уровня вовлеченности UWES средний уровень респондентов равен 76,4 (максимальный балл 102). По составленному нами опросу диагностики четырех компонентов вовлеченности средний показатель по выборке составил 46,1 (максимальный балл 64). Обобщая все средние значения общих показателей вовлеченности, можно сделать вывод, что вовлеченность работников филиала банка средняя или чуть выше средней. Это означает, что большинство сотрудников готовы прилагать усилия для своей компании, они лояльны, поглощены рабочим процессом, отличаются инициативностью и энергичностью. Однако имеющихся на текущий момент значений недостаточно, чтобы компания имела высокий уровень вовлеченности и благодаря этому быстро достигала своих стратегических целей. Более того, некоторые средние показатели отдельно взятых компонентов достаточно снижены в сравнении с остальными и требуют большего внимания: энтузиазм (23,5 из 30); межличностные отношения и социально-психологический климат коллектива (11,9 из 16); развитие и карьерный рост (10,7 из 16); ценность работника как личности (10,9 из 16).

Следующим этапом исследования мы применили метод корреляционного анализа Спирмена с использованием программы для работы с данными «Statistica 13». Анализ позволил выявить несколько значимых корреляционных связей между компонентами вовлеченности. Обнаружены статистически значимые связи компонентов методики UWES

(энергичность, энтузиазм, поглощенность) и лояльности (0,7). Исходя из этого, повышения общего показателя вовлеченности можно добиться путем повышения одного коррелирующего с ним компонента – лояльности персонала. Также по результатам анализа энтузиазм коррелирует с компонентом развития и карьерного роста (0,61). Можно сделать предположение, что с увеличением возможностей для развития персонала и с повышением удовлетворенности работников своим карьерным ростом возрастет и проявляемый сотрудниками энтузиазм к трудовой деятельности. Еще одна обнаруженная сильная связь – между энтузиазмом и лояльностью персонала (0,73). Из этого может следовать, что чем больше сотрудники проявляют энтузиазм к своим трудовым функциям, тем сильнее они хотят остаться в организации. Повышая энтузиазм своих сотрудников, Банк может добиться стабильности кадров и сокращения текучести кадров, так как сотрудники будут с воодушевлением подходить к работе и отдавать предпочтение своему работодателю, не уходя к компаниям-конкурентам. Чуть более слабую, но всё еще значимую корреляционную связь имеют между собой компоненты поглощенности и лояльности (0,61). Чем более лояльны работники по отношению к своей организации, тем больше они концентрируются на своих функциональных обязанностях, работая тщательнее и не отвлекаясь. Сильно взаимосвязаны между собой компоненты лояльности и ценности с компонентом развития (0,7 и 0,67 соответственно). Таким образом, работники, которые имеют возможности и перспективы карьерного развития, более лояльны и сильнее ощущают свою ценность для компании. Вероятно, с увеличением расходов на развитие персонала работники станут лояльнее.

По результатам исследования можно сделать выводы, что вовлеченность – это современная и пользующаяся популярностью концепция, которая делает главный акцент на внутреннюю мотивацию персонала. Представления о вовлеченности развивались и трансформировались от простого – базовой удовлетворенности трудом – к более сложному – лояльности и делегированию полномочий. Вовлеченность в качестве результата дает не только удержание персонала и избежание текучести кадров, но также влияет на бизнес-показатели организации, становится тем конкурентным фактором, позволяющим ей преуспеть на рынке за счет активного включения работников в трудовой процесс. Всё описанное дает основания считать вовлеченность «локальным патриотизмом», а именно высшим уровнем организационной приверженности, к которому следует стремиться руководителю и менеджерам по управлению персоналом.

Примечания:

1. Магура М.И. Патриотизм персонала по отношению к своей организации – решающее конкурентное преимущество // Управление персоналом. 1998. № 11. С. 20-27.
2. Скриптунова Е.А. Методика расчёта индекса вовлеченности персонала // Управление человеческим потенциалом. 2010. № 2 (22). С. 23-35.
3. Чиксентмихайи М. Поток. Психология оптимального переживания. Москва: Альпина нон-фикшн, 2018. 461 с.
4. Business-Unit-Level Relationship Between Employee Satisfaction, Employee Engagement, and Business Outcomes: a Meta-Analysis/ J.K. Harter, F. Frank, R. Finnegan, C. Taylor // Human Resource Planning. 2004. № 27. С. 12-25.
5. Kahn W.A. Psychological conditions of personal engagement and disengagement at work // Academy of Management Journal. 1990. № 33. С. 692-724.
6. Maslach C., Schaufeli W.B., Leiter M.P. Job burnout. Annual Review of Psychology. 2001. № 52. С. 397-422.
7. Schaufeli W.B., Bakker A.B. Utrecht work engagement scale // Occupational Health Psychology Unit, Preliminary Manual. 2003. 58 с.
8. Thomson K. The Employee Revolution: Rise of Corporate Internal Marketing. 1990. 269 с.

Миронцева Елена Александровна, студентка, Кубанский государственный университет, г. Краснодар, e-mail: smail_888@mail.ru

Mirontseva Elena A., university student, Kuban State Technological University, Krasnodar, e-mail: smail_888@mail.ru

Омельченко Наталия Владимировна, канд. психол. наук, доцент, Кубанский государственный университет, г. Краснодар, e-mail: psinv@mail.ru

Omelchenko Natalya V., Candidate of Psychological Sciences, Docent, Kuban State Technological University, Krasnodar, e-mail: smail_888@mail.ru

РАЗДЕЛ 3. ПСИХИЧЕСКИЕ СОСТОЯНИЯ ЛИЧНОСТИ:
ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКИЕ И РЕГУЛЯТОРНЫЕ АСПЕКТЫ

УДК 159.942-053.6

ББК 88.835.21

Е 26

Евстратова П.И., Хозяинова Т.К.,

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», Россия, г. Краснодар

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕЖИВАНИЯ НЕГАТИВНЫХ ПСИХИЧЕСКИХ
СОСТОЯНИЙ В ПОДРОСТКОВОМ ВОЗРАСТЕ

Аннотация. В статье анализируется проблема переживания и взаимовлияний различных эмоциональных состояний у подростков. Представлены результаты эмпирического исследования особенностей и взаимосвязей таких негативных эмоциональных состояний, как тревожность, агрессивность, фрустрация и депрессивных состояний у подростков. Анализируются различия интенсивности негативных переживаний и взаимосвязей между ними у подростков разного пола.

Ключевые слова: подростковый возраст, эмоциональные состояния, агрессивность, тревожность, фрустрация, депрессивные состояния.

Evstratova P.I., Khozyainova T.K.,

Kuban State University, Russia, Krasnodar

PECULIARITIES OF EXPERIENCING NEGATIVE MENTAL STATES IN
ADOLESCENCE

Abstract. The article analyzes the problem of the experiencing and the mutual influence of various emotional states in adolescents. The results of an empirical study of the features and relationships of such negative emotional states as anxiety, aggression, frustration and depressive states in adolescents are presented. The article analyzes the differences in the intensity of negative experiences and the relationships between them in adolescents of different gender.

Keyword: adolescence, emotional states, aggressiveness, anxiety, frustration, depressive states.

Психические состояния личности привлекали внимание исследователей еще до появления психологической науки как таковой, что подтверждается трудами античных философов, которые активно анализировали влияние бытия на эмоциональное состояние человека. На сегодняшний день данная проблема не потеряла своей актуальности и

приобрела особое значение, в виду стремительных изменений жизни общества, что закономерно отражается и на состоянии личности [7].

Современное изучение психических состояний и особенностей их переживания субъектом обусловлено, с одной стороны, необходимостью минимизации негативных последствий и сохранения психического здоровья личности, а с другой – поиском новых коррелятов, значимых для понимания целостного функционирования психики человека.

Наш исследовательский интерес был сконцентрирован на проблеме психических, в том числе депрессивных, состояний подростков, так как не только кризисные явления этого возраста, но и трансформация институтов семьи и образования влечет за собой изменения в структуре реагирования подрастающим поколением на различные жизненные обстоятельства [2, 5, 9].

Среди современных научных исследований проблема изучения психоэмоциональных состояний подростков, в том числе и депрессии, а также их влияния на различные сферы жизнедеятельности является широко изученной, о чем свидетельствуют работы следующих авторов: К.А. Бабиянц, выявила, что депрессия в подростковом возрасте может проявляться в качестве тревожных состояний [3]; С. Антви-Дансо установил влияние депрессии подростков на их интеллектуальную активность [1]; Н.В. Ванюхина анализировала связи свойств личности и психических состояний подростков [4]; А.И. Подольский и соавторы обобщили результаты многолетних исследований взаимосвязи тревожных и депрессивных состояний подростков и их актуальной ситуации развития [8] и т.д. В современных зарубежных научных исследованиях особое внимание уделяется влиянию различных факторов на развитие агрессивного поведения, а также тревожных состояний в подростковом возрасте [11,12].

Несмотря на наличие большого числа исследований по данной проблематике, на сегодняшний день слабо разработан вопрос взаимовлияния различных эмоциональных состояний личности в подростковом возрасте, а также связи данных состояний с проявлениями депрессии у подростков с учетом половых различий.

Как отмечает Н.А. Смирнова, изучая депрессивные состояния, нельзя обойти тему связи и с другими психологическими явлениями. Важно затрагивать тему источников и следствий этого явления. По мнению исследователя, депрессия эмоционально проявляется в печали, которая выступает в роли ведущей эмоции, агрессии, направленной на себя, а также переживании страха и стыда [10].

По мнению К. Изарда, переживание стыда зачастую может переродиться в переживание гнева, направленного и на другое лицо или группу лиц, вызвавших стыд. Также

в своих работах он отмечает, что депрессия характеризуется дефицитом эмоции интереса и в целом депрессивные больные часто описываются как апатичные, вялые, лишенные энергии [6].

Проведенное нами исследование было направлено на изучение особенностей проявлений у мальчиков и девочек подросткового возраста таких состояний, как агрессивность, тревожность, фрустрация, депрессия и их взаимосвязь.

Для измерения данных показателей были использованы следующие диагностические методики: тест «Самооценка психических состояний» Айзенка, включающий показатели тревожности, агрессивности, фрустрации, «Шкала депрессии» Зунга.

В исследовании приняли участие 44 подростка, обучающиеся в 7-9 классах в возрасте 13-16 лет, среди которых 23 девочки и 21 мальчик. Все участники исследования не имеют подтвержденных отклонений психического развития.

Первоначально представим анализ по результатам теста Айзенка. По показателю агрессивности у 15,9% подростков группы (7 чел.) был выявлен высокий уровень, свидетельствующий о наличии часто проявляющихся немотивированных враждебных реакций по отношению к другим людям. Причем значимых различий по данному показателю среди мальчиков и девочек выявлено не было (высокий уровень был установлен у 19% мальчиков (4 чел.) и 13% девочек (3 чел.)).

По показателю тревожности были получены не такие однородные данные. Так, в группе мальчиков подросткового возраста не было выявлено ни одного подростка, продемонстрировавшего высокий уровень тревожности, тогда как в группе девочек-подростков у 21,7% (5 чел.) тревожность имеет высокий уровень, что позволяет нам сделать вывод, что девочки в подростковом возрасте чаще, чем мальчики, испытывают тревожные состояния.

Похожая ситуация была выявлена и по показателю фрустрации. В группе мальчиков ни один из подростков не продемонстрировал высокой фрустрированности, а среди девочек – 26,1% (6 чел.). Анализируя данный показатель, также важно отметить, что количество детей с низким уровнем фрустрации в группе мальчиков и девочек также заметно различается. Так, среди мальчиков 61,9 % (13 чел.) демонстрируют низкий уровень фрустрации, а среди девочек – только 21,7% (5 чел.), то есть мальчики-подростки меньше подвержены фрустрации, в отличие от девочек, которые чаще обращают внимание на несоответствие собственных желаний с реальными условиями. Данный факт подтверждается статистической значимостью различий по критерию Манна-Уитни ($U_{\text{ман}}=129$ при $p \leq 0,01$).

Таким образом, полученные результаты свидетельствуют о том, что существуют особенности переживаний негативных эмоциональных состояний у мальчиков и девочек подросткового возраста. Выявлены тенденции некоторого преобладания повышенной агрессивности у мальчиков-подростков, а у девочек – тревожности. Статистически подтверждено, что состояние фрустрации также чаще возникает у девочек-подростков. Можно сделать вывод о том, что мальчики проявляют большую эмоциональную устойчивость по сравнению с девочками, у которых «арсенал» негативного реагирования выражен больше.

Далее представим результаты по шкале депрессии Зунга. Важно отметить, что субклинических и тяжелых форм депрессии в исследуемой группе подростков выявлено не было. При этом 84,1% (37 чел.) подростков продемонстрировали нормальное психоэмоциональное состояние, без депрессивных проявлений, а у 15,9% (7 чел.) была выявлена легкая депрессия ситуативного или невротического генеза.

Анализируя особенности проявления депрессивного состояния, было установлено, что только у 4,5% мальчиков показатели выше нормы (1 чел.), тогда как среди девочек-подростков легкая депрессия была выявлена у 26,1% (6 чел.), что еще раз подтверждает различия психоэмоционального состояния у мальчиков и девочек подросткового возраста.

С целью изучения взаимовлияний изучаемых эмоциональных состояний подростков был проведен корреляционный анализ показателей методик по критерию ранговой корреляции Спирмена.

В общей группе подростков были выявлены значимые связи депрессии с тревожностью и фрустрацией ($r_s=0,343$ при $p=0,05$ и $r_s=0,329$ при $p=0,05$ соответственно). При этом тревожность и фрустрация также имеют значимую взаимосвязь ($r_s=0,585$ при $p=0,01$). В связи с тем, что все полученные связи имели положительную корреляцию, мы можем сделать вывод о том, что эмоциональные состояния связаны между собой и усиливают друг друга или наоборот - уменьшение интенсивности одного из состояний приводит к снижению других.

При анализе взаимосвязи отдельно в группе мальчиков и девочек были получены различные результаты. Так, в группе мальчиков-подростков ни одно из психических состояний, исследованных по методике Айзенка, не коррелировало с показателями депрессии, при этом была выявлена положительная корреляция между агрессией и тревожностью, а также агрессией и фрустрацией ($r_s=0,466$ при $p=0,01$ и $r_s=0,508$ при $p=0,01$ соответственно). Это означает, что повышенная тревожность и фрустрация оказывают влияние на развитие агрессивного поведения и враждебности у мальчиков подросткового

возраста, а повышение агрессивности сопровождается состоянием тревожности и вызывает состояние фрустрации.

В группе девочек-подростков, как и целом по группе, были выявлены значимые связи депрессии с тревожностью и фрустрацией ($r_s=0,429$ при $p=0,05$ и $r_s=0,466$ при $p=0,05$ соответственно), а также тревожности и фрустрации между собой ($r_s=0,706$ при $p=0,01$). То есть, закономерности взаимосвязей эмоциональных состояний девочек-подростков в большей степени отражают общие тенденции взаимовлияний этих состояний, характерных для подросткового возраста.

Таким образом, полученные данные свидетельствуют о том, что девочки в подростковом возрасте в большей степени подвержены фрустрации и тревожности, что оказывает прямое влияние на проявление депрессивных состояний. Мальчики-подростки реже подвержены депрессии, но при этом агрессивное поведение у них связано с состоянием тревожности и фрустрации.

Результаты исследования позволяют оказывать адресную, более дифференцированную коррекционную помощь по снижению негативных проявлений психоэмоционального состояния личности в подростковом возрасте.

Примечания:

1. Антви-Дансо С. Взаимосвязь депрессивных состояний и успешности обучения школьников: на примере детей Республики Ганы: дис. ... канд. психол. наук. Санкт-Петербург, 2007.
2. Астапов В.М., Малкова Е.Е. Тревожные расстройства в детском и подростковом возрасте. Теория и практика. Москва; Воронеж: МПСИ: МОДЭК, 2011.
3. Бабиянц К.А., Шульжицкая М.И. Особенности проявления депрессивных состояний в подростковом возрасте // Северо-Кавказский психологический вестник. 2017. № 2.
4. Ванюхина Н.В. Общая психология. Казань: Познание, 2014.
5. Дубицкая Е.А., Москаленко М.С. Исследование влияния семейных конфликтов на эмоционально-волевое развитие подростков // Преподаватель XXI века. 2011. № 4.
6. Изард К.Э. Психология эмоций. Санкт-Петербург: Питер, 2008.
7. Найденова С.В., Пономарев П.А. Психологическое влияние информационной среды на современного человека // Концепт: науч.-метод. электрон. журнал. 2016. Т. 11.
8. Психоэмоциональное благополучие современных подростков: опыт международного исследования / А.И. Подольский, О.А. Карбанова, О.А. Идобаева, П. Хейманс // Вестник Московского университета. Сер.: Психология. 2011. № 2.

9. Слободская Е.Р., Бочаров А.В., Рябиченко Т.И. Взаимодействие агрессивного поведения и тревожности в процессе приспособления подростков: роль факторов пола // Сибирский психол. журнал. 2008. № 29.
10. Смирнова Н.А. Теоретические аспекты изучения депрессии в психологии // Психология: традиции и инновации: материалы III Междунар. науч. конф., г. Самара, март 2018 г. Самара: АСГАРД, 2018.
11. Donato A. Impact of anxiety on executive functioning in aggressive children. University of Toronto, 2018.
12. Hull K.N. The impact of multiple opportunities for aggression on aggressive thoughts, behaviors, and motivations. University of North Florida, 2016.

Евстратова Полина Ивановна, слушатель программы «Психология личности: теория и практика», ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», г. Краснодар, e-mail: polina-evstratova@inbox.ru
Evstratova Polina I., program visitor “Psychology of individual: theory and practice”, Kuban State University, Krasnodar, e-mail: polina-evstratova@inbox.ru

Хозяинова Татьяна Константиновна, канд.психол.н., доцент кафедры психологии личности и общей психологии, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», г. Краснодар, e-mail: hozjainova@mail.ru
Khozyainova Tatyana K., Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor of the Department of Personality Psychology and General Psychology, Kuban State University, Krasnodar, e-mail: hozjainova@mail.ru

УДК 159.9

ББК 88.56

М 21

Мальцева А.А.,

*аспирант, ФГБОУ ВПО Кубанский государственный университет,
специалист по оценке персонала ООО «Технохолд», г. Анапа, Россия*

ЛИЧНОСТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РОДИТЕЛЕЙ, ВОСПИТЫВАЮЩИХ ДЕТЕЙ-ИНВАЛИДОВ

Аннотация. В данной статье рассматриваются проблемы родителей, воспитывающих детей с отклонениями в развитии, находящихся в трудной жизненной ситуации и условиях постоянного стресса, у которых формируются личностные черты, которые помогают им совладать со сложившейся ситуацией, мобилизовать ресурсы или использовать деструктивные формы поведения. В процессе воспитания детей-инвалидов в совокупности с такими факторами, как состав семьи, трудовая занятость, образование, оказание психологической поддержки, осведомленность о болезни ребенка, личностные особенности родителей изменяются и являются различными.

Ключевые слова: личностные особенности родителей детей с нарушениями в развитии; аутизм; задержка психического развития; особенности воспитания детей с инвалидностью; психологический климат в семье.

Maltseva A.A.,

*Postgraduate Student, Kuban State University,
human resources specialist Technoholod LLC, Anapa, Russia*

PERSONAL CHARACTERISTICS OF PARENTS RAISING DISABLED CHILDREN

Abstract. This article discusses the problems of parents raising children with developmental disabilities, who are in a difficult life situation and under constant stress, who develop personality traits that help them cope with the current situation, mobilize resources or use destructive behaviors. In the process of raising children with disabilities, together with such factors as family composition, employment, education, psychological support, awareness of the child's illness, the personal characteristics of parents change and are different.

Keyword: Personal characteristics of parents of children with developmental disabilities; autism; mental retardation; features of raising children with disabilities; psychological climate in the family.

Изучение личностных особенностей родителей, воспитывающих детей-инвалидов, относится к распространенной и недостаточно изученной проблеме, в большинстве случаев при наличии у ребенка инвалидности основное значение придается медицинскому подходу.

Ситуация воспитания ребенка с инвалидностью оказывает влияние на качество жизни семьи, их взаимоотношения, родители ребенка находятся в состоянии хронического стресса, трудно вступают в контакт со специалистами, вследствие чего мы считаем, что данную проблему необходимо рассматривать с позиции комплексного подхода, в котором важное значение имеет психологический аспект [8].

Интенсивность постоянных эмоциональных переживаний, личностная и ситуативная тревожность, которая касается будущего ребенка с инвалидностью, приводят к формированию у родителей аномальных личностных черт, изменению качества их жизни и ценностной переориентации. Данное исследование направлено на изучение личностных особенностей родителей, воспитывающих детей-инвалидов, и оказание психологической поддержки и сопровождения родителей, находящихся в трудной жизненной ситуации - наличия инвалидности у ребенка.

Необходимость изучения личностных особенностей родителей, воспитывающих детей-инвалидов, подтверждается зарубежными и отечественными исследованиями в психологии [2]. Научная литература обосновывает актуальность данной проблемы, большинство исследователей сходятся во мнении, что пребывание в ситуации хронического стресса сказывается на формировании личностного склада и паттернов поведения, которые отвечают за мобилизацию ресурсов и совладание со стрессом, принятие помощи. В качестве факторов изменения личностных особенностей рассматриваются различные аспекты - социальный статус, целостность семьи, трудовая деятельность, материальное благополучие и другие. Системный подход в психологии позволяет интегрировать объективные и субъективные факторы при изучении личностных особенностей родителей, воспитывающих детей-инвалидов. Изучение личности с позиции субъекта своего бытия помогает проследить динамику в формировании личностного склада, который включает механизмы психологической защиты, ценностную ориентацию, совладающее поведение, личностную и ситуативную тревожность. Сотрудничество со специалистами, принятие помощи, высокая социальная активность помогают родителям справиться со стрессом, снизить уровень тревожности, вследствие этого прикладная актуальность исследования заключается в разработке психологической программы помощи родителям, воспитывающим детей-инвалидов.

Целью исследования является изучение личностных особенностей родителей, воспитывающих детей-инвалидов.

Мы выдвигаем гипотезу о том, что в процессе воспитания детей-инвалидов в совокупности с такими факторами, как состав семьи, трудовая занятость, образование,

оказание психологической поддержки, осведомленность о болезни ребенка – личностные особенности родителей изменяются и являются различными.

Материалы и методы исследования

Исследование проводилось на базе медицинского центра «Кортексмед» и частного детского сада «Солнышко» г. Анапа. В исследовании приняли участие 60 человек, из которых было сформировано 2 группы. Средний возраст родителей составляет от 33 до 35 лет, возраст детей составляет от 2-5-ти лет. Родители, воспитывающие детей-инвалидов (с диагнозом детский церебральный паралич, задержка психоречевого развития, аутизм и расстройствами аутистического спектра) и родители, воспитывающие здоровых детей.

Для сбора данных были использованы следующие методы: клинико-психологические методы – беседа, наблюдение; группа психодиагностические методик: методика «Индекс Жизненного Стиля». (Р. Плутчик, Х. Келлерман, Х.Р. Конте); «Сокращенный многофакторный опросник для исследования личности» (адаптированный в русскоязычном варианте В.П. Зайцевым и В.Н. Козюлей); «Личностная шкала проявлений тревоги Дж. Тейлора» (адаптированная Т.А. Немчиновым); в качестве основных математических методов исследования были использованы методы описательной статистики, методы сравнительной статистики - непараметрический U критерий Манна-Уитни для двух несвязанных выборок. Расчеты проводились с помощью статистического пакета STATISTICA 8.0. для Windows.

Результаты исследования и их обсуждение

Рассмотрим результаты методики «Сокращенный многофакторный опросник для исследования личности», направленной на изучение эмоционально-личностных особенностей респондентов. При оценке показателей по шкале «Депрессия» (D) в сравнении двух несвязанных выборок с помощью U критерия Манна-Уитни обнаружены статистически достоверные различия ($p\text{-level}=0,030709$). У родителей, воспитывающих детей-инвалидов, средние значения по шкале «Депрессия» (D) превышают нормальные показатели вследствие того, что находятся выше 70 баллов.

По результатам опросника «Личностная шкала проявлений тревоги Дж. Тейлора», направленного на изучение уровня личностной тревоги, при оценке уровня личностной тревоги в сравнении двух выборок с помощью U критерия Манна-Уитни обнаружены статистически достоверные различия ($p\text{-level}=0,030757$), свидетельствующие о том, что у родителей, воспитывающих детей-инвалидов, уровень личностной тревоги выше, чем у родителей, воспитывающих здоровых детей. У родителей, воспитывающих детей-инвалидов,

средние значения превышают в норму и входят в диапазон от 25 до 40 баллов, что говорит о наличии у них высокого уровня личностной тревоги.

Рассмотрим результаты методики «Индекс Жизненного Стиля», направленной на изучение механизмов психологических защит, при оценке показателей использования МПЗ в сравнении двух выборок, с помощью U критерия Манна-Уитни обнаружены различия на уровне статической тенденции ($p\text{-level}=0,056013$), свидетельствующие о преобладании в использовании родителями, воспитывающими детей-инвалидов, такого механизма психологической защиты, как реактивные образования.

Клинико-психологические методы – беседа и наблюдение - свидетельствуют о том, что большинство родителей, воспитывающих ребенка с неврологической патологией, сопутствующими эмоционально-волевыми нарушениями, испытывают страх за свою жизнь и жизнь ребенка, чувство беспомощности, предъявляют жалобы на хроническую усталость, обострение тревожности и раздражительности. Пролонгированные отрицательные эмоциональные переживания сочетаются с изменением социального статуса, супружеских взаимоотношений, отказа или смены профессиональной деятельности и качества жизни [5]. Таким образом, перечисленные факторы оказывают влияние не только на эмоциональный и поведенческий компонент, но и на формирование личностных изменений.

При анализе полученных в ходе исследования эмпирических данных можно сделать следующие выводы.

1. В группе родителей, воспитывающих детей-инвалидов, были обнаружены высокие показатели по шкале депрессии, такие оценки имеют тревожные, робкие и застенчивые люди, склонные впасть в отчаяние. При построении профиля личности отмечается, что длительное время родители, воспитывающие детей с отклонениями в развитии, испытывают подавленное настроение, чувство вины, тоскливости и беспокойства. Наряду с этими переживаниями многие родители проявляют безучастность к происходящему и пессимизм к будущим перспективам.

2. У родителей, воспитывающих детей-инвалидов при сравнительном анализе с родителями, воспитывающими здоровых детей, был обнаружен высокий уровень личностной тревоги. Рождение и воспитание ребенка с низким реабилитационным потенциалом относится к числу трудных жизненных ситуаций, что оказывает сильнейшее воздействие на родителей ребенка-инвалида, и возникающие при этом переживания затрагивают все аспекты их жизни. Изменения происходят в эмоциональной, личностной, ценностно-смысловой сферах.

3. При высоких показателях по шкалам депрессии и личностной тревоги у родителей, воспитывающих детей-инвалидов, формируются механизмы психологической защиты. При этом преобладает механизм «реактивные образования». То есть неприятные для личности мысли и переживания преобразуются в противоположные.

Таким образом, результаты анкетирования, тестирования и метаматематической обработки свидетельствуют о том, что личностные особенности родителей, воспитывающих здоровых детей, отличаются от родителей, воспитывающих детей-инвалидов, у которых отмечается использование такого механизма психологической защиты, как реактивные образования, а также выявлены высокие показатели по шкалам депрессии и личностной тревоги. Полученные данные подтверждают нашу гипотезу о том, что в процессе воспитания детей-инвалидов в совокупности с такими факторами, как состав семьи, трудовая занятость, образование, оказание психологической поддержки, осведомленность о болезни ребенка личностные особенности родителей изменяются и являются различными. Оптимизация диагностики эмоционально-личностных расстройств позволяет осуществлять обоснованный подход к оказанию психологической поддержки родителям, воспитывающим детей-инвалидов, проведению психокоррекционных мероприятий, которые позволят снизить эмоциональное напряжение, повысят информированность родителей о ребенке, о проблемах его развития и воспитания.

Примечания:

1. Дикая Л.Г. Регулирующая роль образа функционального состояния в экстремальных условиях деятельности // Психологический журнал. 1991. Т. 1. С. 55-65.

2. Заборина Л.Г. Особенности смысловой структуры мировоззрения родителей детей-инвалидов // Вестник Бурятского университета. Сер.: Психология. 2006. № 10. С. 250-256.

3. Куприянова И.Е., Дашиева Б.А., Карауш И.С. Актуальные вопросы и перспективы психолого-педагогического и медико-социального сопровождения процессов обучения и воспитания детей с ограниченными возможностями здоровья // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2011. № 10. С. 107-110.

4. Левченко И.Ю., Ткачева В.В. Психологическая помощь семье, воспитывающей ребенка с отклонениями в развитии. Москва: Просвещение, 2008.

5. Рябикина З.И. Личность. Личностное развитие. Профессиональный рост. Краснодар, 1995.

6. Ряжева М.В. Феномен истощения ресурсов личности в ситуации пролонгированного стресса. Кострома, 2012.

7. Сабунаева М.Л. О методах исследования особенностей переживания психологического кризиса в зрелом возрасте. Санкт-Петербург: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2004.

8. Шебанец Е.Ю. Организация психологической поддержки семьям, имеющим ребенка с отклонениями в развитии. Проблема субъекта и особенности субъектной личности // Человек. Сообщество. Управление. 2006. № 2. С. 91-96.

9. Яфарова С.Ш. Современные принципы организации медико-социальной и психологической помощи детям-инвалидам // Казанский медицинский журнал. 2008. Т. 3. С. 233-237.

10. Burke P., Kingsley J. Brothers and Sisters of Children with Disabilities. 2004. P. 195.

Мальцева Алина Александровна, аспирант 2-го курса, ФГБОУ ВПО Кубанский государственный университет, г. Краснодар, специалист по оценке персонала ООО «Технохолд», г. Анапа, e-mail: alinamaltseva1991@mail.ru

Maltseva Alina A., senior postgraduate student, Kuban State University, human resources specialist Technoholod LLC, Anapa, e-mail: alinamaltseva1991@mail.ru

Ротарь М.В.,

Кубанский государственный университет, Россия, Краснодар

**ОСОЗНАНИЕ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОГО КРИЗИСА В ПЕРИОД
ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБУЧЕНИЯ**

Аннотация. Осознание того факта, что осваиваемое студентами образование и профессия не смогут в будущем удовлетворить их потребности или не соответствуют их способностям и задаткам, либо получение в процессе обучения более полного представления об осваиваемой профессии и последующее разочарование в ней может вызвать у молодых людей переживания экзистенциального характера. Результаты исследования имеют значение для повышения качества образовательного процесса с точки зрения потребностей учащихся.

Ключевые слова: экзистенциальный кризис, профессиональное самоопределение, кризис профессионального обучения.

Rotar M.V.,

Kuban State University, Russia, Krasnodar

EXISTENTIAL CRISIS AWARENESS DURING PROFESSIONAL TRAINING

Abstract. Awareness of the fact that the education and profession that students are learning will not be able to meet their needs in the future or do not correspond to their abilities and inclinations, or getting a more complete understanding of the profession that they are learning and then becoming disillusioned with it, can cause existential experiences in young people. The results of the study are important for improving the quality of the educational process in terms of students' needs.

Keyword: existential crisis, professional self-determination, crisis of professional training.

Экзистенциальные вопросы человеческого существования все острее встают сегодня перед обществом, что в немалой степени является следствием изменений социального контекста жизни людей. Наиболее фундаментальное из них – переход от относительной стабильности общества к «текучей реальности» современности, для которой характерны рост неопределенности, снижение роли внешних детерминант поведения человека и соответствующее усиление внутренней детерминации, самодетерминации поведения человека, фактически осуществляемый им выбор своего жизненного сценария и – как следствие – ответственность человека за свое собственное существование.

Экзистенциальные проблемы зарождаются в момент прихода разочарования в избранных ранее идеалах. Индивид перестает чувствовать удовлетворение от роста статуса либо теряет веру в небывалую ценность собственного бытия, что впоследствии приводит к экзистенциальному кризису [2].

Экзистенциальный кризис – это состояние тревоги, чувство глубокого психологического дискомфорта при вопросе о смысле существования.

В современной психологии можно выделить ряд методологических проблем в исследовании и психологическом измерении интенсивности и особенностей переживания личностью экзистенциальных кризисов, возникающих на разных этапах ее онтогенетического развития. Это, прежде всего, размытость современных психологических представлений о сущностных характеристиках данного феномена, что не позволяет четко дифференцировать нормативные, или возрастные кризисы развития и кризисы, возникающие при прохождении личностью индивидуального жизненного пути. Во-вторых, неустойчивость самого конструкта «экзистенциальный кризис», его психологического содержания, структуры, процессуально-динамических характеристик, что обуславливает трудности в выявлении психологических детерминант его возникновения, блокирования или развития в разных жизненных ситуациях и на разных этапах онтогенеза [2].

Современная образовательная ситуация характеризуется тем, что часть студентов находится в кризисной ситуации, испытывает груз экзистенциальных проблем: они включены в многочисленные потоки информации, в реальность, в переживание своей ценности, необходимости личностного и профессионального выбора. Разнонаправленность данных процессов особенно затрудняет формирование личностной идентичности в юношеском, студенческом возрасте, когда молодые люди не могут осмыслить противоречия и выработать целостную систему ценностей на основе экзистенциально-гуманистических представлений и в контексте трансформации идентичности.

Одни из самых важных вопросов, который возникает в жизни человека, является вопрос правильного профессионального самоопределения и выбора профессии.

Сущность профессионального самоопределения – поиск и нахождение личностного смысла в выбираемой, осваиваемой и уже выполняемой трудовой деятельности, а также – нахождение смысла в самом процессе самоопределения.

Среди всех этапов профессионального самоопределения особое внимание следует уделить кризису профессионального обучения (время обучения в профессиональном учебном заведении). Его причины заключаются в неудовлетворенности профессиональным образованием и профессиональной подготовкой, перестройкой ведущей деятельности с

учебно-профессиональной на собственно профессиональную уже во время учебы в профессиональном учебном заведении, изменение социально-экономических условий жизни. Выбираемые выпускниками профессии могут не в полной мере соответствовать, с одной стороны, потребностям рынка труда, а с другой - личностным качествам самих учащихся.

Принципиальное отличие экзистенциальных проблем от других психологических проблем человека состоит в том, что они не требуют «устранения», напротив, «проживание» экзистенциальных проблем – это и есть жизнь. Экзистенциальные проблемы – это те «вызовы», ответы на которые и составляют сущность «жизнетворчества»[3]. Таким образом, если студент, понял, что неправильно сделал профессиональный выбор, то необходимо осуществить коррекцию его выбора профессии. Например, рассмотреть возможность перевода на другую специальность, перевода в другой вуз. Если такой возможности нет, то необходимо будет приложить дополнительные усилия, чтобы раскрыть для себя выбранную профессию с другой стороны и «взрастить» интерес к ней. Это может произойти благодаря общению с успешными людьми данной профессии, удачному выбору научного руководителя, возможности выбора факультативных предметов.

Действительно, профессиональное самоопределение совпадает с периодом начала взрослой жизни человека, то есть с переходом на новый уровень бытия, смены социального статуса и т.д. В данный период перед человеком стоит задача выбора вектора своего дальнейшего (в том числе профессионального) развития, он может подвергаться давлению со стороны семьи и сам испытывать чувство тревоги от осознания важности своего выбора. Подобные проблемы встречаются на ранних периодах профессионального самоопределения, на более поздних встречаются такие явления, как разочарование в профессии, несовпадение ожиданий от профессии и реальностью.

Также следует подчеркнуть, что молодые люди в студенческие годы находятся на пике своей интеллектуальной активности. Именно в этот возрастной период идет наиболее активное усвоение знаний, умений и формирование навыков, необходимых для будущей профессии. Но особую важность в данный возрастной период приобретают процессы рефлексии и самопознания, человек начинает задумываться над своей будущей карьерой и семейной жизнью. Именно подобные процессы могут заставить человека задуматься над правильностью своего профессионального выбора. Осознание того факта, что осваиваемое им образование и профессия не смогут в будущем удовлетворить его потребности или не соответствуют его способностям и задаткам, либо получение в процессе обучения более полного представления об осваиваемой профессии и последующее разочарование в ней может вызвать у молодых людей переживания экзистенциального характера, которые

проявляются в чувстве безысходности, потери места в мире, осознании бесперспективности будущего, утрате ощущения самоценности.

Данные теоретические основания позволили выдвинуть гипотезу о том, что в процессе овладения профессией человек сталкивается с экзистенциальными проблемами, связанными с кризисом профессионального обучения. Проверка данной гипотезы станет следующим этапом исследования данной проблемы.

Примечания:

1. Мэй Р. Открытие Бытия. Москва: Изд-во ин-та общегуманит. исслед. 2004. 56 с.
2. Сенкевич Л.В. Опросник «Переживание экзистенциального кризиса»: первый этап апробации // Системная психология и социология. 2015. Т. 4, № 16. С. 46–54.
3. Гришина Н.В. Введение в экзистенциальную психологию: учеб. пособие. Санкт-Петербург: Изд-во СПбГУ, 2015. 120 с.

Ротарь Михаил Вячеславович, Кубанский государственный университет, Краснодар, e-mail: steamit@yandex.ru

Rotar Michael V., Kuban State University, Krasnodar, e-mail: steamit@yandex.ru

Снитковский Н.О., Чичук Е.Ю.,

Кубанский государственный университет, Россия, г. Краснодар

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ РИСУНОК КАК МЕТОД ДИАГНОСТИКИ ИСТОЧНИКОВ ПСИХИЧЕСКИХ СОСТОЯНИЙ ЛИЧНОСТИ

Аннотация. В статье рассматриваются особенности работы психологического рисунка, получившего широкое распространение в современной психологической практике. Представлен анализ работы механизма психологического рисунка, раскрыто понятие бессознательной проекции, рассмотрены теоретические представления об истории формирования проективных методов. Уделяется внимание качествам психолога, необходимым для интерпретации рисунка. Статья будет интересна специалистам, использующим в своей практике проективные методики.

Ключевые слова: психорисунок, проективный метод, психические состояния, личность.

Snitkovskiy N.O., Chichuk E.Yu.,

Kuban State University, Russia, Krasnodar

PSYCHOLOGICAL DRAWING AS A METHOD FOR DIAGNOSING THE INDIVIDUAL MENTAL STATES SOURCES

Abstract. The article discusses the features of the work of psychological drawing, which is widely used in modern psychological practice. An analysis of the mechanism of psychological drawing is presented, the concept of unconscious projection is revealed, and theoretical ideas about the history of the formation of projective methods are considered. Attention is paid to the qualities of the psychologist necessary for the interpretation of the drawing. This article will be of interest to specialists who use projective techniques in their practice.

Keyword: psychological drawing, projective method, mental state, personality.

В настоящее время возрастает потребность в прикладных психологических исследованиях личности. В практической психологии представлено множество методик, направленных на диагностику личности, её свойств и состояний. Большинство из представленных методик – проективные. В связи с этим возрастает и спрос на проективные методики, которые стали широко использоваться во многих сферах современной психологии. Основой данных методик является механизм проекции. Проекция всегда

является неосознаваемой, что дает данным методикам возможность напрямую общаться с бессознательной частью личности.

История проективного метода берет свое начало в 1904-1905 годах с теста словесных ассоциаций швейцарского психиатра, основоположника аналитической психологии К.Г. Юнга, который открыл, что бессознательные переживания личности доступны объективной диагностике. Применение данного метода основано на упомянутом выше механизме проекции, изучением которого также занимались З. Фрейд, Л. Беллак, Б. Мюрстейн, Р. Прайер, Ю.С. Савенко и др. Однако, несмотря на это, некоторые авторы полагают, что К.Г. Юнгу не принадлежит доказательство и открытие феномена, лежащего в основе всех проективных методик, предполагается, что ассоциативный эксперимент К.Г. Юнга является лишь «конкретизацией фрейдовского метода свободных ассоциаций» [2, с. 366]. Исходя из этого, также можно полагать, что источником всех проективных методик может являться и метод свободных ассоциаций, открытый З. Фрейдом между 1892 и 1898 годом.

Впервые термин «проекция» в рамках обозначения и группировки целого ряда уже существующих на тот момент проективных методик ввел Л. Франк (1939 г.). Тем не менее теория проекции получила свой собственный путь развития, независимый от тех психодиагностических методик, которые были названы проективными.

А.А. Бодалев и В.В. Столин в своей книге отмечают: «психологам и психиатрам давно было известно, что рассказы по сюжетным картинкам, специально подобранным для исследуемого контингента, позволяют судить о склонностях людей и нередко выявляют болезненные состояния психики» [4, с. 55]. Также в монографии Г. Роршаха встречается значительное количество интерпретаций, явно носящих проективный характер. Г. Роршах использовал для анализа предложенные им формальные характеристики ответов испытуемого [5]. Отчетливый уклон в область психоаналитической диагностики обнаруживается в опубликованном докладе Г. Роршаха в Швейцарском Психоаналитическом обществе «Об интерпретации результатов эксперимента по толкованию форм», сделанном автором за несколько недель до своей смерти [5].

Для непосредственного использования проективных методик, а конкретно - рассматриваемого в данной статье психологического рисунка - на практике важно четкое понимание его функционального наполнения. Основной функцией данного метода является диагностическая функция, то есть получение информации об источниках текущего психического состояния личности. Также в большинстве случаев подразумевается и терапевтическая составляющая, выполняющая трансформацию имеющегося негативного

состояния в положительное путем проработки и осознания имеющегося образа, изображенного на психологическом рисунке, что позволяет восстановить психологическую целостность индивида.

Психологическим рисунком является рисунок, в котором автор передает неосознанное психологическое содержание, опираясь на заданную психотерапевтом конкретную установку (тему). Этот рисунок способствует выявлению и дальнейшему осознанию глубинных переживаний, проблем и внутренних конфликтов личности. Дальнейшие обсуждения и рефлексия рисунка позволяют определить источники психического состояния, что приводит к дальнейшей узконаправленной психокоррекционной работе, которая способствует трансформации негативного состояния.

Рисунок, являющийся проекцией бессознательного, позволяет отправлять точный запрос именно в ту область бессознательного, которая содержит глубинную фиксацию, порождающую психические проблемы индивида в настоящем. Таким образом, отсутствует необходимость в переборе симптомов, которые являются лишь слоями защитных механизмов, что генерирует психика для того, чтобы скрыть от сознания сам эпизод создания глубинной фиксации. По мнению З. Фрейда, «устранение симптомов еще не является излечением болезни, но что реально остается после устранения симптомов, – то это лишь способность образовывать новые» [1, с. 334]. Симптомы, образующие психические состояния, представляют собой вредные для всей жизни или, по крайней мере, бесполезные акты, на которые лицо, страдающее ими, часто жалуется как на вынужденные и связанные для него с неприятностями или страданиями. Главный вред таких симптомов заключается в энергетических затратах психики, которые идут на поддержание их самих, а также затратах, необходимых для их преодоления в дальнейшем [3]. Н.Д. Линде в своей книге [3] упоминает и предлагает к рассмотрению аналогичную структуру психологической проблемы. Она рассматривается как фиксация индивида на достижении некоторой недостижимой цели. Эта фиксация представляется как некое эмоциональное состояние. Проблема становится непосредственно психологической только в том случае, когда конечное желание не может быть достигнуто, но при этом и не может исчезнуть. «Если нет желания или его можно с легкостью удовлетворить, то проблемы не возникает» [3, с. 47].

Качество интерпретации рисунка напрямую зависит от опыта психолога, его знакомства с большим количеством различных вариантов готовых работ и богатый опыт изучения символики создаваемых образов. Возможно прибегать к помощи словарей образов для интерпретации, но гораздо важнее иметь возможность вести диалог с автором рисунка. Стандартные интерпретации могут служить путеводными знаками, но им нельзя доверять

полностью. Н.Д. Линде отмечает: «наиболее важной характеристикой образа является его воздействие на клиента. Теоретически может быть позитивный образ, но наказывающий субъекта. Может быть негативный образ, но он такой, потому что клиент его сделал таким, отвергая его. Цвет выражает эмоциональный тон образа, и это важно учитывать, но главное – смысл образа, постигаемый в контексте проблемы» [3, с. 100]. Сама выдвигаемая гипотеза в процессе интерпретации зачастую может «примеряться» на жалобы клиента. Конечное же заключение не может основываться только на отдельных признаках рисунка, которые были вырваны из контекста. Для интерпретации могут быть использованы только те работы, которые были созданы в ситуации психологической консультации. Рисунки, которые создаются в других ситуациях, не могут использоваться в качестве диагностического материала.

Таким образом, интерес к проективным методикам в современной психологии более чем оправдан. З. Фрейд описывал концепцию защитной проекции, входящей в состав различных патологических состояний, однако спустя какое-то время это понятие стало применяться к нормальному психологическому процессу, который участвует в формировании восприятия внешнего мира. Сознание в личности – это лишь верхушка айсберга, которая содержит только те элементы нашей психики, которые являются следствием субъективных переживаний и работы защитных механизмов. Все остальное, до появления проективных методик, оставалось вне зоны досягаемости психодиагностических инструментов. Сейчас же психология имеет множество развивающихся методов, позволяющих делать «сканирование» любой бессознательной части личности, в первую очередь, с помощью такого феноменального механизма как проекция, который используется в психологическом рисунке. Именно с помощью проекции и прямого общения с бессознательной частью личности психология может идентифицировать и оказывать воздействия на те части психики, которые клиент зачастую даже не хочет воспроизводить в своей памяти. Однако именно эти части психики и являются «камнем преткновения», который порождает множество симптомов, доставляющих личности психологические страдания той или иной степени.

Проективный рисунок, рисуночная методика, психологический рисунок – это метод, подразумевающий создание рисунка личностью на заданную психологом установку, который позволяет в последующем диагностировать глубинные фиксации и психологические состояния личности, а затем проводить узконаправленную психокоррекционную работу, направленную на трансформацию негативного состояния в

положительное путем проработки и осознания точки фиксации, что приводит к восстановлению психологической целостности личности.

Примечания:

1. Фрейд З. Введение в психоанализ: лекции / пер. с нем. Г. Барышниковой. Санкт-Петербург: Азбука: Азбука-аттикус, 2020. 448 с.
2. Додельцев Р.Ф., Панфилова Т.В. Азбука психоанализа // З. Фрейд. Художник и фантазирование / под ред. Р.Ф. Додельцева, К.М. Долгова. Москва: Республика, 1995. С. 365-386.
3. Линде Н.Д. Эмоционально-образная (аналитически-действенная) терапия. Москва: Генезис, 2020
4. Бодалев А.А., Столин В.В., Аванесов В.С. Общая психодиагностика. Санкт-Петербург: Речь, 2000. 440 с.
5. Роршах Г. Психодиагностика: методика и результаты диагностического эксперимента по исследованию восприятия (истолкование случайных образов). Москва: Когито-Центр, 2003. 232 с.

Снитковский Николай Олегович, студент, Кубанский Государственный Университет, г. Краснодар, e-mail: admin@siteaddress.ru

Snitkovskiy Nikolay O., university student, Kuban State University, Krasnodar, e-mail: admin@siteaddress.ru

Чичук Елена Юрьевна, канд. психол. н., доцент кафедры психологии личности и общей психологии, Кубанский Государственный Университет, г. Краснодар, e-mail: 13e@mail.ru

Chichuk Elena Yu., Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor of the Department of Personality Psychology and General Psychology, Kuban State University, Krasnodar, e-mail: 13e@mail.ru

УДК 159.9072.433:159.923.2

ББК 8852

К 56

Ковалева А.П.

ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет», Ростов-на-Дону

ВЗАИМОСВЯЗЬ ОЦЕНОЧНО-СОДЕРЖАТЕЛЬНЫХ ИНТЕРПРЕТАЦИОННЫХ ХАРАКТЕРИСТИК ВНЕШНЕГО ОБЛИКА И ПЕРФЕКЦИОНИЗМА У МОЛОДЕЖИ

Аннотация. В статье представлены результаты пилотажного исследования, целью которого явилось изучение взаимосвязи параметров перфекционизма и внешнего облика. За методологическую основу нашего исследования мы взяли разработанную В.А. Лабунской «многофакторную социально-психологическую модель изучения отношения к внешнему облику», в которой перфекционизм рассматривается как один из многих социально-психологических факторов, влияющих на формирование отношения к внешнему облику. В исследовании приняли участие студенты Южного Федерального Университета в возрасте 17–20 лет в количестве 30 человек. В результате обработки полученных данных с помощью корреляционного анализа нами была подтверждена гипотеза о взаимосвязи между выраженностью перфекционизма и оцениванием различных компонентов своего внешнего облика

Ключевые слова: внешний облик, перфекционизм, молодежь.

Kovaleva A.P.,

Southern Federal University, "Academy of Psychology and Pedagogy",

Rostov-on-Don

RELATIONSHIP OF EVALUATIVE AND MEANINGFUL INTERPRETATIVE CHARACTERISTICS OF APPEARANCE AND PERFECTIONISM AMONG YOUTH

Abstract. The article presents the results of a pilot study aimed at studying the relationship between the parameters of perfectionism and appearance. For the methodological basis of our research, we took the "multi-factor socio-psychological model of studying attitudes to appearance" developed by V.A. Labunskaya, in which perfectionism is considered as one of many socio-psychological factors that influence the formation of attitudes to appearance. The study involved 30 students of the southern Federal University, 17-20 years of age. As a result of processing the data obtained using correlation analysis, we confirmed the hypothesis about the relationship between the severity of perfectionism and the assessment of various components of one's appearance.

Keyword: appearance, perfectionism, youth.

Для современного общества характерно признание привлекательного внешнего облика в качестве показателя успешности человека, его состоятельности и

удовлетворенности жизнью. При этом в массовом сознании складывается представление о том, что внешний облик должен быть идеальным, соответствующим определенным навязываемым критериям, таким как, например, «красивый», «привлекательный», «ухаженный» и т. д. И если внешний облик человека соответствует этим критериям, то это свидетельствует об адаптированности его в обществе. Поэтому «существующая и распространенная сейчас как никогда ранее тенденция всеми способами улучшать внешний облик и приближать его к совершенному определяет актуальность исследования перфекционизма относительно внешнего облика человека» [3].

В.А. Лабунская и И.И. Дроздова определяют внешний облик как конструкт, который состоит из «динамичных, вариабельных взаимосвязей трех компонентов (физический, социальный облик, экспрессивное поведение), структура которых соответствует этапу жизненного пути человека» [4]. Он выступает посредником в ситуациях общения с другими людьми, так как в процессе интерпретации внешнего облика Другого человек создает некий образ собеседника, выделяя те черты и качества, которые нужны для общения. В.Н. Панферов определяет внешний облик как «знаково-символический носитель» внутреннего содержания человека, и таким образом, внешний облик, по его мнению, делает внутреннее содержание человека доступным для восприятия другими людьми [5].

На восприятие людьми своего внешнего облика влияет множество факторов, что отражено в многофакторной социально-психологической модели изучения отношения к внешнему облику, разработанной В.А. Лабунской [4]. С одной стороны, среди этих факторов есть групповые, то есть оценка внешнего облика со стороны Других. Это, например, воздействие СМИ, которое навязывает эталоны внешнего облика или родительские ожидания и установки, которые могут определить отношение к внешнему облику личности на довольно долгое время. С другой стороны, на восприятие внешнего облика оказывают влияние и личностные параметры. Как раз в зависимости от личностных особенностей самооценку внешнего облика могут изменять (повышать или понижать) такие факторы, как, например, влияние нарциссических тенденций, выраженность чувства вины и стыда, удовлетворенность и неудовлетворенность жизнью, а также различные виды перфекционизма. Несоответствие же и невозможность достижения эталонного, заданного извне или изнутри внешнего облика приводит к переживанию когнитивно-аффективного диссонанса. Как отмечает Г.С. Ильин, наблюдается стремление достичь идеального внешнего облика, стремление к совершенному образу, в связи с чем он становится объектом перфекционистских устремлений личности [3].

Существует довольно много определений перфекционизма, но в самом общем виде

перфекционизм – это «склонность следовать завышенным стандартам деятельности и выдвигать к собственной личности чрезмерно высокие требования» [1]. Довольно остро стоит вопрос о психологической структуре перфекционизма. Исследованиями на эту тематику занимались П. Хьюитт, Г. Флитт, Р. Фрост, Р. Шафран, В. Манселл и др. Так, по П. Хьюитту, структура перфекционизма включает 4 параметра:

а) Я-адресованный перфекционизм (изнурительно высокие стандарты, постоянное самооценивание, мотив стремления к совершенству);

б) перфекционизм, адресованный к другим людям (данный параметр подразумевает ожидание людского совершенства и постоянное оценивание других);

в) перфекционизм к миру в целом (индивид убежден, что все в мире должно быть идеально и правильно);

г) социально предписываемый перфекционизм (убеждение в неспособности угодить другим при том факте, что эти другие люди будут заставлять индивида быть совершенным, строго оценивая его и оказывая на него давление) [по 1].

Исследования Хьюитта, как и других ученых в этой области направлены на подтверждение того факта, что перфекционизм представляет собой сложный феномен как многомерное, синдромное личностное образование, которое может быть связано с нормальным адаптивным функционированием, а может быть дезадаптивным или невротическим. Так, первый тип – «здоровые» перфекционисты - нацелены на достижение цели и успех, легко вовлекаются в активность и могут испытывать удовлетворение от выполненной деятельности. В случае невротического перфекционизма человек действует под страхом неудачи, избегает вовлечения в деятельность и всегда недоволен полученным результатом [2]. Логично, что исследованиям подвергается чаще именно второй тип. Вот почему первые исследования, проводясь на клинических выборках, привели к негативистичному восприятию феномена перфекционизма и рассмотрению его как патологического.

Как пишет Н.Г. Гаранян, проявление перфекционизма в компульсивном стремлении к совершенству «сопряжено с высоким риском психических расстройств и снижает продуктивность деятельности». По мнению автора, данный феномен связан со множеством расстройств аффективного спектра – депрессиями, расстройствами пищевого поведения, тревожными расстройствами и др. Анализируя исследование А. Беком автоматических мыслей депрессивных пациентов, проведенного в рамках когнитивной психотерапии, она отмечает, что требования, предъявляемые к себе этими людьми, крайне высоки и ригидны и отличаются поляризованным характером – «все или ничего» [1]. Такое суждение о

собственном теле порождает озабоченность своей формой тела и весом, то есть составляющими внешнего облика.

Таким образом, на основании вышеизложенного, мы сформулировали цель нашего эмпирического исследования – изучить взаимосвязь оценочно-содержательных интерпретационных характеристик внешнего облика и перфекционизма у молодежи. Мы предполагаем, что исследование выраженности перфекционизма дает возможность для изучения степени принятия своего внешнего облика, удовлетворенности и обеспокоенности им, а также для определения модальности отношения к своему внешнему облику.

Эмпирическим объектом выступили студенты Южного федерального университета в возрасте 17–20 лет в количестве 30 человек. Для проведения исследования использовался следующий методический инструментарий: 1) методика «Оценочно-содержательная интерпретация внешнего облика», разработанная В.А. Лабунской; 2) анкета «Отношение к своему внешнему облику: удовлетворенность и обеспокоенность», разработанная В.А. Лабунской, И.И. Дроздовой; 3) опросник перфекционизма (Н.Г. Гаранян, А.Б. Холмогорова).

На основании корреляционного анализа полученных в анкетировании данных мы получили следующие результаты. Чем выше уровень восприятия других людей как делегирующих высокие ожидания (в процессе сравнения с другими людьми), тем ниже оценка сексуальности внешнего облика ($r = -0,426$ при $p < 0,05$); оценка феминности/маскулинности внешнего облика ($r = -0,372$ при $p < 0,05$); самооценка привлекательности внешнего облика для противоположного пола ($r = -0,429$ при $p < 0,05$); оценка своего телосложения как привлекательного ($r = -0,360$ при $p < 0,05$); оценка своего лица как привлекательного ($r = -0,447$ при $p < 0,05$); оценка выразительного поведения ($r = -0,538$ при $p < 0,01$); интегральная оценка внешнего облика ($r = -0,478$ при $p < 0,01$). Мы можем объяснить данные результаты тем, что респонденты предполагают, что окружающие люди обладают тем набором качеств, которые делегируют им, то есть они воспринимаются как более совершенные. Сравнивая себя с другими, респонденты оценивают себя как менее привлекательных, сексуальных и т. д., так как считают, что далеки от идеала, передаваемого им через высокие ожидания других людей.

Таким образом, мы обнаружили взаимосвязь оценочно-содержательных интерпретационных характеристик внешнего облика и перфекционизма у молодежи. Данное исследование является «пилотажным», в дальнейшем мы будем разрабатывать эту тему.

Примечания:

1. Гаранян Н.Г. Перфекционизм и психические расстройства (обзор зарубежных

эмпирических исследований) // Терапия психических расстройств. 2006. № 1. С. 23-31.

2. Гаранян Н.Г., Холмогорова А.Б., Юдеева Т.Ю. Перфекционизм, депрессия и тревога // Московский психотерапевтический журнал. 2001. № 4. С. 18-48.

3. Ильин Г.С. Социально-психологическая интерпретация феномена «арреанс» перфекционизм // Северо-Кавказский психологический вестник. 2011. № 9/2. С. 43-46.

4. Лабунская В.А., Дроздова И.И. Теоретико-эмпирический анализ влияния социокультурных и социально-психологических факторов на оценки и самооценки молодых людей внешнего облика // Российский психологический журнал. 2017. Т. 14, № 2. С. 202-226.

5. Панферов В.Н. Методологические последствия изучения социальной перцепции // Методология и история психологии. 2009. Т. 4, вып. 3. С. 142-143.

Ковалева Александра Петровна, ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет», Ростов-на-Дону, e-mail: kovaleva@sfnu.ru

Kovaleva Aleksandra P., Southern Federal University, "Academy of Psychology and Pedagogy, Rostov-on-Don, e-mail: kovaleva@sfnu.ru

Пашко М.И.,

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»,

Россия, г. Краснодар

ФОРМИРОВАНИЕ КУЛЬТУРЫ ЗДОРОВОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ СТАРШИХ ШКОЛЬНИКОВ

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы формирования культуры здорового образа жизни старших школьников, а также педагогические условия, обеспечивающие успешное формирование культуры здорового образа жизни у старших школьников в процессе обучения. Работа общеобразовательного учреждения предполагает полную нацеленность на воспитание здорового поколения и должна помогать ученикам осознать ценность здоровья, сформировать у них свое ответственное отношение к нему в соответствии с его индивидуальными возможностями.

Ключевые слова: здоровье, культура здорового образа жизни, семья, педагогический коллектив, старшие школьники, исследование.

Pashko M.I.,

Kuban State University, Russia, Krasnodar

FORMATION OF A HEALTHY LIFESTYLE CULTURE FOR SENIOR SCHOOLCHILDREN

Annotation. The article deals with the formation of the culture of a healthy lifestyle of older schoolchildren, as well as the pedagogical conditions that ensure the successful formation of a healthy lifestyle culture among older students in the learning process. The work of a general educational institution assumes a full focus on the education of a healthy generation and should help students realize the value of health, form their responsible attitude to it in accordance with its individual capacity.

Key words: health, culture of a healthy way of life, family, pedagogical collective, senior schoolchildren, research.

Проблема воспитания подрастающего поколения всегда была и есть одна из важнейших социально-педагогических задач общества. Нацеливая учащихся на глубокое овладение основами наук, духовное и физическое развитие, общество стремится сохранить и укрепить их здоровье. Проблемы охраны здоровья детей могут успешно решаться лишь при совместных действиях общества и родителей, педагогов и медицинских работников. В этих

социально-педагогических условиях возникает необходимость повышения общей культуры людей и межличностных отношений [1].

Основными причинами отрицательных тенденций развития детей и подростков являются существенно возросшие умственные и психические нагрузки, низкая эффективность занятий физической культурой, отсутствие информации о резервах работоспособности учащихся. Дефицит двигательной активности современных школьников стал угрозой для их нормального физического развития, подготовленности, состояния здоровья. Различные стороны школьной физкультурно-спортивной жизни нуждаются в положительных изменениях, дающих возможность усилить интерес учащихся к занятиям, сформировать культуру ЗОЖ, повысить уровень физической, умственной и культурной работоспособности [5].

Правильное отношение к своему здоровью следует формировать у человека с детства, чтобы воспитать гармонично развитую, здоровую личность. В последние годы одной из ведущих стала идея валеологизации образования, согласно которой здоровье детей рассматривается как приоритетная ценность, цель, необходимое условие и результат успешного педагогического процесса.

В основу концепции валеологического обеспечения образовательного процесса положена идея создания условий для реализации доминирующих базовых потребностей, естественно присущих человеку. Ведущей в системе этих потребностей выступает потребность в двигательной активности, физическом самосовершенствовании. Она проявляется в единстве с потребностью получения удовольствия, наслаждения от участия в двигательной деятельности; потребностью сопереживания в процессе взаимодействия и общения; потребностью в самоутверждении [4], [6].

Приобщение школьников к проблеме сохранения своего здоровья это, прежде всего, процесс социализации – воспитания. Это сознание высокого уровня душевного комфорта, который закладывается с детства на всю жизнь. Для формирования душевного комфорта необходимы знания о законах развития своего организма, его взаимодействии с социальными факторами [3].

Школа же сегодня должна и может стать важнейшим звеном социализации подрастающего поколения. Через школу проходит все население, и на данном этапе социализации личности формируется как индивидуальное здоровье, так и здоровье всего общества. В Конвенции по правам ребёнка прописаны его законные права – право на здоровый рост и развитие, право на родителей, их любовь и заботу [2].

На сегодняшний день сохранение и укрепление здоровья детей - одна из наиболее актуальных проблем современности. Экологические проблемы, стремительный ритм жизни, нерациональное питание оказывают пагубное влияние на состояние человека.

В рамках обозначенной проблемы нами было проведено психолого-педагогическое исследование, целью которого стало теоретическое обоснование, разработка и экспериментальная проверка эффективности программы по формированию культуры здорового образа жизни у старших школьников.

Экспериментальное исследование по формированию культуры здорового образа жизни у старших школьников проходило на базе Муниципального бюджетного образовательного учреждения «Гимназия № 25» г. Ставрополя. В исследовании принимали участие 50 учащихся 2-х классов. Из них 25 детей входило в экспериментальную группу (ЭГ), и 25 в контрольную группу (КГ).

Для диагностики состояния проблемы на констатирующем этапе эксперимента нами использовался следующий комплекс психодиагностических методик:

- методика «Гармоничность образа жизни школьников»;
- методика «Уровень владения школьниками культурными нормами в сфере здоровья»;
- «Участие школьников в здоровьесберегающих и пропагандирующих здоровый образ жизни мероприятиях»;
- «Определение общего уровня сформированности культуры здоровья школьников», что позволило нам получить полную информацию о проведенном исследовании [7].

На формирующем этапе нами была составлена экспериментальная программа по воспитанию культуры здорового образа жизни у старших школьников. Программой предусмотрена реализация следующих направлений работы:

1. Работа с учащимися: использование на уроках таких элементов, которые бы постепенно убеждали школьников в необходимости ведения здорового образа жизни (факты, аргументы, примеры, задачи); демонстрация своего отношения к здоровому образу жизни, к вредным привычкам, подчеркивание своего мнения, но не в формальных оценках и фразах, а в искренних высказываниях, в которых бы читалось личное убеждение.

2. Работа с родителями учащихся: инструктирование о методах родительской педагогики; привлечение к совместной подготовке, проведению и участию во внеклассных мероприятиях.

3. Работа с педагогическим коллективом школы: актуализация компетенции педагогов по вопросам укрепления здоровья учащихся. Использование педагогами школы различных

здоровьесберегающих технологий: личностно-ориентированные, развивающие, информационные и т. д. или их элементы в учебно-воспитательном процессе.

Разработанная и экспериментальным путем апробированная программа по формированию культуры здорового образа жизни старших школьников «Мы - здоровое поколение» подтвердила свою эффективность, т.к. сравнительный анализ результатов исследования на контрольном этапе эксперимента показал повышение уровня культуры здорового образа жизни старших школьников. Таким образом, проведённое исследование позволило выявить наиболее эффективные технологии и формы, а также направления и содержание деятельности образовательного учреждения по формированию культуры здорового образа жизни у старших школьников.

Примечания:

1. Абаскалова Н.П. Системный подход в формировании здорового образа жизни субъектов образовательного процесса «школа-вуз»: монография. Новосибирск, 2011. 316 с.

2. Голиков Н. Культура здоровья школьников: сущность проблемы, стратегия решения // ФК: воспитание, образование, тренировка. 2013. № 4. С. 2-5.

3. Гузева М.В. Педагогический потенциал медиаобразования в процессе воспитания культуры здоровья студенческой молодежи // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Сер.: Педагогика, психология. 2015. № 3 (22). С. 57-61.

4. Журавлева И.В. Отношение к здоровью как социокультурный феномен: дис. ... д-ра социол. наук. Москва, 2006. 434 с.

5. Лукьянова В.С., Остапенко А.А., Гузенко В.В. Сохранение и восстановление здоровья школьников в условиях педагогического лицея // Школьные технологии. 2011. № 1.

6. Степанова М., Александрова И., Седова А. С позиций сбережения детского здоровья: новые шкалы трудности учебных предметов // Директор школы. 2012. № 4.

7. Павлова М. Методические рекомендации по интеграции программы «Основы здорового образа жизни» в учебно-воспитательный процесс образовательного учреждения.

URL: <http://health.best-host.ru>.

Пашко Марина Игоревна, студент, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», г. Краснодар, e-mail: m.pashko@list.ru

Pashko Marina I., university student, Kuban State University, Krasnodar, e-mail: m.pashko@list.ru

РАЗДЕЛ 4. ВИРТУАЛИЗАЦИЯ БЫТИЯ И ПРОБЛЕМЫ ЛИЧНОСТИ В
ПРОСТРАНСТВЕ ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИЙ

УДК 159.9:32.37-052.63

ББК 88.412

Б 48

Берберян А.С., Григорян М.Ю.

Российско-Армянский университет

Институт гуманитарных наук, г.Ереван, Армения

**ВЛИЯНИЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КОМПЬЮТЕРНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ НА
ТВОРЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ СТУДЕНТОВ**

Аннотация. На сегодняшний день трудно представить общество без компьютерных технологий. А также важно заметить одну из главных ролей компьютерных технологий в учебных и познавательных процессах. В данной статье нами был проведен теоретический анализ литературы по проблеме использования компьютерных технологий студентами, а также творческого мышления. В эмпирической части исследования мы пытались рассмотреть взаимосвязь между творческим мышлением и использованием компьютерных технологий для познавательных целей.

Ключевые слова: компьютерные технологии, творческое мышление, креативность, студенты, познание.

Berberyan A. S, Grigoryan M. Y.

Russian-Armenian University

Institute of Humanities, Yerevan, Armenia

**THE INFLUENCE OF USING COMPUTER TECHNOLOGIES ON THE
CREATIVE THINKING OF STUDENTS.**

Abstract: Today it is difficult to imagine a society without computer technologies. It is also important to note one of the main roles of computer technologies in educational and cognitive processes. In this article, we have a theoretical analysis of the literature of using of computer technologies by students and creative thinking. In the empirical part of the research, we tried to consider the relationship between creative thinking and using of computer technologies for cognitive purposes.

Key words: computer technologies, creative thinking, creativity, students, cognition.

ԳրիգորյանՍ. Յ.,ԲերբերյանԱ.Ս.

Հայ-Ռուսական համալսարան

Հումանիտարիանտիտուտ

ՀԱՄԱԿԱՐԳՉԱՅԻՆ ՏԵԽՆՈԼՈԳԻԱՆԵՐԻ ՕԳՏԱԳՈՐԾՄԱՆ ԱԶԴԵՑՈՒԹՅՈՒՆԸ

ՈՒՍԱՆՈՂՆԵՐԻ ՍՏԵՂԾԱԳՈՐԾԱԿԱՆ ՍՏԱԾՈՂՈՒԹՅԱՆ ՎՐԱ:

Անոտացիա:

Այսօր հասարակությունը ժվարեպատկերացնել առանց համակարգչային տեխնոլոգիաների: Կարևոր է աննշել համակարգչային տեխնոլոգիաների առաջնակարգ երկրորդական և ճանաչողական գործընթացներում: Այս հոդվածում մենք իրականացրել ենք ուսանողների համակարգչային տեխնոլոգիաների օգտագործման և ստեղծագործական մտածելակերպի վերաբերյալ գրականության տեսական վերլուծությունը: Ուսումնասիրության էմպիրիկ մասում մենք փորձեցինք փետազոտել փոփոկապակցվածությունը ստեղծագործական մտածողության և համակարգչային տեխնոլոգիաների օգտագործման (ճանաչողականն պատկերով) միջև:

Հիմնաբառեր:

Համակարգչային տեխնոլոգիաներ,

ստեղծագործական մտածողություն, ստեղծագործականություն, ուսանողներ, ճանաչում:

Введение. XXI в. называют веком информационных и коммуникационных технологий, а также веком глобализации. На сегодняшний день трудно представить общество без компьютерных технологий. Мы пользуемся гаджетами, компьютерами и другими средствами для различных целей. И без них невозможно обойтись в наши дни. Также важно отметить одну из главных ролей компьютерной техники в учебных и познавательных процессах. Данные средства позволяют облегчить разработку учебного материала при помощи привлечения внимания обучающихся к исследуемым и изучаемым явлениям. При этом создают широкие возможности для рассмотрения материала со всех сторон. Несмотря на это, тема использования компьютерных технологий в учебе подвергается дискуссии. В процессе обучения с помощью информационных (компьютерных) технологий студенты учатся работать с текстами, создавать графические объекты и базы данных, использовать электронные таблицы [3].

Работа студентов с компьютерными технологиями и в дальнейшем исследование размещённой в них информации создаёт все условия для самостоятельного творческого

всестороннего усвоения учебного материала в определённой предметной области и способствует развитию мышления студентов, в частности творческого мышления [2].

Актуальность. Исходя из всего этого, следует отметить, что изучение данной темы является актуальным, так как существование человека в нашей действительности без взаимодействия с компьютерными технологиями практически невозможно. Компьютерные технологии учащимся открывают огромные возможности в творческом использовании своих знаний и умений. Именно поэтому очень важно использовать компьютерные технологии в учебных и познавательных целях.

Цель исследования – изучение влияния использования компьютерных технологий на творческое мышление студентов.

Гипотеза: Мы предполагаем, что существует взаимосвязь между творческим мышлением и использованием компьютерных технологий для познавательных целей.

Методологическая база исследования: работы Захаровой И.Г., Гребенщикова В.Ю., Зайцева С.А. и Зимней И.А.

Что же все-таки такое компьютерные технологии? Если рассмотреть слово «технология» с филологической точки зрения и перевести с греческого, то можно увидеть, что «техно» означает мастерство, а «логос», как известно, означает наука. И если соединить, получается наука о мастерстве. В последнее время термины «компьютерные технологии» и «информационные технологии» используются как синонимы. Это связано с тем, что все информационные технологии подразумевают использование компьютерных технологий. Поэтому можно сказать, что они взаимозависимы и взаимосвязаны, несмотря на то, что термин «информационные технологии» воспринимается как имеющий более широкое значение.

Если рассмотреть информационные технологии, то здесь подразумевается процесс, который в себя включает комплекс некоторых действий и методов, таких как: обработка, сбор и передача информации для получения другой, более новой и качественной о состояниях, действиях и явлениях информационного объекта.

Для того, чтобы понять, какие инструменты у информационных (компьютерных) технологий, нужно рассмотреть, как они развивались. Историю развития информационных технологий можно разделить на пять этапов. На начальных этапах использовались перья, ручки с чернилами. Далее стали использовать уже письма, почту, телефоны. Конечно же, кульминация развития информационных технологий - это появление компьютерных технологий (середина 80-х гг.). А последний этап - создание «сетевых технологий».

Именно в этот период компьютерные технологии объединились с информационными [6]. Для того, чтобы понять природу творческого мышления, нужно понять, что из себя представляет творчество. Данное понятие имеет очень много объяснений и пониманий. Например, психологи Г. Олпорт и А. Маслоу утверждали, что творчество – это стремление к личностному росту (мотив) и самореализации [4].

Психолог И.Я. Лернер утверждал, что творчеству можно обучить, но это обучение не происходит по тому же принципу, как и простое получение знаний и умений [5]. Поэтому очень важно правильно преподносить информацию, не давать готовых знаний, а дать возможность найти ответ самостоятельно, активно мыслить и искать решения. Желание создавать что-то новое не возникает вдруг. Его нужно формировать, опираясь на желания студента.

Студенческий возраст является самым благоприятным для развития творческих способностей. Для того, чтобы развивать творческое мышление, следует использовать разнообразные творческие задания, дающие возможность показать способности студента, с вопросами, у которых предполагаются неоднозначные ответы. Также могут быть задания эвристического характера и т.д. Студент узнает новые способы сбора информации и учится пользоваться ими, расширяется его кругозор, развивается познавательная деятельность. Многие исследователи считают, что именно творческое мышление помогает найти быстрое решение определенной проблемы.

Развитие творческого мышления учащихся является одной из главных задач обучения [4].

Эмпирическое исследование. Мы провели наше исследование в Российско-Армянском (Славянском) университете. В нашем исследовании принимали участие 30 респондентов различных специальностей и факультетов, в возрасте от 20 до 23 лет.

Методы, использованные в работе. Основными методами данного исследования являются тестирование и анкетирование, в том числе и следующие **методики**:

- 1) Опросник;
- 2) Тест «Креативность» Вишняковой Н.Ф.

Опросник. Данный опросник был составлен нами для выявления информации, связанной с использованием компьютеров. Опросник состоит из трех вопросов.

Итак, рассмотрим результаты. На вопрос «Как часто вы пользуетесь компьютером?», большинство респондентов ответило, что часто. Это составило 70% (21 человек) респондентов. Остальные 30% (9 человек) ответили, что иногда. И никто не ответил «никогда». Это говорит о том, что большинство из них часто пользуются компьютером. На

вопрос «Для каких целей вы используете компьютер?» 10% (3 человека) ответили – «для игр», 10 % (3 человека) ответили – «для развлечений», 40%(12 человек) ответили – «для фильмов» и 40%(12 человек) – «для познания». Мы видим, что для познавательных целей использует компьютер немалое количество респондентов. Также большее количество использует для просмотра фильмов. Возможно, это связано с тем, что мы опрашивали студентов, и они часто пользуются компьютером в учебных целях. Это подтвердилось результатами следующего вопроса. На третий вопрос «Используете компьютерные технологии для подготовки учебных занятий?» 80% (24 человека) ответили – «да», 20%(6 человек) - «затрудняются ответить». А также никто не ответил – «нет». Рассмотрим *Рис. 1., Рис.2, Рис.3.*

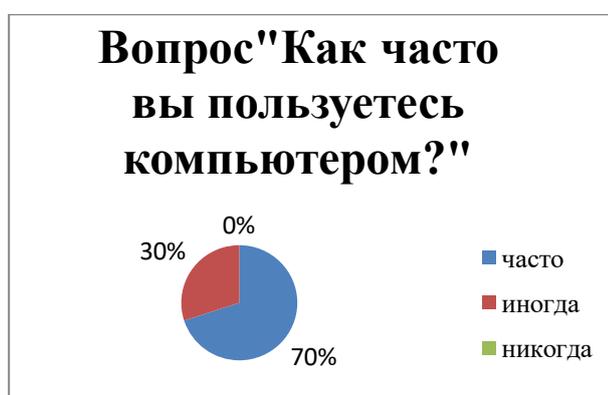

Рис.1 Результаты опросника-первый вопрос

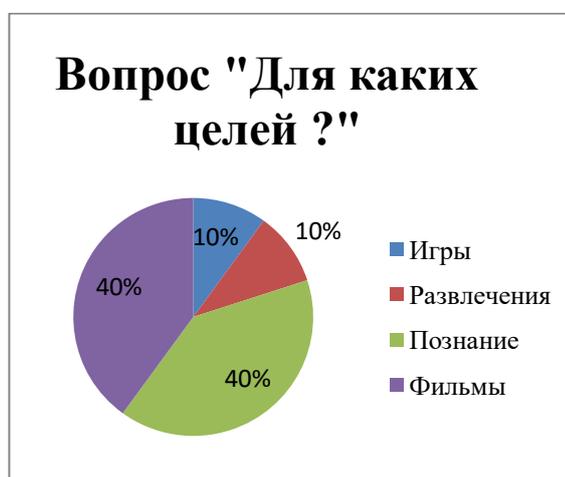

Рис.2 Результаты опросника – второй вопрос

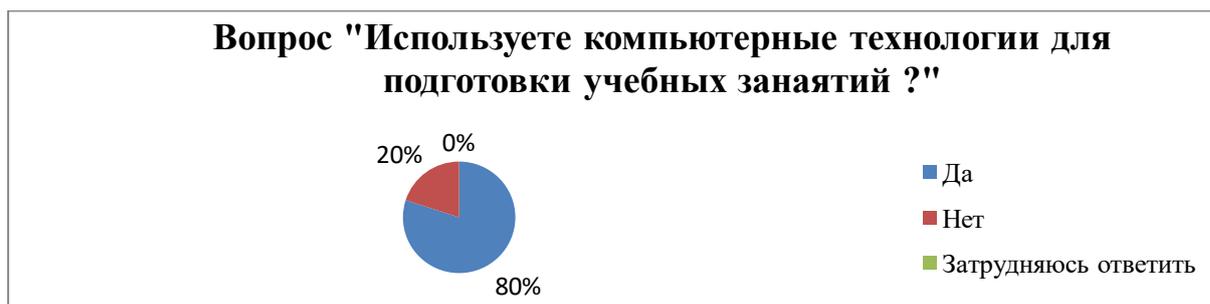

Рис.3 Результаты опросника – третий вопрос

Тест «Креативность» Вишняковой Н. Данный тест позволяет выявить уровень творческих склонностей личности и построить психологический креативный профиль, рефлексировав креативный компонент образа «Я-реальный» и представление об образе «Я-идеальный». Сравнение двух образов креативности «Я-реальный» и «Я-идеальный» позволяет определять креативный резерв и творческий потенциал личности [1].

Рассмотрим полученные результаты. Нами было выявлено, что у 60% респондентов высокий уровень креативности, а у 40% - средний уровень. Респондентов с низким уровнем креативности не было выявлено. Результаты отображены на *Рис. 4*.

Рис. 4. Результаты теста Вишняковой Н.Ф. «Креативность» - Уровни креативности

В данном тесте есть 8 индексов, которые являются показателями креативности.

Проанализировав результаты, мы получили следующие данные. Рассмотрим *Таблицу 1*.

Таблица 1. Показатели креативности.

Креативные склонности	Уровень креативных склонностей		
	Низкий	Средний	Высокий
творческое мышление	30 %	50 %	20%
любопытность	20 %	70 %	10 %
оригинальность	30 %	60 %	10 %
воображение	10 %	80 %	10 %
интуиция	0 %	80 %	20 %
эмоциональность, эмпатия	10 %	60%	30%
чувство юмора	20 %	70 %	30%
творческое отношение к профессии	20 %	60 %	20 %

Так как мы исследуем творческое мышление и креативность, то рассмотрим именно этот индекс. Большинство респондентов считает, что у них этот индекс на среднем уровне (50% респондентов), а 20% считают, что на высоком уровне. 30% считают, что творческое

мышление у них на низком уровне. Можно сказать, что у большинства респондентов наблюдается достаточно высокий уровень творческого мышления и креативности.

Для выявления взаимосвязи полученных данных был проведен корреляционный анализ.

Мы пытались найти взаимосвязь между такими качествами, как использование компьютерных технологий в познавательных целях и творческое мышление. Ниже представлена полученная корреляционная связь в *Таблице 2*.

Таблица 2. Корреляционная связь.

	Творческое мышление
Использование компьютерных технологий в познавательных целях	0,534

Мы видим, что была выявлена средняя положительная корреляционная связь. Это говорит о том, что наша гипотеза подтвердилась.

Выводы, сделанные нами в процессе выполнения работы, следующие:

1. Изучение теоретического аспекта заявленной проблемы позволило нам сделать вывод о том, что на сегодняшний день трудно представить общество без компьютерных технологий. Мы пользуемся гаджетами, компьютерами и другими средствами для различных целей. И без них невозможно обойтись в наши дни. Также важно отметить одну из главных ролей компьютерной техники в учебных и познавательных процессах.

2. Кроме того, изучение научной литературы позволило прийти к выводу о том, что студенческий возраст является самым благоприятным для развития творческих способностей. Для того, чтобы развивать творческое мышление, следует использовать разнообразные творческие задания, дающие возможность показать способности студента, с вопросами, у которых предполагаются неоднозначные ответы. Многие исследователи считают, что именно творческое мышление помогает найти быстрое решение определенной проблемы. Развитие творческого мышления учащихся является одной из главных задач обучения.

3. В эмпирической части мы сделали выводы о том, что большинство респондентов использует компьютер в познавательных целях - 40%. Также мы выявили, что у большинства испытуемых высокий уровень креативности - у 60%. Такой показатель креативности, как творческое мышление тоже находится не на низком уровне.

4. Был проведен корреляционный анализ для того, чтобы найти взаимосвязь между использованием компьютерных технологий и творческим мышлением. Была выявлена

средняя положительная корреляционная связь -0,534. Это говорит о том, что наша гипотеза подтвердилась.

Примечания:

1. Вишнякова Н.Ф. Креативная психопедагогика. Психология творческого обучения. Минск: Поли Биг, 1995. 240 с.
2. Гребенщикова В.Ю. Информатизация в организации творческой познавательной деятельности учащихся: сб. науч. ст. Великий Новгород: НовГу им. Ярослава Мудрого, 2000.
3. Захарова И.Г. Информационные технологии в образовании: учеб. пособие для студентов высш. пед. учеб. заведений. Москва: Академия, 2003. 192 с.
4. Зимняя И.А. Педагогическая психология. Москва, 2010. 384 с.
5. Никандров Н.Д. Педагогическое творчество. Москва: Педагогика, 1990. 144 с.
6. Кабирова Л.З., Головнева Е.В. Использование новых компьютерных (информационных) технологий в образовательном процессе начальной школы // Студенческий научный форум. 2014. URL: <https://scienceforum.ru/2014/article/2014007562> (дата обращения 01.09.2020).

Берберян Ася Суреновна, доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой психологии, Российско-Армянский университет Институт гуманитарных наук, председатель Армянского отделения Профессиональной психотерапевтической лиги, руководитель Армянского отделения Международной академии психологических наук г. Ереван, Армения, e-mail: aspsy@inbox.ru

Berberyan Asya Surenovna, Doctor of Psychology, Full Professor, Head of the Department of Psychology, Russian-Armenian University, Institute of Humanities; Chairman of the Armenian Branch of the Professional Psychotherapy League; Head of the Armenian Branch of the International Academy of Psychological Sciences of Yerevan; Armenia, e-mail: aspsy@inbox.ru

Григорян Мария Юрьевна, Российско-Армянский университет Институт гуманитарных наук, г. Ереван, Армения, e-mail: mariyag996@bk.ru

Grigoryan Maria Yu., Russian-Armenian University, Institute of Humanities, Yerevan, Armenia, e-mail: mariyag996@bk.ru

Богомолова Е.И., Зенкова А.И.

Кубанский государственный университет, Россия, г. Краснодар

**САМООЦЕНКА И ПРЕДПОЧИТАЕМЫЕ СТРАТЕГИИ САМОПРЕДЪЯВЛЕНИЯ
ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ**

Аннотация. Социальные сети являются неотъемлемой частью бытия личности и пространством исследования самопредъявления коммуникации. Данное исследование позволило изучить связь самооценки личности и характера ее самопредъявления в сети.

В итоге сделаны следующие выводы: пользователи с адекватной самооценкой предпочитают стратегии самопредъявления: "Уклонение", "Самовозвышение", «Аттрактивное поведение». Пользователи с неадекватной самооценкой предпочитают стратегии: "Уклонение", "Аттрактивное поведение", "Самовозвышение", "Силовое влияние". Разницу представляют тактики, которые применяют разные группы испытуемых для достижения своих целей. Пользователи с адекватной самооценкой стремятся к демонстрации своего превосходства с преувеличением своих достижений; хотят понравиться с помощью лести. Они более дружелюбны и расположены к собеседнику. Пользователи с неадекватной самооценкой стремятся скрыть свои недостатки через нелестные высказывания в адрес других; прибегают к запугиванию. Они склонны к возвышению за счет принижения других и нередко применяют угрозы в коммуникации в социальной сети

Ключевые слова: самооценка, самопредъявление, социальные сети, Интернет, виртуализация, виртуализация.

Bogomolova E.I., Zenkova A.I.,

Kuban State University, Krasnodar

**SELF-ASSESSMENT AND PREFERRED SELF-PROMOTION STRATEGIES FOR
SOCIAL MEDIA USERS**

Abstract. Social networks are an integral part of being a person and a space for research of self-expression within communication. This study allowed us to study the relationship between self-esteem of the individual and the nature of its self-expression in the network.

As a result, the following conclusions are made: users with adequate self-esteem prefer self-expression strategies: "Evasion", "Self-Aggrandizement", and "Attractive behavior". Users with inadequate self-esteem prefer strategies of: "Evasion", "Attractive behavior", "Self-Aggrandizement", and "Power Influence". The difference is represented by the tactics used by different groups of subjects to achieve their goals. Users with adequate self-esteem tend to demonstrate their superiority by exaggerating their achievements. They want to be liked by flattery.

They are more friendly and friendly to the other person. Users with inadequate self-esteem tend to hide their shortcomings through unflattering statements about others; they resort to intimidation. They tend to elevate themselves by belittling others and often use threats in social network communication.

Keyword: self-assessment, self-expression, social networks, Internet, virtualization, virtualization of being.

Еще во времена античности понятие самопредъявления связывалась с процессом самопознания, с конструированием своего образа. Социальные сети предоставляют обширные возможности для исследования собственной представленности в коммуникации, поскольку являются неотъемлемой составляющей повседневной жизни человека. Некоторые авторы указывают на огромную значимость Интернета как компонента культуры, оказывающего разнообразное влияние на личность. Молодые люди, пользователи социальных сетей, всё меньше склонны разграничивать процессы и явления объективно существующей и опосредованной средствами связи реальности [4]. Все это подчёркивает не снижающуюся значимость виртуальных социальных сетей и необходимость изучения изменений, происходящих в структуре самосознания личности, что обуславливает актуальность предпринятого исследования.

Пространство социальных сетей предоставляет уникальную возможность комплексного исследования самопредъявления личности. Отталкиваясь от этого убеждения, мы предположили, что существует взаимосвязь между преобладающими стратегиями самопредъявления пользователей в социальных сетях и их самооценкой.

Изучению особенностей виртуального бытия личности посвящены работы многих российских и западных ученых (Асмолов А.Г., Асмолов Г.А., Войскунский А.Е., Зинченко Ю.П., Рябикина З.И., Богомолова (Косивченко) Е.И., Ланье Ж., Гибсон У., Делез Ж., Turkle Sh., Viseu A., Boyd D., Yong-Yeol A. и др.). Феномену самопредъявления личности в коммуникации посвящены работы Б. Шленкера, М. Лири и Р. Ковальски; Д. Майерса, Дж.Г. Мид и Ч. Кули и др., где авторы связывают ее с изучением, корректировкой самооценки и представлений личности о себе. Другие исследователи отмечают манипулятивную сторону данного явления (М. Снайдер, Н.В. Ноакк и А.Н. Знаменская и др.). Так, А.Е. Войскунский использует термин «управление социально-перцептивной стороной общения других участников социальных сетей», которое происходит через конструирование личностью собственного образа в целях «приукрасить» действительность, отмечая его манипулятивный потенциал [5]. Также авторы расходятся во мнении о степени осознанности процесса самопредъявления (Дж. Тедеш и М. Риес, И. Джонс и Т. Питтман, А.Р. Шишкова и др.).

Интернет-пространство всё ярче проявляет свою социализирующую суть. Процесс киберсоциализации порождает множество новых мотивов, ожиданий, интересов [3].

Постоянное присутствие людей в сети, непрерывный процесс поглощения информации трансформируют процесс социализации, лишая человека необходимой доли одиночества и разрушая его личное пространство [2, 6].

А.Г. Асмолов и Г.А. Асмолов указывают на взаимопроникновение реальной и виртуальной сред, отмечая значительный вес последней в процессе социализации. Виртуальная идентичность становится дополнением пространства нашего «Я», возрастает значимость реалистичности создаваемого образа, отмечается переход от анонимности в сети к истинности своего самопредъявления, воплощению своего реального «Я»[1].

В своей работе мы рассматриваем самопредъявление как совокупность предпочитаемых личностью стратегий управления впечатлением, реализуемых в конкретных кратковременных поведенческих актах, названных тактиками. Рассматривая личность в контексте социальных сетей, мы делаем акцент на выделении виртуального образа «Я» и определяем его как объект в виртуальном пространстве, обладающий характеристиками и свойствами реальной личности, но не имеющий телесной представленности. Под самооценкой мы понимаем оценку представлений личности о себе, регулиующую ее поведение. В качестве основы данного понятия мы используем представление о соотношении реального и идеального образа личности.

Методы исследования: 1) «Шкала измерения тактик самопрезентации» (Б. Куигли, С. Ли); 2) Методика исследования самооценки личности (С.А. Будасси); 3) Авторская анкета, направленная на изучение особенностей поведения молодежи в социальных сетях.

Выборку составили студенты Кубанского государственного университета. Общий объём выборки 40 человек от 18 до 25 лет (16 юношей и 24 девушки).

На основании результатов, полученных при диагностике самооценки по методике С.А. Будасси, мы поделили выборку на две группы в соответствии с критерием «адекватность/неадекватность» самооценки: 1. респонденты с адекватной самооценкой, обладающие реалистичными представлениями о себе – 25 человек (15 девушек, 10 юношей); 2. респонденты с неадекватной самооценкой, отличающиеся неадекватно завышенной/ заниженной оценкой в восприятии своего образа «Я» – 15 человек (9 девушек, 6 юношей).

62,5% опрошенных обладают средней самооценкой. Это выражается в высокой степени соответствия представлений респондентов о себе с объективными основаниями этих представлений и адекватном восприятии своих достоинств и недостатков. 17,5% обладают высокой адекватной самооценкой, т.е. имеют реалистичные представления о себе и своих возможностях, склонны к проявлению позитивного отношения к себе. 7,5% респондентов обладают высокой неадекватной самооценкой и склонны к преувеличению своих достоинств, чрезмерной самоуверенности на фоне неадекватного восприятия своих возможностей. 7,5% – обладают низкой адекватной самооценкой, что отражается в негативном самовосприятии, ощущении собственной неполноценности. 5% опрошенных обладают низкой неадекватной

самооценкой, которая выражается в нереалистичном восприятии себя с тенденцией к чрезмерной неуверенности в себе и преувеличению значения неудач.

Полученные данные могут характеризовать группы испытуемых с разным уровнем самооценки следующим образом.

Значимые показатели корреляции были получены в группе испытуемых с адекватной самооценкой по большинству шкал. Испытуемые данной группы предпочитают стратегии:

- 1) «Уклонение» через тактики «Отречение» ($r = 0,88$), «Оправдание с отрицанием ответственности» ($r = 0,85$);
- 2) «Самовозвышение» через тактики «Оправдание с принятием ответственности» ($r = 0,82$), «Просьба/мольба» ($r = 0,79$), «Желание понравиться» ($r = 0,79$);
- 3) «Аттрактивное поведение» через тактику «Желание понравиться» ($r = 0,6$).

Пользователям социальных сетей с адекватной (высокой, средней, низкой) самооценкой в среднем присущи следующие особенности:

–стремление к снятию ответственности через ее отрицание, желание скрыть недостатки, прибегая к оправданию своего негативного поведения;

–склонность к демонстрации превосходства с преувеличением своих достижений ради получения уважения, признания и подражания; склонность к оправданию своего негативного поведения и принятию за него ответственности; или напротив, склонность создавать образ зависимого человека с целью получения помощи;

–стремление представлять перед другими в максимально выгодном свете через попытку понравиться и вызвать к себе симпатию с помощью лести т.д.

Испытуемые с неадекватной самооценкой предпочитают стратегии:

- 1) «Уклонение» через тактики «Оправдание с принятием ответственности» ($r = 0,98$), «Негативная оценка других» ($r = 0,77$);
- 2) «Аттрактивное поведение» через тактику «Желание понравиться» ($r = 0,9$);
- 3) «Самовозвышение» через тактику «Отречение» ($r = 0,86$);
- 4) «Силовое влияние» через тактику «Запугивание» ($r = 0,82$).

Пользователям социальных сетей с неадекватной (завышенной или заниженной) самооценкой присущи следующие особенности:

–стремление к сокрытию своих недостатков через оправдание своего негативного поведения или через высказывание нелестных оценок в адрес других;

–стремление понравиться через преувеличение своих достоинств, нивелирование недостатков и указание на недостатки других;

–склонность к управлению впечатлением, связанная с преобладанием в поведении действий, направленных на возникновение симпатии;

–склонность к агрессивному настрою по отношению к другим через запугивание и

угрозы.

Обнаружены различия в предпочитаемых тактиках и стратегиях самопредъявления в зависимости от адекватности или неадекватности самооценки пользователей социальных сетей. Пользователи с адекватной самооценкой в целом более дружелюбно настроены и ориентированы на управление впечатлением ради пробуждения позитивной реакции на себя. Пользователи с неадекватной самооценкой чаще прибегают к стратегиям самовозвышения путем принижения другого или его запугивания. На основании проведенного исследования мы можем утверждать, что существует взаимосвязь между самооценкой и преобладающими стратегиями самопредъявления молодёжи в процессе общения в социальных сетях.

Примечания:

1. Асмолов А.Г., Асмолов Г.А. От мы-медиа к я-медиа: трансформации идентичности в виртуальном мире. Москва: Изд-во МГУ, 2010.
2. Баранов В.Н. Социальные сети. Москва: Транспортное дело России, 2010.
3. Вараксин А.В. Влияние социальных сетей на формирование ценностных ориентиров современной молодежи. Москва: Преподаватель XXI век, 2016.
4. Викторова Е.В. «Новые» и «старые» социокультурные эффекты информационного воздействия на личность в пространстве интернет. Москва: Изд-во Ассоциации «Международная академия коммуникологии», 2019.
5. Войскунский А.Е. Социальная перцепция в социальных сетях. Москва: Изд-во МГУ, 2014.
6. Шалимов А.Б. Социализация личности в социальных сетях. Москва: Дискуссия, 2012.

Богомолова Екатерина Ильинична, канд. психол. н., доцент кафедры психологии личности и общей психологии, Кубанский государственный университет, г. Краснодар, e-mail: bogomolova_kate@bk.ru
Bogomolova Ekaterina I., Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor of the Department of Personality Psychology and General Psychology, Kuban State University, Krasnodar, e-mail: bogomolova_kate@bk.ru

Зенкова Анастасия Игоревна, студент, Кубанский государственный университет, г. Краснодар, e-mail: sol_libertatis@mail.ru

Zenkova Anastasiya I., university student, Kuban State University, Krasnodar, e-mail: sol_libertatis@mail.rur

Головкова А.А., Зыкова Е.И.,

Кубанский государственный университет, Россия Краснодар

ВЗАИМОСВЯЗЬ ЧУВСТВА ПРИСУТСТВИЯ И ИНТЕРНЕТ-ЗАВИСИМОСТИ

Аннотация. В статье приводится краткий обзор феномена чувства присутствия. Обосновывается связь чувства присутствия со склонностью к интернет-зависимости. Представлены результаты проведенного эмпирического исследования. Выборку исследования составили пользователи социальными сетями (N=37) и игроки в онлайн-игры (N=23). Данные группы пользователей различаются по параметрам, которые связаны со склонностью к интернет-зависимости. В группе игроков в онлайн-игры со склонностью к интернет-зависимости связано пространственное присутствие. А в группе пользователей социальными сетями – степень вовлеченности в деятельность.

Ключевые слова: чувство присутствия; интернет-зависимость; виртуальная реальность; онлайн-игры; социальные сети.

Golovkova A.A., Zyкова E.I.,

Kuban State University, Krasnodar, Russia

THE RELATIONSHIP BETWEEN A PRESENCE SENSE AND THE INTERNET ADDICTION

Abstract. The article provides a brief overview of the phenomenon of the sense of presence. The connection of the sense of presence with the tendency to internet addiction is proved. The results of an empirical study are presented. The study sample consisted of social media users (N=37) and online game players (N=23). These groups of users differ in parameters that are associated with a tendency to internet addiction. In a group of online game players, spatial presence is associated with a tendency to internet addiction. And in the group of users of social networks – the degree of involvement in the activity.

Keyword: presence sense; the internet addiction; virtual reality; online games; social networks.

Актуальность. В настоящее время многие исследователи, специализирующиеся на изучении влияния виртуального мира на человека, отмечают, что в условиях повсеместного внедрения информационно-коммуникативных технологий происходит формирование нового типа личности. Вторичная социализация человека сейчас почти не обходится без интернета или какого-либо вида электронного масс-медиа. Социальные нормы, ценности, образцы

поведения – все это усваивается посредством информационно-коммуникативных технологий (ИКТ). Они настолько плотно вошли в нашу жизнь, что порой очень просто забыть, в каком мире ты сейчас находишься: виртуальном или реальном. У людей может появляться ощущение нахождения в среде, созданной посредством ИКТ [1]. Такой феномен в научном дискурсе принято обозначать как «чувство присутствия». Можно сказать, что чем выше степень присутствия, тем больше человек погружен в виртуальную среду.

Важно отметить, что опыт присутствия может быть связан как с положительными (терапия посредством онлайн-приложений, систем виртуальной реальности, так и с отрицательными эффектами (привыкание к деятельности, опосредованной Интернетом) использования ИКТ [7,16]. Поэтому понимание того, какие последствия может иметь переживание чувства присутствия для пользователей ИКТ, является важным вопросом.

Чувство присутствия. Привлекательность медиа-технологий заключается в том, что они способны вызывать яркие впечатления у пользователей или наблюдателей. Как читатели книг, так и зрители фильмов способны погружаться в воображаемые миры, ощущая физическое нахождение в них. Кажется, что пользователи хотя бы временно могут забывать, что они вовлечены в опосредованные ситуации. Данное явление определяется как чувство присутствия.

Первоначально опыт присутствия обсуждался в контексте работы телеоператора [12]. В последние же десятилетия изучение чувства присутствия превратилось в одну из центральных концепций исследований в области виртуальной реальности.

Ломбард и др. на основании теоретического обзора определяют чувство присутствия как «перцептивную иллюзию немедиации», то есть степень, в которой человек не способен воспринять или признать существование внешней среды во время технологически опосредованного опыта [12,13]. Б.Б. Величковский подчеркивает, что общим для всех определений присутствия «является то, что человек, испытывающий чувство присутствия, предполагается переживающим виртуальную среду, происходящие с ним там события и свое нахождение в ней как нечто реальное, а не созданное с помощью вспомогательных технических средств» [2]. Следовательно, присутствие описывает состояние сознания, которое создает впечатление физического нахождения в опосредованном мире, а также степень восприятия виртуальной среды как реальной. Поэтому присутствие обычно определяется как ощущение «быть там».

Кратко рассмотрим факторы, влияющие на возникновение чувства присутствия. Их можно систематизировать в две группы: характеристики среды и характеристики пользователей [5]. Характеристики среды подразделяются на форму и содержание среды.

Форма среды включает физические характеристики виртуального пространства, от которых зависит его степень реалистичности для человека. Содержание среды представляет собой объекты и действующие лица, связанные друг с другом в соответствии с определённой логикой. Характеристики пользователей также играют важную роль в возникновении чувства присутствия. К ним относятся когнитивные и моторные способности, личностные характеристики, например, такие как способность к эмпатии, экстраверсия/ интроверсия, локус контроля и т.д., пол и возраст пользователей, предшествующий опыт и ожидания в отношении опосредованных переживаний. Подробный обзор факторов, связанных с переживанием чувства присутствия, можно увидеть, например, в работах Б.Б. Величковского, А. Сакаи др. [3, 15].

Далее, обратимся к эффектам, которые оказывает чувство присутствия на взаимодействие человека с ИКТ.

Чувство присутствия можно определить как потенциально важную переменную в исследованиях онлайн-игр и социальных сетей, так как оно может повлиять на особенности использования и различные результаты воздействия. Так S. Park и др. пишет, что присутствие значимо коррелирует с удовольствием от онлайн-игр [14]. W. Gao и др. получили результаты, согласно которым социальное присутствие связано с чувством единения с другими людьми и удовольствием при использовании социальных сетей[6]. В ряде исследований приводятся данные, согласно которым восприятие эмоциональных состояний, передаваемых средами, было связано с уровнем присутствия, но также и уровень присутствия увеличивался в связи с добавлением эмоционального компонента [5, 8]. В работе К. Kircaburun и др. было показано, что эскапизм опосредует отношения между социальным, пространственным, совместным присутствием и проблемным использованием социальной сети Instagram [9].

Исходя из приведённых исследований, можно сказать, что чувство присутствия, вероятно, может способствовать формированию Интернет-зависимости. Это связано с тем, что человек, который испытывает присутствие, получает более яркие эмоции, испытывает удовольствие при взаимодействии с виртуальной реальностью, что является значимой мотивацией для продолжения или возобновления деятельности, опосредованной ИКТ, что может приводить к таким показателям интернет-зависимости, как компульсивное использование и рост толерантности.

Также, вероятно, что присутствие связано со склонностью человека к эскапизму. Эскапизм можно определить как стремление индивида уйти из реальной действительности по тем или иным причинам. Для того, чтобы уйти в пространство виртуальной реальности,

человек должен испытывать чувство присутствия во время взаимодействия с различными интернет-платформами, быть способным успешно погружаться в киберпространство. Некоторые исследования показывают, что участие в онлайн-средах, таких как онлайн-видеоигры и социальные сети, с целью ухода от реальности, отвлечения от проблем связано с проблемным использованием Интернета [6,17]. Можно предположить, что побег в виртуальный мир помогает изменить настроение на более положительное, что является одним из компонентов любой зависимости [9].

Таким образом, *гипотезой* нашего исследования является предположение о том, что чувство присутствия будет положительно связано с интернет-зависимостью.

Методики. Для оценки выраженности чувства присутствия использовался переведенный на русский язык опросник ITC-SOPI [10]. Опросник состоит из 44 утверждений, затрагивающих различные аспекты чувства присутствия, справедливость которых оценивается по пятибалльной шкале. Опросник включает в себя следующие шкалы: «Пространственное присутствие», «Эмоциональная вовлеченность», «Естественность виртуального сценария» и «Выраженность негативных эффектов».

Для диагностики интернет-зависимости была выбрана методика С. Чена «Шкала Интернет-зависимости» [4]. Тест включает 5 оценочных шкал: «Шкала компульсивных симптомов», «Шкала симптомов отмены», «Шкала толерантности», «Шкала внутриличностных проблем и проблем, связанных со здоровьем», «Шкала управления временем». Сумма всех шкал является общим баллом наличия интернет-зависимости.

В выборку вошло 60 пользователей ИКТ, из которых 23 относятся к онлайн-геймерам и 37 к пользователям социальными сетями. Средний возраст респондентов – 23 года.

Результаты исследования подвергались статистической компьютерной обработке с помощью программного обеспечения SPSS+PS для Windows. Для окончательных выводов использовались только значимые результаты. Для изучения связи между показателями чувства присутствия и интернет-зависимости был применен коэффициент корреляции Пирсона. На основании того, что наша выборка состоит из двух типов пользователей ИКТ, корреляционный анализ проводился отдельно в каждой группе.

Игроки в онлайн-игры. Существуют следующие корреляционные связи на 1 % уровне значимости между показателями интернет-зависимости и чувством реальности: пространственное присутствие и компульсивные симптомы (,501), симптомы отмены (,556), симптомы толерантности (,435), внутриличностные проблемы и проблемы, связанные со здоровьем (,550), управление временем (,761), ключевые симптомы интернет-зависимости

(,610), проблемы, связанные с интернет-зависимостью (,716), общий балл интернет-зависимости (,738); вовлеченность и симптомы отмены.

Пользователи социальными сетями. Существуют следующие корреляционные связи на 1% (**) уровне и 5%(*) уровнях значимости между шкалами ITS-SOPI и показателями интернет-зависимости: вовлеченность и симптомы отмены (,477**), а также вовлеченность и ключевые симптомы интернет-зависимости (,397*).

Выводы. Таким образом, мы видим, что гипотеза о связи чувства присутствия с показателями интернет-зависимости подтвердилась для группы игроков в онлайн-игры. Мы видим сильные значимые корреляции практически со всеми показателями интернет-зависимости. Это говорит о том, что чувство присутствия, вероятно, способствует развитию интернет-зависимости у игроков в онлайн-игры. Это может быть связано с тем, что большее погружение в виртуальную среду вызывает большее удовольствие от игры, побуждая человека возвращаться и проводить в ней больше времени.

В группе пользователей социальными сетями были получены значимые корреляции между шкалой ITS-SOPI «вовлеченность», симптомами отмены и ключевыми симптомами интернет-зависимости. Это говорит о том, что сильная заинтересованность в каких-либо аспектах социальных сетей связана с негативной реакцией организма при уменьшении или прекращении их использования, навязчивым желанием зайти в социальные сети, ростом времени, необходимого для посещения социальных сетей.

Но также можно сказать, что у пользователей социальными сетями не оказалось значимых связей между чувством присутствия и показателями интернет-зависимости. Это может быть связано с тем, что мы использовали опросник, направленный на изучение пространственного присутствия, которое более легко ощутить в онлайн-играх, так как, в данном случае, они значительно выигрывают по параметрам среды и эмоциональному компоненту.

Таким образом, можно сказать, что факторы, связанные с интернет-зависимостью, отличаются у игроков в онлайн-игры и пользователей социальными сетями. В первом случае интернет-зависимость связана с пространственным присутствием, а во втором – со степенью вовлеченности в деятельность.

Примечания:

1. Авербух Н.В. Субъективный метод изучения особенностей переживания феномена присутствия // Национальный психологический журнал. 2018. № 3 (31). С. 69-89.
2. Когнитивный контроль и чувство присутствия в виртуальных средах / Б.Б. Величковский, А.Н. Гусев, В.Ф. Виноградова, О.А. Арбекова // Экспериментальная

психология. 2016. Т. 9, № 1. С. 5-20.

3. Величковский Б.Б. Психологические факторы возникновения чувства присутствия в виртуальных средах // Национальный психологический журнал. 2014. № 3 (15). С. 28-35.
4. Малыгин В.Л. Интернет-зависимое поведение. Критерии и методы диагностики: учеб. пособие. Москва: Изд-во МГМСУ, 2011. 32 с.
5. Immersion and emotion: Their impact on the sense of presence R.M. Banos, C. Botella, M. Alcaniz [et al.] // CyberPsychology & Behavior. 2004. № 7. P. 34-41.
6. Gao W., Liu Z. How does social presence influence SNS addiction? A belongingness theory perspective // Computers in Human Behavior. № 7. P. 347-355.
7. A decade of Research on the use of Three-Dimensional Virtual Worlds in Health Care: A Systematic Literature Review / R. Ghanbarzadeh, A.H. Ghapanchi, M. Blumenstein, A. Talaei-Khoe // Journal of Medical Internet Research. 2014. № 16 (2). P. 30-47.
8. Presence and emotion in computer game players during 1st person vs. 3rd person playing view: evidence from self-report, eye-tracking, and facial muscle activity data / K. Kallinen, M. Salminen, R. Kedzior, M. Sääksjärvi // Proceedings of the PRESENCE / L. Moreno (ed.). 2007. P. 187-190.
9. Kircaburun K., Griffiths M.D. Problematic Instagram use: The role of perceived feeling of presence and escapism // International Journal of Mental Health and Addiction. 2018. doi:10.1007/s11469-018-9895-7.
10. A cross-media presence questionnaire: the ITC-Sence of Presence Inventory / J. Lessiter, J. Freeman, E.Keogh, J. Davidoff // Presence: Teleoperators and Virtual Environments. 2001. № 10. P. 282-297.
11. Lombard M., Jones, M.T. Defining presence // Immersed in Media: Telepresence Theory, Measurement and Technology / M. Lombard, F. Biocca, W.A. Ijsselsteijn, J. Freeman, R. Schaevitz (Editors). London: Springer, 2015. P. 13-34.
12. Lombard M., Ditton T.B. At the Heart of it all: the concept of presence // Journal of Computer-Mediated Communication. 1997. № 3 (2). P. 78-93.
13. Presence and Television: the role of screen size / M. Lombard, R.D. Reich, M.E. Grabe [et al.] // Human Communication Research. 2000. № 26 (1). P. 345-368.
14. Park S.B., Hwang H. Understanding online game addiction: connection between presence and flow // Human-Computer Interaction. Interacting in Various Application Domains. 2009. P. 378-386.

15. Sacau A., Laarni J., Hartmann T. Influence of individual factors on presence // Computers in Human Behavior. 2008. № 24. P. 2255-2273.
 16. Stavropoulos V., Alexandraki K., Motti-Stefanidi F. Flow and Telepresence Contributing to Internet Abuse: Differences According to Gender and Age // Computers in Human Behavior. 2013. № 29 (5): P. 1941-1948.
 17. Yee N. Motivations for play in online games // Cyberpsychology & Behavior. 2006. № 9 (6), P. 772-775.
-

Головкова Арина Александровна, студентка факультета управления и психологии, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», Краснодар, Россия, e-mail: golovkova_a_13@mail.ru
Golovkova Arina A., university student of Department of Management and Psychology, Kuban State University, Krasnodar, Russia, e-mail: golovkova_a_13@mail.ru

Зыкова Екатерина Ивановна, Аспирантка кафедры социальной психологии и социологии управления, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», Краснодар, Россия E-mail: ev250493@gmail.com
Zykova Ekaterina I., Postgraduate at the Department of Psychology and Social Management, Kuban State University, Krasnodar, Russia, e-mail: ev250493@gmail.com

Колотова О.В.,

г. Краснодар

ПОДРОСТКОВЫЙ ЭСКАПИЗМ: ФАКТОРЫ И МЕХАНИЗМЫ УСПЕШНОГО ПРОЦЕССА САМООПРЕДЕЛЕНИЯ ЛИЧНОСТИ

Аннотация. Исследование посвящено проблеме эскапизма как процесса успешного самоопределения личности. Согласно результатам регрессионного анализа, успешность личностного самоопределения эскаписта обусловливается совместным влиянием его интернальности и эмоциональной устойчивости. В установленных условиях латентным механизмом зависимости позитивного образа-Я от эскапизма является активное, сознательное обращение подростка к окружающим за поддержкой, помощью и информацией. Обсуждается, что эскапизм, зарождающийся как негативный, деструктивный процесс самоопределения, может стать конструктивным, если эскапист займет субъектную позицию.

Ключевые слова: эскапизм, протестная активность личности, интернальность, эмоциональная устойчивость, поиск социальной поддержки, образ-Я, модерирующая медиация.

Kolotova O.V.,

Krasnodar

ADOLESCENT ESCAPISM: FACTORS AND MECHANISMS OF SUCCESSFUL SELF-DETERMINATION PROCESS

Abstract. The research is devoted to the problem of escapism as a process of successful self-determination of the individual. According to the results of regression analysis, the success of the escapist's personal self-determination is determined by the combined influence of his internality and emotional stability. Under the established conditions, the latent mechanism of dependence of a positive self-image on escapism is an active, conscious appeal of a teenager to others for support, help and information. It is discussed that escapism, which is born as a negative, destructive process of self-determination, can become constructive if the escapist takes a subjective position.

Keyword: escapism, personal protest activity, internality, emotional stability, search for social support, I-image, moderated mediation.

За последнее пятилетие проблематика эскапизма получила существенное развитие в современных отечественных и зарубежных исследованиях по психологии личности. Одной

из наиболее обсуждаемых тем, связанных с «уходом» человека из пространства реальных межличностных отношений, его поисками себя в виртуальном пространстве и бытия в нем является вопрос о гармоничном или дисгармоничном влиянии эскапизма на благополучие личности.

Эскапизм преимущественно рассматривается как компенсаторное явление в рамках *адаптивной парадигмы*. В частности, как *двуполярный феномен*, принимающий либо положительную, либо отрицательную форму, связанную с успешной адаптацией/ дезадаптацией личности, субъективным переживанием благополучия/ неблагополучия и т.д.

Например, среди зарубежных исследований компенсаторного эскапизма особо выделяется концепция, разработанная F. Stenseng, J. Rise, P. Kraft [8]. Ученые утверждают, что источником эскапизма является либо мотивация «Самозащита» («погружение» личности в активность с целью саморазвития, раскрытия собственного потенциала), либо мотивация «Самоподавление» (избегание личностью осознания негативных аспектов образа-Я, отвлечение внимания от тревожных состояний, блокировка восприятия неприятных событий и др.) [там же, с. 22]. Принцип подобной типологизации основан на доминировании гармоничной, либо навязчивой «страсти» - мотивации вовлечения в активность по R.J. Vallerand. С помощью медиаторного анализа F. Stenseng и J.M. Phelps доказали, что гармоничная «страсть» связана с поддержкой автономии личности окружением (особенно поддержка автономии детей взрослыми), позволяет личности достичь субъективного благополучия посредством мотивации «Самозащита». И, напротив, подавление личностной автономии, навязчивая «страсть» приводят эскаписта к субъективному неблагополучию, а медиатором (посредником) данной зависимости является мотивация «Самоподавление» [9].

В современной отечественной психологии личности также можно встретить понимание эскапизма как «хорошего» (продуктивного, способствующего самореализации) или «плохого» (деструктивного, связанного с отчуждением от реальности) [3]. С помощью кластерного анализа Е.В. Беловол, А.А. Кардапольцева определили два наиболее ярких личностных типа: «эскаписты-» и «эскаписты+». В негативном аспекте эскапизм характеризуется бегством от тревоги и неопределенности, «самокопанием», склонностью к фантазированию и не связан с созданием личностью альтернативной реальности. В позитивном аспекте эскапизм выступает как «<...> способ достижения гармонии и целостности», возможность «<...> преодолеть границы повседневности и расширить возможности для познания себя и окружающего мира» [там же, с. 45-46]. Е.В. Беловол, А.А. Кардапольцева эмпирически доказывают, что подобная «самозащита» связана с

переживанием субъективного счастья, высокими показателями осмысленности жизни, творческим отношением к ней.

Тем не менее, А.Ш. Гусейнов отмечает, что исследование эскапизма в современных условиях «сдвига к «постнеклассике» с помощью категориального аппарата адаптивной парадигмы неактуально на фоне примата *субъектной парадигмы* [1, с. 414], и предлагает операционализацию феномена в рамках субъектно-бытийного подхода как одной из форм протестной активности личности [1, 2]. Ученый делает акцент на том, что эскапизм «многолик» и парадоксален в своих двух типах – негативное, эгоистичное *бегство* и высший, трансцендентный поступок, *жертва* субъекта собой ради блага других. Поэтому *многоплановость* отчуждения человека от реального пространства жизни определяется не мерой его адаптации/ дезадаптации, а субъектными детерминантами, которые определяют специфичность способа проживания жизни, модуса бытия [2, с. 85].

Согласно трансформационной модели протестной активности А.Ш. Гусейнова, любая из пяти форм протестной активности возникает на границе перехода от внешнего предполагаемого окружением образа или идеального образца к собственному образу субъекта [2]. Данное положение получило конкретно-научное развитие в динамической *модели подросткового эскапизма*, разрабатываемой автором настоящего исследования.

В частности, были раскрыты механизмы и условия процесса зарождения эскапизма: *«поиск и конструирование личностью собственного образа → трансляция личностью сформированного образа на социум → процесс самоопределения личности, эскапизм»* [5]. С помощью аналитического подхода опосредованной модерации (прикладного вида регрессионного анализа) установлено, что предиктором эскапизма является активно отстаиваемая подростками мятежная мировоззренческая позиция, охарактеризованная как *«интеллектуализированная враждебность»*. Подростки воспринимают в штыки традиционные внешние образы самоопределения и склонны к радикальным, новаторским идеям, что приводит к эскапизму. Латентным механизмом-медиатором, описывающим то, каким образом происходит данное влияние, была установлена *антиреферентность*: трансляция личностью своих радикальных образов представляет собой противодействие референтным лидерам в учебном классе, новаторские идеи не находят отклика среди сверстников, подростки с интеллектуализированной враждебностью находятся в статусе «отверженного». Таким образом, было доказано, что в *подростковом возрасте эскапизм зарождается как негативное, эгоистичное бегство*, специфически обуславливающееся «двойным конфликтом»: 1) внутриличностным конфликтом – «с одной стороны существует потребность подростков конструктивно преобразовать существующие мнения и традиции в

учебном классе, и, с другой стороны, происходит отрицание этих традиций, искажение их враждебным восприятием»; 2) межличностным конфликтом – «потребность подростков эффективно транслировать свой образ сталкивается с отвержением этого образа одноклассниками» [5, с. 106].

Закономерно возникает вопрос о том, какие субъектные факторы, механизмы могли бы обусловить эскапизм как процесс успешного самоопределения личности, несмотря на его деструктивные основы зарождения? А.Л. Журавлев и А.Б. Купрейченко отмечают, что к таким факторам относятся свойства индивидуального субъекта, являющиеся также свойствами самоопределяющейся личности: 1) интернальность и ответственность как основные свойства; 2) стрессоустойчивость, эмоциональная стабильность, конструктивное «эмоциональное напряжение» – как дополнительные личностные качества; 3) просоциальные стратегии совладания как ресурс самоопределения в кризисных условиях, поскольку в процессе самоопределения личности «<...> важную роль играют именно «другие люди» - как реально существующие, так и некоторые идеальные их образы» [4, с. 10-12]. Данная идея легла в основу *гипотезы* настоящего исследования: эскапизм в условиях актуализации субъектных факторов интернальности и эмоциональной устойчивости, с помощью проблемно-ориентированного копинга дает возможность подросткам успешно сформировать адекватный образ-Я. Для наиболее эффективной верификации выдвинутой гипотезы была проведена статистическая обработка полученных результатов с помощью прикладного вида регрессионного анализа – парциальной модерированной медиации (от англ. «partialmoderatedmediation» по А.Ф. Hayes).

В настоящем исследовании приняло участие 227 учеников среднего и старшего звена гимназий г. Краснодара (возраст 12-16 лет). Согласно общему ожидаемому размеру эффекта $R^2=0,05-0,14$ для достижения мощности регрессионного анализа при $\alpha=0,05$; $\beta=0,80$ выборка является достаточной. Собранные данные отличаются точностью, отсутствием пропущенных значений; регрессионная модель отвечает всем необходимым допущениям. Расчеты производились в среде программного пакета «IBMSPSS» v. 26.0 с помощью макроса А.Ф. Hayes «Process» v. 3.4, модель 9 [6].

Теоретические параметры, их эмпирические критерии и роли в регрессионной модели:

1) эскапизм как процесс самоопределения личности – шкала «Эскапизм», опросник «Протестная активность личности» (А.Ш. Гусейнов) – независимая переменная (X); 2) интернальность – шкала «Внутренний контроль», тест «Социально-психологическая адаптация» (С.Р. Rogers, R.F. Dymond; адаптация А.К. Осницким, 2004) – переменная-модератор (W); 3) стрессоустойчивость, стойкость – шкала «Фактор С: эмоциональная

стабильность/нестабильность» тест 16 PF (R.V. Cattell; адаптация А.Г. Шмелева и др., 2007) – переменная-модератор (Z); 4) совладающее поведение – «поиск социальной поддержки», опросник Strategic approach to coping scale (S.E. Hobfoll; адаптация Н.Е. Водопьяновой и Е.С. Старченковой, 2009) – переменная-медиатор (M); 5) результат/«срез» самоопределения личности (образ-Я) – методика исследования самооценки личности (С.А. Будасси) – зависимая переменная (Y).

Структура модели парциальной модерированной медиации (модель 9 по А.Ф. Hayes) представляет собой две стадии уравнений: 1) первая стадия включает в себя уравнения-«пути а» от независимой переменной к медиатору, обусловленные двумя модераторами ($a_4=X*W\rightarrow M$ и $a_5=X*Z\rightarrow M$); 2) вторая стадия включает в себя уравнение-«путь b» от медиатора к зависимой переменной ($b=M\rightarrow Y$) [6].

Установление факта существования латентного механизма в зависимости $X\rightarrow Y$ для определенной категории испытуемых (оценка статистической значимости непрямого условного эффекта) осуществлялось с помощью проверки доверительных интервалов бутстреп-анализа для индексов парциальной модерированной медиации (не должны включать ноль) по модератору W (произведение путей a_4*b) и по модератору Z (произведение путей a_5*b). Также была произведена проверка совместного или аддитивного влияния модераторов W и Z [там же, с. 12].

Согласно полученным данным, индексы $a*b_4=0,0002$ (BootLLCI=0,0001 и BootULCI=0,0005) и $a*b_5=0,0006$ (BootLLCI=0,0005 и BootULCI=0,0017) статистически значимы; критерий аддитивного влияния (Jointtestofadditivemoderation по А.Ф. Hayes) также значим ($R^2=0,05$; $F(221)=6,19$; $p<0,002$).

Интересным является то, что эскапизм сам по себе не имеет никакого отношения к детерминации ни просоциального копинга, ни адекватного представления подростков о себе. Однако, если эскапизм как процесс самоопределения личности обусловлен *аддитивным взаимодействием внутреннего локуса контроля и эмоциональной устойчивостью*, он значимо влияет на формирование адекватной самооценки *посредством копинга «поиск социальной поддержки»*.

Как отмечает J.G. Snodgrass et al., многоплановость эскапизма в различных контекстах и сценариях бытия в виртуальном пространстве можно описать метафорой: «бедные становятся беднее, а богатые становятся богаче» [7, с. 10-12]. Так и в настоящем исследовании доказано, что в случае актуализации субъектных факторов самоопределение личности подростка-эскаписта будет протекать успешно и он станет «субъектно богаче».

Таким образом, подросток-эскапист, который в кризисный период становления личности может взять на себя ответственность за свое самоопределение и быть готовым отвечать за его качество, трезво оценивать свои возможности и признавать свои недостатки, с помощью активного обращения к окружающим за информацией и поддержкой имеет все шансы успешно сформировать адекватный образ-Я, каким бы оригинальным или новаторским он не был.

Примечания:

1. Гусейнов А.Ш. Протестная активность личности: сущность, динамика, трансформация. Краснодар: Экоинвест, 2013. 468 с.
2. Феномен протестной активности личности: субъектно-бытийная интерпретация / А.Ш. Гусейнов, З.И. Рябикина, Г.Ю. Фоменко, В.В. Шиповская // Российский психологический журнал. 2017. Т. 14, № 4. С. 78-96.
3. Беловол Е.В., Кардапольцева А.А. Эскапизм «хороший» и эскапизм «плохой»: эмпирическая верификация модели // Прикладная юридическая психология. 2018. № 4. С. 38-48.
4. Журавлев А.Л., Купрейченко А.Б. Структура и личностные детерминанты экономического самоопределения субъекта // Психологический журнал. 2008. Т. 29, № 2. С. 5-15.
5. Колотова О.В. Вклад враждебности и референтности в зарождение подросткового эскапизма как процесса самоопределения личности // Общество: социология, психология, педагогика. 2019. № 12. С. 101-110.
6. Hayes A.F. Partial, conditional, and moderated moderated mediation: quantification, inference, and interpretation // Communication Monographs. 2018, Vol. 85, No. 1, P. 4-40.
7. Snodgrass J.G. The partial truths of compensatory and poor-get-poorer internet use theories: More highly involved videogame players experience greater psychosocial benefits // Computers in Human Behavior. 2018. Vol. 78. P. 10-25.
8. Stenseng F., Rise J., Kraft P. Activity engagement as escape from self: the role of self-suppression and self-expansion // Leisure Sciences. 2012. Vol. 34, No. 1. P. 19-38.
9. Stenseng F., Phelps J.M. Passion for a sport activity, escapism, and affective outcomes: Exploring a mediation model // Scandinavian Psychologist. 2016. Vol. 3.

Колотова Ольга Валерьевна, соискатель, г. Краснодар, olga.lavrichenko@mail.ru
Kolotova Olga V., postgraduate student, Krasnodar, e-mail: olga.lavrichenko@mail.ru

Поречный Н.Е.,

аспирант кафедры управления персоналом и организационной психологии

Кубанского государственного университета,

Россия, г. Краснодар

СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ В ИНТЕРНЕТЕ КАК ОБЪЕКТ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Аннотация. Научный интерес к изучению онлайн социальных сетей как объекта психологического анализа неизменно растет. Цель данной статьи – обобщить основные тенденции изучения личности в социальных сетях, разобраться в факторе анонимности при исследованиях индивидуально-психологических характеристик и его влиянии на валидность исследований. Прогностическая сила социальных сетей справедлива в отношении социально-демографических характеристик, но гораздо противоречивее оказались результаты, полученные при анализе индивидуально-психологических характеристик пользователей. Но, несомненно, есть связи с определенной корреляцией индивидуально-психологических черт и поведения человека в цифровом пространстве.

Ключевые слова: социальные сети, личность в социальных сетях, психология личности.

Porechniy N.E.,

Postgraduate at the Department of Personnel Management

and Organizational Psychology, Russia, Krasnodar

SOCIAL NETWORKS ON THE INTERNET AS AN OBJECT OF PSYCHOLOGICAL ANALYSIS

Abstract. Awareness of the fact that the education and profession that students are learning will not be able to meet their needs in the future or do not correspond to their abilities and inclinations, or getting a more complete understanding of the profession that they are learning and then becoming disillusioned with it, can cause existential experiences in young people. The results of the study are important for improving the quality of the educational process in terms of students' needs.

Keyword: social networks, personality in social networks, personality psychology.

Осознание того факта, что осваиваемое студентами образование и профессия не смогут в будущем удовлетворить их потребности или не соответствуют их способностям и

задаткам, либо получение в процессе обучения более полного представления об осваиваемой профессии и последующее разочарование в ней, может вызвать у молодых людей переживания экзистенциального характера. Результаты исследования имеют значение для повышения качества образовательного процесса с точки зрения потребностей учащихся.

Глобализация, ритм жизни, рост населения и миграция потребовали создания новых способов связи, получения информации и координации действий. Развитие компьютерных технологий и сети Интернет в целом, создание онлайн социальных сетей в частности обеспечили решение этих проблем.

Целью данной статьи является обзор имеющихся результатов исследований проявления личности в социальных сетях Интернета.

Актуальность исследования онлайн социальных сетей как объекта психологического анализа определяется тем, что, начиная с конца 2000-х годов, популярность социальных сетей в Интернете резко возросла. Научный интерес к исследованию человеческой деятельности в онлайн социальных пространствах неизменно растет с 2007. 77 статей в самых разных научных областях, включая психологию – количество публикаций, посвященных только Facebook за 2014-2015 гг. [10]. На данный момент имеется большое количество эмпирического материала относительно характеристик пользователей социальных сетей в Интернете, их мышления и механизмов взаимодействия, который требует качественной систематизации и глубокого осмысления.

Проблематика исследований онлайн социальных сетей (далее – ОСС) как объекта психологического анализа занимает особое место в современной психологической науке в России и за рубежом. Она характеризуется множеством исследований и наличием противоречивых результатов и мнений. Взгляды на социальные сети и деятельность личности в них меняются с их развитием и глобальной диджитализацией общества.

На основе изученного материала можно сделать предположение об основных видах деятельности в ОСС, осуществляемых личностью: когнитивная, коммуникационная и самопрезентация. Стоит отметить появление нового типа мышления - «сетевое» [6]. Сегодня оно определяет способы познания не только в виртуальном пространстве, но частично и в реальной жизни и точно влияет на стили общения.

Потребности, которые решают ОСС, зависят от множества факторов. Несомненно, в первую очередь влияют социально-демографические и культурологические особенности пользователей. Они определяют запросы личности и их последующую реализацию посредством ОСС. Поведение личности в социальных сетях с момента их зарождения и до сегодняшнего дня нестабильно и находится в постоянном изменении, отвечая на новые

возможности социальных платформ. Пользователю в силу его поведения и особенностей активности необходимо учитывать постоянно меняющуюся виртуальную нормативность — нестабильную и непрозрачную. Это ставит человека в сложное положение по отношению к виртуальному сообществу, общепринятым этическим нормам и по отношению к самому себе. Несмотря на расширение аудитории как по возрастному критерию, так и территориальному, стоит учитывать, что основной «движущей силой», влияющей на развитие и изменения в онлайн социальном пространстве остаются молодые люди в возрасте от 16 до 30 лет [9]. Социально-демографические и культурологические особенности личностей пользователей ОСС качественно отражаются в виртуальном пространстве и являются наиболее валидными.

В качестве примера стоит привести исследование, проведенное группой ученых из Центра психометрики Кембриджского университета, в котором приняли участие 58000 пользователей Facebook. В результате они показали, что на основе информации об отметках «like» конкретного пользователя можно с высокой долей вероятности предсказать ряд его характеристик. Например, принадлежность к расе определялось в 95% случаев, пол - в 93% случаев, сексуальная ориентация предугадывалась в 88% случаев для мужчин и в 75% случаев для женщин, политические предпочтения в 85% случаев, а религиозные взгляды в 82% случаев [7].

В целом, полученные результаты наглядно демонстрируют прогностическую силу ОСС в отношении социально-демографических характеристик пользователей. Но гораздо противоречивее оказались результаты, полученные при анализе индивидуально-психологических характеристик пользователей.

Наибольшее количество исследований было связано с изучением нарциссических особенностей и характеристик согласно пятифакторной модели личности. Исследования одних и тех же характеристик на разных выборках и в разные временные периоды показали разные результаты. Часть из них подтверждает ранее проводимые опросы, часть подтверждает косвенно, а некоторые не находят подтверждения своей гипотезы. В уже упоминавшемся выше исследовании Центра психометрики Кембриджского университета была показана прогностическая валидность отметок «like» для шкал пятифакторной модели личности. Коэффициенты для всех шкал варьируются от 0.29 до 0.40 [7].

Эмпирические данные о связи нарциссизма с поведением в ОСС также достаточно противоречивы. С одной стороны, авторы показали, что чем выше нарциссизм, тем больше времени индивид проводит в социальной сети, размещает в профиле как можно больше информации, поддерживающей позитивный образ себя [8], обновляет свой статус и

добавляет новые фотографии [4]. С другой стороны, не найдено подтверждений связи нарциссизма и интенсивности использования ОСС или было показано, что эта связь опосредована такой личностной характеристикой, как склонность к самораскрытию [8].

Связь между нарциссизмом и поддержанием позитивного образа себя в ОСС также непрямая, она опосредована уровнем самооценки индивида; в частности, чем ниже самооценка, тем больше стремление создать положительный образ себя в онлайн-пространстве [5].

Несомненно, есть связи с определенной корреляцией индивидуально-психологических черт и поведения человека в ОСС. Необходим поиск дополнительных переменных, которые опосредованно влияют на результаты.

Самооценка человека рассматривается как представление человека о собственных качествах и оценка их важности. Один из наиболее признаваемых фактов в отношении самооценки заключается в том, что все люди стремятся либо поддерживать, либо повышать свою самооценку в зависимости от ее первоначального уровня как в реальном взаимодействии, так и в онлайн-среде. Результаты исследований связи самооценки и использования ОСС также крайне противоречивы. Часть авторов указывают, что высокая частота использования ОСС связана с низкой самооценкой и ОСС выступают своеобразной компенсирующей средой [5].

Социальные сети постепенно стали частью повседневной жизнедеятельности многих людей и неизбежно влияют на личностные особенности. Виртуальные личности пользователя ОСС в свою очередь способны влиять как положительно, так и отрицательно на образ жизни реального человека и общества, на формирование субъектной позиции личности в реальном и виртуальном пространстве. Сегодня среди ученых нет согласия в вопросе о том, что же собой представляет личность пользователя социальных сетей. В процессе работы над сбором теоретической и эмпирической информации стали очевидны нарастающие тенденции, свидетельствующие о стремлении пользователя транслировать в киберпространстве свою реальную идентичность с учетом возможности стремления к достижению идеального «Я» [1].

Специфика виртуального пространства дает пользователям возможность исследовать многие аспекты собственной личности. Сохраняющаяся анонимность, отсутствие телесного компонента как связи с реальным миром в данном случае создает позитивную независимость от социальных норм, давления со стороны или отвержения личности, отличающейся от своего окружения расой, сексуальной ориентацией, физическими дефектами и т.д. [1]. С другой стороны, анонимность снижает степень ответственности и саморегуляции, создает

возможности для проявления полифоничности в коммуникациях и деиндивидуализации в самопрезентации. Следовательно, в одних случаях, ОСС будут являться компенсаторной средой, местом, где личность может в безопасных условиях исследовать себя, развиваться, пробовать новые стратегии поведения, заводить контакты, тем самым привнося в реальную жизнь новые возможности [2]. Но в определенных обстоятельствах онлайн социальные сети становятся основной реальностью, подменяющей настоящую, местом для избегания ответственности за собственную жизнь, что может привести к возникновению зависимости от виртуального пространства, зарождению фобий и подменой настоящего «Я» виртуальным [2] [3].

Можно предположить, что основной проблемой валидности множества исследований индивидуально-психологических особенностей личностей в ОСС является фактор анонимности. Возможно, именно он определяет цель и модели поведения личности в онлайн-пространстве, что может приводить к разным результатам при анализе одних и тех же характеристик.

Примечания:

1. Гордеев Н.В. Презентация виртуальной личности в разных коммуникационных средах сети интернет. Донецк: Донецкий ин-т маркетинга и социальной политики, 2009.
2. Жичкина А.Е. Взаимосвязь идентичности и поведения в Интернете пользователей юношеского возраста: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Москва, 2001.
3. Муранова А. Семь фобий, рожденных гаджетами и интернетом. URL: russian7.ru/2014/04/7-fobij-rozhdennyxgadzhetaми-i-internetom/ (дата обращения: 08.09.2014).
4. Amichai-Hamburger Y., Vinitzky G. Social network use and personality // *Computers in Human Behavior*. 2010. Vol. 26, № 6.
5. Bergman S.M. Millennials, narcissism, and social networking: What narcissists do on social networking sites and why // *Personality and Individual Differences*. 2011. Vol. 50, № 5.
6. Katelyn Y.A. McKenna, Amie S. Green, Marci E.J. Relationship Formation on the Internet: What's the Big Attraction? // *Journal of Social Issues*. 2002. Vol. 58, No. 1.
7. Kosinski M., Stillwell D., Graepel T. Private traits and attributes are predictable from digital records of human behavior // *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 2013. Vol. 110, № 15.

8. Mehdizadeh S. Self-presentation 2.0: Narcissism and self-esteem on facebook // Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking. 2010. Vol. 13, № 4.

9. Rainie L., Lenhart A., Smith A. The tone of life on social networking sites. Pew Research Center, 2012.

10. Vasalou A., Joinson A.N., Courvoisier D. Cultural differences, experience with social networks and the nature of “true commitment” in Facebook // International Journal of Human Computer Studies. 2010. Vol. 68, № 10.

Поречный Никита Евгеньевич, аспирант кафедры управления персоналом и организационной психологии, Кубанский государственный университет, г. Краснодар, e-mail: ozhegrant@yandex.ru

Porechniy Nikita E., Postgraduate at the Department of Personnel Management and Organizational Psychology, Kuban State University, Krasnodar, e-mail: ozhegrant@yandex.ru

РАЗДЕЛ 5. ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ БЫТИЯ И СО-БЫТИЯ ЛИЧНОСТИ

УДК 159.9:316.356.2

ББК 88.56

С 56

Соколов Д.В., Некрасов С.Д.,

Кубанский государственный университет, Россия, Краснодар

**ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ ЖЕНЩИН, ОБРАЩАЮЩИХСЯ ДЛЯ
РЕАБИЛИТАЦИИ В КРИЗИСНЫЙ ЦЕНТР**

Аннотация. В данной статье затрагивается малоизученный феномен рискованного поведения женщин, пострадавших от домашнего насилия и обратившихся в кризисный центр за реабилитацией. В работе теоретически обосновано разграничение видов рискованного поведения, характерных именно для женщин, обратившихся в кризисный центр. Была поставлена задача составить приблизительный психологический портрет данной женщины. Для этого обозначены её основные личностные свойства, ставшие мотивами рискованного поведения: желание помочь себе и близким, покинув ситуацию домашнего насилия; изменение собственного психоэмоционального состояния. Было выявлено, что большая часть женщин характеризуется высоким осознанием способности принимать осмысленное решение при недостаточности ориентиров в условиях риска для саморазвития и повышения интеллектуального уровня. Было найдено процентное соотношение различных психоэмоциональных состояний до и после посещения кризисного центра. Выявлен средний возраст обратившихся и наличие у них детей.

Ключевые слова: домашнее насилие, готовность к риску, кризисный центр, рискованное поведение, насилие в семье, агрессия, личностные свойства женщин.

Sokolov D.V., Nekrasov S.D.,

Kuban State University, Krasnodar

**PSYCHOLOGICAL PORTRAIT OF A WOMEN WHO APPLY FOR
REHABILITATION IN A CRISIS CENTER**

Abstract. This article deals with the little-studied phenomenon of risky behavior of women who have suffered from domestic violence and have applied to a crisis center for rehabilitation. The paper theoretically substantiates the separation of types of risk behavior that are specific to women who have applied to a crisis center. The task was to make an approximate psychological portrait of this woman. For this purpose, its main personal properties that have become motives for risky behavior are identified: the desire to help yourself and your loved ones, leaving the situation of domestic violence; changing your own psycho-emotional state. It was revealed that the majority of

women are characterized by a high awareness of the ability to make a meaningful decision with insufficient guidance in conditions of risk for self-development and intellectual development. The percentage of different psycho-emotional States before and after visiting the crisis center was found. The average age of the applicants and their children were revealed.

Keyword: domestic violence, risk tolerance, crisis center, risk behavior, domestic violence, aggression, women personal characteristics.

В современном мире домашнее насилие перестало ограничиваться рамками отдельной семьи, что является актуальной социальной проблемой. Сегодня феномен домашнего насилия принято рассматривать как по отношению к семье в целом, так и по отношению к личностям детей, жены и мужа в отдельности. На государственном уровне для решения этой проблемы в России создаются различные институты поддержки жертв домашнего насилия, к которым относятся телефоны доверия, службы поддержки, кризисные центры и др. Данные институты призваны осуществить социальное взаимодействие между жертвами насилия (которыми чаще всего становятся женщины и дети) и государственными органами, призванными их защищать.

В психологии известны попытки исследования проблемы семейного насилия с различных сторон: А.М. Бадоновым установлены связи между домашним насилием и патриархальными представлениями о власти в семье [2]; А.А. Бегина выявила связь между насильственными действиями в семье и уровнем образования супругов и стажем семейной жизни [3]; Т.В. Домрачёва и Л.В. Низова осуществили попытку ранжировать виды домашнего насилия по частоте их проявления с указанием причин, их провоцирующих [4]; И.В. Иванова, Е.Л. Лукьянова, Ю.В. Козлова, Г.В. Пятакова выявили, что людям, склонным к рисковому поведению, больше свойствен экстернальный локус контроля, конформность, эмоциональная неустойчивость, нерешительность, эгоистичность, враждебность, неуверенность, раздражительность, агрессивность [7]; И.В. Арендачук предложила рассматривать акмеологическую компетенцию как сложную связь между развитием своих внутренних ресурсов для достижения жизненных целей со стоической готовностью пережить крах всех своих замыслов и ожиданий в случае неудачи [1] и др.

Сложность заявленной проблематики состоит в том, что рисковое поведение женщины, испытывающей семейное насилие, следует рассматривать как широкое понятие, включающее в себя: как хладнокровное поведение во время принятия важного решения, как адаптацию к условиям семьи, как аддиктивное поведение в зависимости от ситуации и др.

Отечественный исследователь Е.П. Ильин в своей работе выделяет как минимум несколько устойчивых определений риска, не сводимых друг к другу: риск как возможная

опасность неблагоприятного исхода (О. Ренн, У. Бек, Н. Луман, Н.А. Алёшина); риск как активность человека в ситуации неопределенности (И.В. Зубков, К.К. Платонов, А.П. Альгин); риск как выбор из многих альтернатив (В. Данем, В.В. Ойзенгхт, А.А. Кондрацкий, В.С. Ибрагимова); риск как действия наудачу (В. Даль, С.И. Ожегов) [6].

В связи с данной трудностью, одной из первостепенных теоретических задач является размежевание видов рискованного поведения и выбор для рассмотрения ограниченного спектра поведенческой мотивации, связанной с рискованным поведением. В нашем случае под готовностью к риску будут подразумеваться ситуации, когда субъект семейных отношений:

а) берёт на себя смелость изменить свою жизненное положение, сложившееся в результате однократного или многократного акта насильственных действий по отношению к себе со стороны супруга;

б) стремится помочь своим близким (детям), выведя их из травмирующей семейной ситуации, принимая на себя все сопутствующие трудности, которые повлечёт подобный поступок.

Таким образом, можно предположить, что к существенным личностным свойствам женщин, подвергнутым домашнему насилию, относятся следующие мотивы, заставившие их искать помощи в кризисном центре: готовность женщины к риску для устранения условий домашнего насилия, а также принятие женщиной решения об изменении сложившегося в семейной обстановке психоэмоционального состояния. Согласно ряду исследований (С.Ю. Головина, А.Г. Маклакова, Г.А. Мухиной и др.) ведущий мотив обращения женщины в кризисный центр помощи женщинам можно считать главным из нескольких осознаваемых целей устранения условий домашнего насилия.

Основываясь на исследованиях (К. Беуленс, Е.П. Ильина, М.А. Кленовой, Т.В. Корниловой, В.А. Петровского, Б. Фигнер и др.), готовность женщины к риску для устранения условий домашнего насилия мы будем рассматривать как свойство личности, означающее способность принимать осмысленное решение при недостаточности ориентиров в условиях риска, связанное: с зависимостью испытывать прилив адреналина; с интеллектуальными стратегиями; с адаптацией в мире, связанной с помощью другим; с нарушением норм; с возможностями саморазвития.

Феномен принятия решения женщиной об изменении сложившегося в семейной обстановке психоэмоционального состояния будет рассматриваться в субъектно-бытийном подходе, в котором сложная для женщины семейная ситуация понимается как «трудная, если она обладает для нее такими признаками, как значимость, неподконтрольность,

неопределенность, малая прогнозируемость, динамичность, стрессогенность, а также недостаточное соответствие собственных ресурсов требованиям ситуации» [5, С. 159-160].

Поиск эмпирических подтверждений предположения проведен в ГКУ СО КК «Краснодарский краевой кризисный центр помощи женщинам». Была сформирована выборка из женщин, поступивших для реабилитации в кризисный центр в 2020 году, которые согласились участвовать в исследовании ($n = 18$ чел.). Использованы методики: разработанные опросники «Цель обращения в кризисный центр» и «Психоэмоциональные состояния до и после обращения в центр», модернизированная методика RSK Шуберта «Готовность к риску».

Методикой «Цель обращения в кризисный центр» предлагалось завершить предложение: «Цель моего посещения Краевого кризисного центра помощи женщинам состоит в...».

Модернизированная методика RSK Шуберта «Готовность к риску» содержит пять групп вопросов, составленных и уточненных, из 25 вопросов методики RSK Шуберта. Содержание вопросов различалось осознанием испытуемых способности принимать осмысленное решение при недостаточности ориентиров в условиях риска, связанные с пятью видами готовности к риску: с зависимостью испытывать прилив адреналина; с интеллектуальными стратегиями; с адаптацией в мире, связанной с помощью другим; с нарушением норм; с возможностями саморазвития.

Методикой «Психоэмоциональные состояния» предлагалось завершить предложения: «До обращения в кризисный центр я испытывала следующие эмоции: ...» и «Находясь в кризисном центре, я испытываю следующие эмоции: ...».

Перечислим полученные эмпирические факты.

Распределение выборки по возрасту: 6% женщин имеют возраст от 23 до 26 лет; 51% женщин имеют возраст от 23 до 33 лет; 43% женщин имеют возраст от 34 до 45 лет.

Все женщины, поступившие для реабилитации в кризисный центр, имеют детей. Распределение выборки по числу детей: 56% имеет одного ребенка; 28% имеют двух детей; 17% имеют трех детей. Распределение выборки по возрасту младшего ребенка: у 78% женщин возраст младшего ребенка до пяти лет; у 22% женщин возраст младшего ребенка от 13 до 15 лет.

Анализ данных, полученных с помощью методики «Цель обращения в кризисный центр», позволил выделить два вида осознаваемых целей устранения женщиной условий домашнего насилия: «развестись с мужем»; «спасти себя и детей». Распределение выборки по видам осознаваемых целей устранения женщиной условий домашнего насилия: у 72%

женщин главная цель – развестись с мужем; у 28% женщин главная цель – спасти себя и детей.

Анализ данных, полученных с помощью модернизированной методики «Готовность к риску», позволил ранжировать ответы по видам готовности женщин к риску, связанные с возможностями саморазвития (10 баллов), с интеллектуальными стратегиями (9,4 балла), с адаптацией в мире, связанной с помощью другим (7,5 баллов), с зависимостью испытывать прилив адреналина (6,5 баллов), с нарушением норм (5,7 баллов).

Анализ данных, полученных с помощью методики «Психоэмоциональные состояния», позволил выделить виды психоэмоциональных состояний женщин, поступивших в кризисный центр, причем некоторые называли не одно, а несколько состояний.

Распределение выборки по видам психоэмоциональных состояний, которые испытывали женщины до обращения в кризисный центр: 94% женщин испытывали разные уровни страха за свою жизнь; 39% женщин испытывали разные уровни безысходности положения в семье; 17% женщин испытывали разные уровни агрессивности.

Распределение выборки по видам психоэмоциональных состояний, которые испытывали женщины после обращения в кризисный центр: 78% женщин испытывали разные уровни спокойствия; 39% испытывали разные уровни веры в будущее; 17% женщин испытывали разные уровни благодарности; у 6% женщин остались разные уровни страха за свою жизнь.

Подытоживая, составим приблизительный психологический портрет женщин, обращающихся для реабилитации в кризисный центр.

Все женщины, поступившие в кризисный центр, имеют детей; у большей части женщин один ребенок, возраст которого до пяти лет; возраст большей части женщин – возраст обретаемой семейной идентичности.

Больше половины женщин имеют возраст, который можно обозначить как возраст обретаемой семейной идентичности, а около половины женщин имеют возраст, который можно обозначить как возраст обретенной семейной идентичности.

У большей части женщин ведущим мотивом обращения в кризисный центр является развод с мужем («уйти от мужа-агрессора», «скрыться от насилия», «хочу развестись с мужем, который постоянно меня избивает» и др.).

Большая часть женщин характеризуется высоким осознанием способности принимать осмысленное решение при недостаточности ориентиров в условиях риска для саморазвития и повышения интеллектуального уровня.

Большая часть женщин до обращения в кризисный центр испытывали разные уровни страха за свою жизнь («ужас»; «кошмар»; «страх потери ребенка»; «смятение»; «депрессия» и др.). А после обращения в кризисный центр многие считают, что обрели спокойствие («всё хорошо»; «спокойствие за себя и детей» и др.).

Примечания:

1. Арендачук И.В. Акмеологическая компетентность личности как фактор психологической готовности к риску // Известия Саратовского университета. Сер.: Акмеология образования. Психология развития. 2015. Т. 4, № 2. С. 103-110. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23774965>

2. Бадонов А.М. Домашнее насилие как инструмент власти в семье // Власть. 2017. Т. 25, № 2. С. 108-112. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29449340>

3. Бегина А.А. Социальные факторы насилия в семье // Практики заботы в современном обществе: материалы Всерос. науч.-практ. конф., г. Саратов, 21 декабря 2016 г. Саратов: Саратовский источник, 2017. С. 32-38. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29806276>

4. Домрачёва Т.В. Семья как зона риска домашнего насилия женщин // Конфликтология. 2017. Т. 12, № 3. С. 122-132. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=30604801>

5. Знаков В.В., Рябикина З.И. Психология человеческого бытия. Москва: Смысл, 2017. 416 с. ISBN 978-5-89357-366-4.

6. Ильин Е.П. Психология риска. Санкт-Петербург: Питер, 2012. 267 с.

7. Представления о риске и рискованном поведении курсантов с экстернальным и интернальным локусом контроля / И.В. Иванова, Е.Л. Лукьянова, Ю.В. Козлова, Г.В. Пятакова // Вестник Санкт-Петербургского университета государственной противопожарной службы МЧС России. 2016. № 3. С. 170-175. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=27411275>

Соколов Денис Васильевич, студент, Кубанский государственный университет, Краснодар, e-mail: sunyata37@gmail.com

Sokolov Denis V., university student, Kuban State University, Krasnodar, e-mail: sunyata37@gmail.com

Некрасов Сергей Дмитриевич, кандидат психологических наук, доцент, профессор кафедры психологии личности и общей психологии, Кубанский государственный университет, Краснодар, e-mail: nekrasow@manag.kubsu.ru

Nekrasov Sergey D., Candidate of Psychological Sciences, Docent, Professor at the Department of Personality Psychology and General Psychology, Kuban State University, Krasnodar, e-mail: nekrasow@manag.kubsu.ru

Щербакова Е.А., Каратунов В.В.

Краснодарское высшее военное авиационное училище летчиков имени А.К. Серова, Россия, г. Краснодар,

ПСИХИЧЕСКИЙ ОБРАЗ РОДИТЕЛЕЙ В СТРУКТУРЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНО ВАЖНЫХ КАЧЕСТВ КУРСАНТА-ЛЁТЧИКА

Аннотация. Психический образ как феномен психологической науки является следствием психического отражения человеком объективной реальности и обнаруживается в его субъективном образе мира, включающем в себя образ родителей. Исследование образа родителей в структуре профессионально важных качеств показало характерологическую предрасположенность будущих военных летчиков к выбранному виду профессиональной деятельности. Причем, характеристики «образа Я» респондентов, повышающие профессиональную пригодность, были выявлены в «образе отца», а снижающие и даже мешающие профессиональному становлению – в «образе матери». В целом результаты исследования подтвердили социализирующую роль родителей (личностная группа профессионально важных качеств содержит качества обоих родителей), мотивирующую и регулирующую роль психического образа в выборе курсантами профессиональной деятельности.

Ключевые слова: образ родителей, профессионально важные качества военного летчика.

Sherbakova E.A., Karatunov V.V., A.K. Serov

Krasnodar Higher Military

Aviation Pilot School, Russia, Krasnodar

PARENTS MENTAL IMAGE IN THE STRUCTURE OF PROFESSIONALLY IMPORTANT PILOT CADET QUALITIES

Abstract. The mental image as a phenomenon of psychological science is a consequence of a person's mental reflection of objective reality and is found in his subjective image of the world, which includes the image of parents. The study of the image of parents in the structure of professionally important qualities showed the characterological predisposition of future military pilots to the chosen type of professional activity. Moreover, the characteristics of the respondents "Self-image" that increase professional aptitude were identified in the "father image", and those that reduce or even hinder professional development in the "mother image". In General, the results of

the study confirmed the socializing role of parents (the personal group of professionally important qualities contains the qualities of both parents), motivating and regulating the role of the mental image in the choice of professional activity by cadets.

Keyword: parents' image, professionally important qualities of a military pilot.

Психический образ как феномен психологической науки изучался и продолжает изучаться многими учеными как в теоретическом, так и в прикладном аспектах [3, 4, 5, 6, 7 и др.]. Согласно их исследованиям, «психическое отражение формируется и развивается в процессе жизнедеятельности субъекта, «обслуживая» его как целостность», вследствие чего оно приобретает субъективный характер. Также указывается, что субъективность образа включает момент пристрастности, зависимости образа от потребностей, мотивов, целей, установок, эмоций человека и т.д. Учитывая, что образ формируется на базе опыта, который накопил человек, в той или иной мере интегрируя и адаптируя этот опыт, можно сказать, что данное положение особенно отчетливо выражается в случаях, когда речь идет об образах, имеющих для человека жизненно важное значение.

Современные исследования феномена психического образа дополняют уже имеющиеся данные, способствуют более глубокому пониманию процесса запечатления опыта человека, сложившейся у него системы установок, субъективных отношений, мотивов и целей.

В связи с этим, считаем целесообразным продолжение исследований в этом направлении, а именно, исследование психического образа родителей в структуре профессионально важных качеств курсанта-летчика.

Одной из особенностей курсантской учебной и служебной деятельности с первых дней пребывания в стенах училища является «оторванность» от стен родного дома. Кто-то поступил в военное училище уже будучи в рядах Вооруженных сил, а кто-то пришел в учебное заведение только со школьной скамьи, принимал воинскую присягу, впервые здесь столкнувшись с «тяготами и лишениями военной службы». Но и тех, и других объединяет любовь к отчужденному дому, к родному краю, и, конечно, к родителям. Ведь именно они с первых наших дней и до сегодняшнего момента являются для нас самыми близкими людьми, которые всегда помогут и поддержат. И именно благодаря им мы такие, какими мы являемся. Но знаем ли мы наших родителей? Или имеем только представление о них? Сформированный с детства образ родителей помогает нам выстраивать с ними отношения, ориентироваться на какие-то их поведенческие константы. Вместе с этим наша схожесть с родителями проявляется в собственном образе «Я».

Напомним, что психический образ родителя – это интериоризированная человеком в процессе социализации интегрированная система общих жизненных представлений родителей (родителя или другого значимого лица) индивида, схема субъективной реальности, определяемая системой жизненных установок. [2]. На основании этих представлений у человека формируется определенный образ жизни – форма индивидуальной и групповой жизнедеятельности, отличающаяся особенностями повседневного поведения, межличностного общения, отношением к требованиям социума, индивидуальными особенностями реализации духовных и материальных потребностей [4, с. 93-94].

Для определения профессиональной пригодности к деятельности военного летчика абитуриенты проходят психологическое тестирование, где одной из групп профессионально важных качеств (ПВК) являются личностные качества [1], подробное описание которых приводится в монографии Е.А. Щербаковой [4, с. 93-94]. В работе автор приводит дополненный в результате анализа список положительных и отрицательных для профессии личностных качеств.

Важность этих качеств для успешной профессиональной деятельности однозначна, но нам стало интересно, насколько сильно связано наличие этих качеств в личности курсантов с личностными качествами их родителей.

Для решения исследовательской задачи нами было проведено исследование, в котором респондентами выступили курсанты военного лётного училища, выборка составила 38 человек. Все респонденты мужчины, возраст 19-21 год. Респондентам было предложено написать положительные и отрицательные качества своей личности и личности своих родителей.

Далее мы провели качественный анализ полученных результатов и получили психические образы отца, матери и собственного «Я» курсанта.

Приведем полученные результаты:

- образ отца в представлении курсантов: ответственный, целеустремленный, решительный, добрый, с высоким чувством юмора, отзывчивый, заботливый, щедрый, честный, рассудительный, пунктуальный, нежный, практичный, спокойный, надежный, сильный, умный, инициативный, смелый, дружелюбный, бережливый, трудолюбивый, терпеливый, серьезный, бескорыстный, активный, чувствительный, оптимистичный, аккуратный и верный. В тоже время вспыльчивый, агрессивный, злой, эмоциональный, упёртый, безразличный, пессимистичный, забывчивый, неустойчивый, торопливый, нетерпеливый, дотошный;

- образ матери в представлении курсантов: добрая, заботливая, отзывчивая, нежная, трудолюбивая, оптимистичная, умная, ответственная, активная, щедрая, усердная,

женственная, надежная, честная, решительная, веселая, искренняя, пунктуальная, внимательная, понимающая, любящая, уверенная, организованная, аккуратная, мудрая, оптимистичная, дружелюбная, верная, практичная, великодушная. Кроме того, обидчивая, вспыльчивая, нерешительная, волнительная, слабохарактерная, эмоциональная, чрезмерно заботливая, рассеянная, ранимая, наивная, не сдержанная, забывчивая, унылая, мстительная, нетерпеливая, упёртая, заносчивая, дотошная.

Образ «Я» курсанта: практичный, чувствительный, веселый, терпеливый, милый, пунктуальный, заботливый, смелый, открытый, добрый, послушный, развитый, решительный, дружелюбный, тактичный, честный, сообразительный, целеустремленный, щедрый, активный, умный, ответственный, сдержанный, верный, организованный, скромный, аккуратный, творческий, нравственный, оптимистичный, бережливый, внимательный, отзывчивый. Вместе с тем, ленивый, жестокий, нетерпеливый, нерешительный, унылый, несерьезный, злобный, медлительный, скучный, занудный, рассеянный, назойливый, грубый, торопливый, наивный, бесчувственный, обидчивый, критичный, упёртый, вспыльчивый, агрессивный, жадный, мстительный.

Анализ полученных результатов позволил нам объединить их в несколько групп, а именно:

- 1) качества, которые есть как у обоих родителей, так и у сына;
- 2) качества, которые есть только у сына и отца;
- 3) качества, которые есть у матери и сына;
- 4) качества, которых нет у родителей, но они есть у сына;
- 5) качества, которые есть только у родителей.

Приведем результаты анализа положительных характеристик образов по вышеперечисленным группам с позиции выраженности их в образе «Я» курсанта.

Первая группа качеств: практичный, веселый, пунктуальный, заботливый, добрый, решительный, дружелюбный, честный, щедрый, активный, умный, ответственный, верный, аккуратный, отзывчивый.

Вторая группа качеств: чувствительный, терпеливый, смелый, целеустремленный, бережливый.

Третья группа качеств: организованный, внимательный.

Четвертая группа качеств: милый, открытый, послушный, развитый, тактичный, сообразительный, сдержанный, творческий, нравственный.

Приведем результаты анализа отрицательных характеристик образов по тем же основаниям.

Первая группа качеств: нетерпеливый, упёртый, вспыльчивый.

Вторая группа качеств: злобный, торопливый, агрессивный.

Третья группа качеств: неряшливый, унылый, рассеянный, наивный, обидчивый.

Четвертая группа качеств: ленивый, жестокий, несерьезный, медлительный, скучный, занудный, назойливый, грубый, бесчувственный, критичный, жадный.

Рассмотрим качества, присущие родителям, но не нашедшие отражения в образе «Я» курсанта. К положительным отнесены: нежность, надежность, трудолюбие. К отрицательным – эмоциональность, забывчивость, дотошность.

Далее представим качества отца и матери, присущие только им.

Качества отца:

- положительные: рассудительный, спокойный, сильный, инициативный, серьезный, бескорыстный;

- отрицательные: безразличный, пессимистичный, неустойчивый.

Качества матери:

- положительные: усердная, женственная, искренняя, понимающая, любящая, уверенная, мудрая, великодушная;

- отрицательные: волнительная, слабохарактерная, чрезмерно заботливая, ранимая, несдержанная, заносчивая.

Сравнительный анализ результатов нашего исследования показал, что и положительные, и отрицательные качества нашли свое отражение в перечне ПВК военного летчика, представленных Е.А. Щербаковой [4, с. 69-79].

Кроме того, большая часть положительных и отрицательных качеств образов отца и матери респондентов также имеют свое место в вышеуказанном перечне и могут считаться «спящими» в образе «Я» курсантов.

Наряду с этим можно предположить, что качества, присущие только курсантам, развились у респондентов в связи с особенностями социальной среды, которая оказывала воздействие на ребенка в процессе его социализации, а также с возрастными особенностями, т.к. некоторые качества присущи данному этапу взросления.

Итак, проведенное исследование показало, что личностные качества человека не возникают сами по себе, и, как бы иногда не хотелось юношеству отрицать участие своих родителей в личностном становлении их детей, объективные результаты показывают:

- профессионально важные личностные качества военного летчика в образе «Я» курсанта в большей степени совпадают с качествами обоих родителей;

- с качествами отца больше совпадают положительные качества, в то время как отрицательные – с качествами матери.

Практическая значимость проведенного исследования очевидна. Результаты могут быть использованы психологами в процессе психолого-педагогического сопровождения обучения курсантов военного летного училища, а также учитываться в процессе профессионального психологического отбора кандидатов на обучения в военном летном вузе.

В заключении хочется выразить слова благодарности нашим родителям за такой вклад в нас, их сыновей, курсантов КВВАУЛ, будущих защитников воздушного пространства нашей страны! Отдельно слова благодарности *папе* за то, что есть, на что опереться в своей личности! Отдельно слова благодарности *маме* за то, что есть перспектива личностного развития! В целом, *благодарим ПАПУ И МАМУ за то, что именно ОНИ наши ПАПА И МАМА!!!*

Примечания:

1. Ворона А.А., Гандер Д.В., Пономаренко В.А. Теория и практика летного обучения. Москва: Военное изд-во, 2003. 280 с.
2. Еникеев М.И. Психологический энциклопедический словарь. Москва: Проспект, 2006.
3. Завалова Н.Д., Пономаренко В.А. Психология формирования специальных навыков действия в нестандартных ситуациях полета // Космическая биология и авиакосмическая медицина. 1978. № 3.
4. Щербакова Е.А. Образ родителей в структуре адаптивности личности курсанта-летчика: монография. Краснодар: КВВАУЛ, 2015. 190 с.
5. Греков И.В. Образ Я как интеграл архетипических субличностей. URL: http://www.psycosmology.ru/phd/files/dissertation_grekov.pdf
6. Завалова Н.Д., Ломов Б.Ф., Пономаренко В.А. Образ в системе психической регуляции деятельности. URL: http://www.ahmerov.com/book_721.html
7. Полищук Е.А. Подходы в понимании образа в психологии. URL: <http://jurnal.org/articles/2010/psih11.html>

Щербакова Елена Алексеевна, канд.психол.н., преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Краснодарское высшее военное авиационное училище летчиков имени А.К. Серова, e-mail: leliyaom@yandex.ru

Sherbakova Elena A., Candidate of Psychological Sciences, Lecturer of Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines, A. K. Serov Krasnodar Higher Military Aviation Pilotsschool, Krasnodar, e-mail: leliyaom@yandex.ru

Каратунов Владислав Вячеславович, курсант, Краснодарское высшее военное авиационное училище летчиков имени А.К. Серова, Краснодар

Karatunov Vladislav V., cadet of A.K. Serov Krasnodar Higher Military Aviation Pilotsschool, Krasnodar

